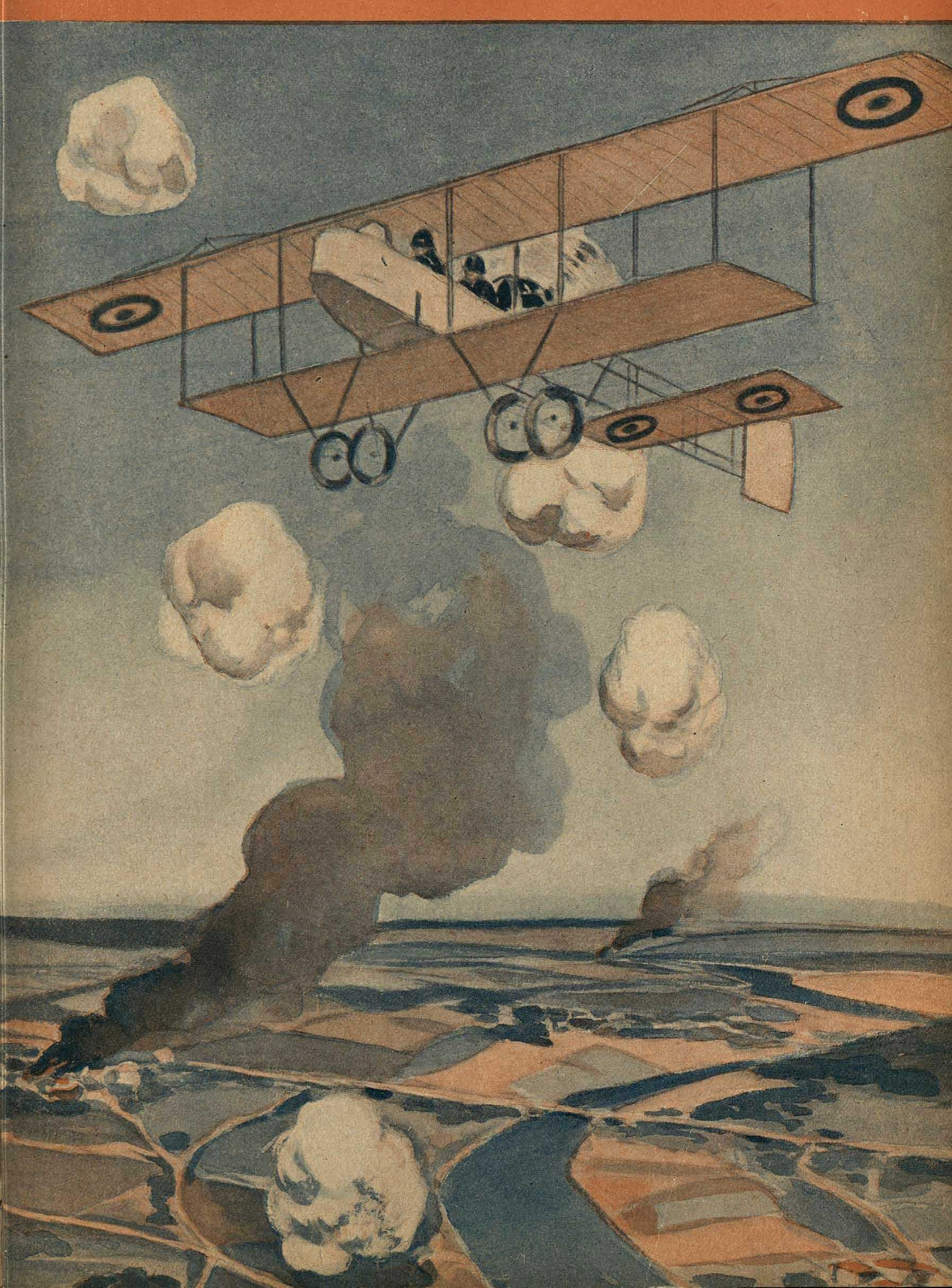
МIРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦIЯХЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ
И
ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга XI.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ
Москва.—1915

Дикари

Изъ борьбы въ западно-африканскихъ колоніяхъ.

Повѣсть *В. Дубаса.*

I.

Палабра въ селеніи Джомбуайа.

Старѣйшины деревни Джомбуайа, принадлежавшей къ одному изъ безчисленныхъ западно-африканскихъ племенъ ашанговъ, собрались раннимъ утромъ на палабру, т.-е. на совѣщаніе. Они важно разсѣлись кружкомъ на небольшомъ открытомъ пространствѣ среди глинобитныхъ съ пальмовыми крышами хижинъ.

Многочисленная толпа женщинъ и дѣтей окружала сидѣвшихъ, среди которыхъ самыя почетныя мѣста принадлежали князьку селенія и шаману — свѣтскому и духовному владыкамъ деревни.

Палабра была созвана въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ—съ высокихъ мѣстъ туземцами еще ночью были замѣчены невиданные ими никогда въ жизни молніеносные огни значительно ближе того мѣста, гдѣ небо падало на землю. Огни эти вспыхивали ярко-ярко, подобно ослѣпительнымъ стрѣламъ грознаго бога Апонайа, когда онъ въ дождливое время года посылаетъ ихъ въ наказаніе а недостаточныя и неугодныя ему жертвы туземцевъ.

Изрѣдка изъ этого загадочнаго далека зеленые лѣса несли раскатистые звуки, напоминавшіе грозу.

Но во всемъ явленіи, при полной ясности неба, было много жуткаго и невиданнаго, и жители селенія Джомбуайа почувствовали вдругъ страхъ, ужасный страхъ.

Охватившій туземцевъ животный ужасъ, чуть не перешедшій въ панику, удалось разъяснить до нѣкоторой степени самому храброму, умному и хладнокровному среди дикарей вождю Майомбану. Поговоривъ съ шаманомъ Магуки, своей правой рукой, довольно трусливымъ старикомъ, умѣвшимъ, однако, поддерживать непогрѣшимость свого пророческаго авторитета, Майомбанъ рѣшилъ созвать палабру раннимъ утромъ и тамъ выяснить во всѣхъ подробностяхъ испугавшее всѣхъ туземцевъ явленіе. Въ небольшой рѣчи Майомбанъ убѣдилъ своихъ подданныхъ подождать до утра.

Когда были выполнены всѣ необходимыя церемоніи палабры, т.-е. выпито

извѣстное количество мѣстнаго напитка, назначеніе котораго сводилось къ прояснению ума, и пережеваны корешки коричневаго растенія рамбутана, началось, наконецъ, совѣщаніе.

Каждый изъ старѣйшинъ по порядку высказывалъ свои соображенія по поводу поразившаго всѣхъ явленія.

Въ общемъ всѣ сошлись на томъ, что причина несомнѣнно лежитъ въ злой волѣ одного изъ могучихъ духовъ. Расходились только въ томъ, какому злому духу приписать страшное и загадочное явленіе. Было разногласіе также по поводу того, чѣмъ могла быть вызвана такая невиданная еще кара на туземцевъ.

Пренія начинали принимать понемногу страстный характеръ и переходить, какъ это часто бывало, въ перебранку.

Князекъ Майомбанъ успокоилъ собраніе, и тогда высказалъ свои догадки *мганга*, т.-е. шаманъ Магуки.

Онъ долго съ значительнымъ видомъ молчалъ, прежде чѣмъ началъ говорить. Зато, когда онъ заговорилъ, напряженное вниманіе воцарилось въ палабрѣ. Всѣ привыкли считать мнѣніе Магуки рѣшающимъ въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ.

Мганга Магуки началъ издалека—онъ любилъ нѣкоторую цвѣтистость выраженій, онъ зналъ много преданій и пользовался этимъ знаніемъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Вы знаете хорошо,—торжественно заговорилъ онъ наконецъ,—что всюду на землѣ распространено колдовство. Ночью колдуетъ луна, это самая злая чародѣйка. Хотя луна и солнце одинаковаго возраста, но солнце разливаетъ свѣтъ и веселость, а луна — мракъ, колдовство и смерть, ибо смерть происходитъ отъ сна, а сонъ начинается съ мракомъ. Солнце и луна поссорились когда-то изъ-за того, кто изъ нихъ старше.

«Кто ты такой, что осмѣливаешься разсуждать со мной?—говорила луна.— Ты одинъ, съ тобой нѣтъ никого: развѣ ты можешь быть мнѣ равнымъ? Посмотри,—прибавила она, показывая на свиту блестящихъ звѣздъ:—вотъ мои подданные; я не одинока на свѣтѣ, какъ ты!»

На это солнце отвѣтило: «О луна! Ты распространяешь колдовство и ты убила весь мой народъ; если бы не ты, у меня было бы гораздо больше подданныхъ, чѣмъ у тебя».

— Прошлой ночью, — закончилъ Магуки,—вашъ мганга замѣтилъ, что луна имѣла красный цвѣтъ—это не даромъ: огненныя стрѣлы и далекіе раскаты—дѣло злыхъ ея чаръ.

Магуки величественно сѣлъ, при общемъ напряженномъ молчаніи.

Почти всѣ готовы были согласиться съ утвержденіемъ всезнающаго шамана.

Палабра еще не успѣла закончиться, какъ внезапно что-то снова загремѣло, зашумѣло въ лѣсу, повидимому, не слишкомъ далеко отъ деревни Джомбуайа.

Туземцы, съ выраженіями ужаса и криками, тѣсно столпились вокругъ своихъ старѣйшинъ.

Вождь Майомбанъ минуту что-то обдумывалъ, а потомъ, обратившись къ подданнымъ, сказалъ:

— Ты Мадунгу, ты Мокела, ты Дибако и ты Бенгуинъ, вы, мои лучшіе воины, пойдете сейчасъ со мной въ ту сторону, гдѣ гремитъ лѣсъ. Жаль покидать нашу старую деревню Джомбуайа, въ которой жили наши славные предки. Мы поближе увидимъ, что тамъ дѣлается въ лѣсу.

Шумные возгласы сочувствія толпы были отвѣтомъ на слова князька.

Вооружившись, Майомбанъ со своими четырьмя воинами скрылись въ лѣсу, обѣщавъ вернуться въ селеніе ранѣе, чѣмъ солнце дважды проплыветъ по небу.

Оставшіеся туземцы долго смотрѣли въ ту сторону, гдѣ скрылся ихъ мужественный вождь, съ ужасомъ прислушиваясь къ рѣзкимъ звукамъ, несшимся по лѣсу.

II.

Вѣерный лѣсъ.

Если бы человѣкъ, надѣленный чувствомъ природы, вошелъ въ нѣдра того лѣса, по незамѣтнымъ тропинкамъ котораго осторожно прокрадывались Майомбанъ со своими спутниками, онъ былъ бы пораженъ расточительностью вѣернаго царства. Вѣера, тысячи, милліоны, бездна вѣеровъ отъ земли до высокаго

неба, маленькихъ и большихъ, широколиственныхъ, развѣсистыхъ, кудрявыхъ, кокетливыхъ, кружевныхъ, нѣжно воздушныхъ, раскрывались повсюду.

Они вились по всему видимому пространству, эти чудные вѣера, то сжатые, то развернутые, вздрагивая своими воздушными очертаніями отъ незамѣтныхъ движеній.

Въ вѣерныхъ объятіяхъ поднимались къ небу разнообразныя пальмы, темнозелеными, темносѣрыми, серебристыми, красноватыми, золотистыми колоннами, убранные ліанами, точно прихотливымъ кружевомъ.

И кругомъ цвѣты самыхъ яркихъ окрасокъ.

Натуралистъ нашелъ бы здѣсь массу самыхъ интересныхъ представителей тропической флоры.

Здѣсь росли большіе вѣерные вьющіеся папоротники, перемѣшанные съ длиннымъ пушистымъ мхомъ и пурпурно красными цвѣтами лоранта. Тамъ выдѣлялись чистымъ серебромъ своихъ листьевъ цекроніи и сцеталинеи.

Пальмовые стволы обвивались густой сѣтью прекрасныхъ арондей, вьющагося папоротника и роскошныхъ кустовъ орхидей.

Тутъ были и огромныя хлѣбныя деревья съ ихъ вырѣзными листьями и крупными висящими плодами, колоссальныя деревья манго и многочисленные кустарники.

Но среди пальмъ истинной царицей выдѣлялась идеально гармоническая вѣерная пальма, иначе «пальма путешественниковъ». Расширенная нижняя часть черешковъ ея листьевъ имѣетъ свойство подолгу сохранять въ себѣ дождевую воду. Если черешокъ снизу проколоть остреемъ ножа, то вода вытечетъ, и ея можно набрать нѣкоторое количество; потому и называется эта царица вѣерныхъ просторовъ пальмой путешественниковъ, которыхъ она не разъ спасала отъ жажды.

Майомбанъ и его спутники уже довольно долго шли по лѣсу.

Жуткіе рѣзкіе звуки становились по временамъ громче, иногда же совсѣмъ затихали.

Послѣ полудня наступила тишина.

Князекъ и его воины рѣшили отдохнуть подъ орѣховымъ деревомъ кула, которое какъ разъ къ этому времени года давало драгоцѣнные питательные орѣхи. Майомбанъ не взялъ съ собой никакой провизіи, разсчитывая на орѣхи кула и пальму путешественниковъ.

Майомбанъ и его воины начали разбивать очень твердую скорлупу орѣха концомъ копья. Потомъ они съѣли вишнеобразные орѣхи, напоминавшіе миндаль, и, подкрѣпивъ свои силы, собирались слегка вздремнуть подъ роднымъ деревомъ, какъ внезапно лѣсъ опять загрохоталъ, задрожалъ.

Пугливо затрепетало вѣерное царство.

Заволновались перистые, словно рѣявшіе въ воздухѣ, вѣеры древовидныхъ папоротниковъ.

Закачались вьющіяся ліаны, ниспадавшія небрежными фестонами съ безчисленныхъ вѣтвей.

Заколыхались рѣзкими движеніями горделивыя изумрудныя кроны.

Эхо катилось одно за другимъ, перегоняя одно другое, поглощая или усиливая другъ друга, внося смятеніе въ безмятежный міръ вѣернаго лѣса.

Майомбанъ и его спутники въ первую минуту хотѣли бѣжать назадъ. Но вождь, преодолѣвъ страхъ, залегъ въ травѣ съ своими людьми и сталъ зорко осматриваться по сторонамъ.

Ничего не было видно. Только эхо гуляло по лѣснымъ просторамъ, наполняя новой причудливой, страшно загадочной жизнью обычную лѣсную тишь.

Если бы не день, если бы вѣерное царство не было заткано золотисто пепельной паутиной мягкаго солнечнаго свѣта, прошедшаго сквозь сплошные изумрудные купола верхушекъ лѣсныхъ гигантовъ, Майомбанъ и его воины дрожали бы отъ ужаса при мысли, что злые духи разгулялись въ дебряхъ и ищутъ всюду людей для насыщенія своей кровожадности.

Но теперь, днемъ, только добрые духи могли царить въ лѣсу, а ихъ вѣдь бояться нечего. Къ тому же, нѣсколько фетишей, висѣвшихъ на шеѣ, еще болѣе увеличивали безопасность Майомбана и его спутниковъ.

На всякій случай, лежа въ травѣ, всѣ они крѣпко стиснули въ рукахъ чудодѣйственные амулеты, шепча наскоро первую пришедшую въ голову молитву.

Вскорѣ, однако, снова воцарилась тишина.

Вождь и его воины перевели духъ и встали съ земли.

Еще съ большей осторожностью и страхомъ они продолжали свой путь въ сторону загадочныхъ ужасныхъ явленій.

Майомбанъ, впрочемъ, вскорѣ повеселѣлъ—онъ нашелъ на тропинкѣ причудливый кусокъ корня треугольной формы, что, по вѣрованіямъ нѣкоторыхъ племенъ ашанговъ, считается весьма благопріятнымъ предзнаменованіемъ во время путешествія.

Конечно, вождь не замедлилъ, при помощи тонкой ліаны, привѣсить спасительный кусокъ себѣ на шею, въ качествѣ новаго фетиша.

III.

Роландъ Оветтъ.

Когда лейтенантъ Роландъ Оветтъ открылъ глаза, онъ нѣкоторое время безсмысленно смотрѣлъ передъ собой, силясь что-то припомнить. Но мысли точно исчезли изъ его мозга, и напрасны были попытки его возстановить въ памяти какой-то невѣроятный кошмаръ минувшаго.

Долго лежалъ онъ съ открытыми глазами, въ странномъ состояніи полусна, пока, наконецъ, у него не явилась способность понемногу различать окружающее.

Роландъ Оветтъ лежалъ въ лѣсу, въ густой травѣ, а вокругъ него разливался блѣдный, молочно жемчужный свѣтъ.

Онъ начиналъ даже улавливать чуть слышный хрустальный звонъ вѣернаго лѣса.

Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ, сквозь просвѣтъ въ зелени, сверкалъ серебромъ ручей.

Вниманіе Оветта привлекли къ себѣ на минуту рѣзвыя стрекозы, гонявшіяся одна за другой. Онѣ скользили по водѣ пурпурными и темномариновыми стрѣлками, погружая въ воду конецъ своего тонкаго туловища, или садились съ распростертыми крыльями на цвѣткахъ банановыхъ растеній и на длинныхъ стебляхъ ситовника.

Настойчиво и весело чирикали маленькіи сикобіи, перелетая цѣлыми стаями съ пальмы на пальму.

Лейтенантъ Оветтъ всматривался, вслушивался въ эту неугомонную, праздничную жизнь моря зелени, и сознаніе начинало понемногу возвращаться къ нему.

Тутъ только онъ замѣтилъ, что по сторонамъ отъ него лежали, точно спали крѣпкимъ сномъ, какіе-то люди.

Оветтъ началъ всматриваться въ эти привлекшія его вниманіе тѣла, въ ихъ странные скорченные члены, въ ихъ раскинутыя руки. Тутъ же валялись въ безпорядкѣ какіе-то предметы, и на мгновеніе молочно жемчужная струя свѣта скользнула по этимъ предметамъ, начавшимъ зловѣще сверкать. Лейтенантъ долго смотрѣлъ на нихъ, и вдругъ узналъ: это были штыки и ружья, цѣлые и сломанные. Около него валялась серебристо пурпурная сабля.

Теперь Роландъ Оветтъ съ ошеломляющей ясностью вспомнилъ внезапно все—на берегу этого ручья онъ лежалъ въ засадѣ съ отрядомъ развѣдчиковъ-тюркосовъ. Послѣ короткой ружейной и пулеметной стрѣльбы произошла ужасная штыковая схватка, въ которой малочисленный отрядъ былъ уничтоженъ подавляющими силами германцевъ.

Лейтенантъ припомнилъ теперь, какъ, разстрѣлявъ свои патроны, онъ пытался, съ саблей въ рукѣ, проложить себѣ дорогу черезъ ряды непріятеля, какъ онъ долго отбивался отъ нѣсколькихъ освирѣпѣвшихъ нѣмцевъ.

Онъ вспомнилъ, какъ на его голову упало что-то страшно тяжелое, точно свалилось небо, и земля быстро, быстро закачалась; что дальше было, онъ уже не помнилъ.

Оветтъ попробовалъ приподняться, но не могъ даже шевельнуться и продолжалъ неподвижно лежать.

«Несомнѣнно,—утѣшалъ онъ себя,—шумъ боя долженъ былъ донестись до отряда полковника Дюбуа, и вѣроятно, полковникъ уже послалъ санитаровъ».

Но сейчасъ же лейтенантъ вспомнилъ, къ своему ужасу, что передъ тѣмъ, какъ произошла трагическая схватка его отряда, онъ слышалъ учащенную стрѣльбу: очевидно, войска полковника Дюбуа вступили въ бой съ крупными силами германскаго майора фонъ-Цурмилена, расположеніе войскъ котораго долженъ былъ вывѣдать лейтенантъ Оветтъ.

Лейтенантъ не могъ знать, чѣмъ кончилось это сраженіе—теперь, по крайней мѣрѣ, въ лѣсу господствовала обычная тишина, прерываемая звономъ невидимыхъ насѣкомыхъ и чириканіемъ сикобій.

Сколько времени онъ лежалъ здѣсь, на бархатномъ коврѣ травы, онъ также не зналъ.

Медленно, страшно медленно текли часы, и даже, быть-можетъ, минуты, при полной отчетливости мысли и мертвенной неподвижности тѣла.

Все блѣднѣе становился жемчужный свѣтъ лѣса, все тусклѣе дѣлалось серебро ручья.

Уже перестали рѣзвиться стрѣловидныя рубиновыя стрекозы и замолкло веселое чириканье сикобій.

Роландъ Оветтъ начиналъ терять сознаніе.

Онъ почувствовалъ внезапную смертельную слабость, въ то же время въ мозгу появились знакомые образы родныхъ, друзей, знакомыхъ. Они переплетались въ причудливыя сочетанія. Оветту казалось, что онъ разсказываетъ своимъ друзьямъ о чудесахъ вѣерныхъ лѣсовъ, гдѣ владычествуютъ исполинскіе цвѣтники изъ сказочныхъ растеній, гдѣ льется опьяняющій ароматъ невиданныхъ орхидей, гдѣ звенитъ звономъ колокольчиковъ пахучій воздухъ.

Онъ говорилъ своему старому учителю-натуралисту о баснословной величинѣ арайниковыхъ и мальвовидныхъ, о башневидныхъ колоссахъ-пальмахъ и еще о многомъ многомъ...

IV.

Находка Майомбана.

Майомбанъ провелъ тревожную ночь въ лѣсу вмѣстѣ съ своими спутниками.

Вождь селенія Джомбуайа, какъ и его подданные, очень не любилъ и боялся ночевать въ лѣсныхъ чащахъ. Его не столько пугали дикіе обитатели дебрей, выходившіе ночью на добычу, въ родѣ пантеръ и шакаловъ, сколько безчисленные злые духи, устраивавшіе настоящіе шабаши въ лѣсныхъ трущобахъ.

Майомбану почему-то казалось, что они съ нѣкотораго времени очень не взлюбили его и ищутъ случая напасть на него.

Поэтому, когда пришлось ночевать въ лѣсу, вождь принялъ предохранительныя мѣры—вокругъ наскоро сдѣланнаго пальмоваго навѣса на срѣзанныхъ бамбукахъ Майомбанъ вбилъ съ четырехъ сторонъ небольшіе столбики и укрѣпилъ на нихъ всѣ имѣвшіеся у него и его воиновъ фетиши.

Въ этомъ волшебномъ четыреугольникѣ Майомбанъ чувствовалъ себя въ сравнительной безопасности противъ неожиданнаго нападенія злыхъ ночныхъ духовъ.

Ночь прошла благополучно, и съ разсвѣтомъ вождь и его спутники, подкрѣпившись орѣхами кула, продолжали путь

Такъ какъ обычная лѣсная жизнь, такъ хорошо знакомая князьку, ничѣмъ не нарушалась со вчерашняго дня, онъ былъ почти веселъ и болталъ, какъ всегда съ своими воинами.

Они вскорѣ вышли на берегъ прорѣзывающаго лѣсъ ручья и, такъ какъ имъ хотѣлось пить, припали губами къ зеркальной холодной водѣ.

Напившись, они пошли берегомъ ручья, и тутъ вскорѣ наткнулись на кровавые слѣды боя—валялись трупы людей, черныхъ и бѣлыхъ, удивительныхъ бѣлыхъ людей, которыхъ только разъ въ жизни пришлось увидать Майомбану и его воинамъ.

Валялись блестящіе ножи и много другихъ, неизвѣстныхъ для туземцевъ селенія Джомбуайа предметовъ.

Съ жгучимъ любопытствомъ осматривали они все—каждый трупъ, каждую вещь, ежеминутно прерывая другъ друга восклицаніями изумленія, ожесточенно жестикулируя, бросаясь изъ стороны въ сторону.

Вниманіе Майомбана привлечено было лежащимъ недалеко отъ другихъ бѣ-

лымъ, лицо котораго, залитое запекшейся кровью, было такъ бѣло, какъ молоко козъ родной деревни Джомбуайа.

Вождь остановился надъ нимъ, долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную бѣлизну и не могъ удержаться отъ того, чтобы, склонившись, не ощупать собственными руками это странное бѣлое тѣло.

Къ своему удивленію, онъ ощутилъ теплоту рукъ и, знаками подозвавъ своихъ воиновъ, подѣлился съ ними своимъ открытіемъ.

Тщательно осмотрѣвъ бѣлаго, они заключили съ несомнѣнностью, что онъ еще живъ.

Одинъ изъ воиновъ поднялъ валявшійся около бѣлаго длинный кровавый ножъ, съ интересомъ разсматривая его рукоятку.

Майомбанъ минуту стоялъ неподвижно, не зная, что предпринять. Въ это время бѣлый открылъ глаза и что-то пробормоталъ.

Майомбанъ низко наклонился надъ нимъ, знаками стараясь показать очнувшемуся все свое миролюбіе и готовность къ услугамъ.

Роландъ Оветтъ,—это былъ онъ,— наконецъ совсѣмъ пришелъ въ себя и, увидавъ черныхъ, окружившихъ его, страшно обрадовался.

Припомнивъ тѣ немногія выраженія и слова, которыя были извѣстны ему изъ нарѣчій племени ашанговъ, онъ попытался вступить въ разговоръ съ неграми.

Такъ какъ многое дополнялось мимикой, то обѣ стороны, болѣе или менѣе, поняли другъ друга.

Майомбанъ оказался чрезвычайно благороднымъ чернымъ: онъ предложилъ Оветту перенести его въ селеніе Джомбуайа, гдѣ онъ поправится отъ ранъ и найдетъ потомъ своихъ бѣлыхъ братьевъ.

Лейтенантъ съ радостью согласился, обѣщая щедрую награду.

Это обѣщаніе еще усилило рвеніе князька, и онъ, соорудивъ со своими воинами мягкія, удобныя носилки изъ пальмовыхъ листовъ, коры и ліанъ, осторожно положилъ на нихъ Оветта.

Такъ какъ лейтенанта томила жажда, Майомбанъ зачерпнулъ ему чистой воды изъ ручья и смылъ кровь съ лица.

Захвативъ съ собой наиболѣе цѣнныя, какъ имъ казалось, вещи, вождь и его воины, неся лейтенанта, двинулись въ обратный путь, въ деревню Джомбуайа.

Изъ немногихъ словъ бѣлаго князекъ не вполнѣ ясно представлялъ себѣ разыгравшіяся событія на берегу ручья.

По временамъ ему казалось, что какое-то враждебное племя напало на бѣлыхъ, но съ другой стороны, картина боя была такъ диковинна, такъ было разбросано много невѣдомыхъ предметовъ, что онъ не могъ понять случившагося.

Какъ ни хотѣлось ему скорѣе узнать обо всемъ, онъ не хотѣлъ нарушать покоя бѣлаго человѣка, который почти все время дремалъ или спалъ, и только изрѣдка что-то бормоталъ.

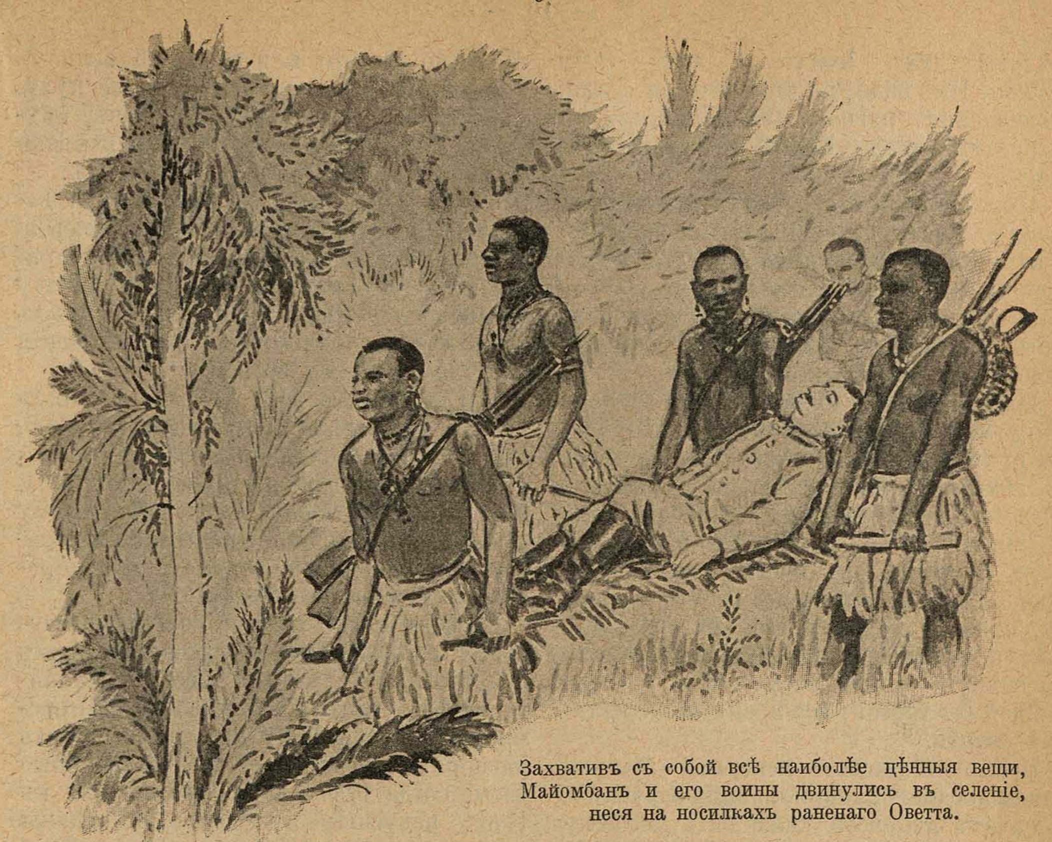
Майомбанъ думалъ о томъ, какъ удивятся его подданные, когда онъ явится со своей находкой въ Джомбуайа, какой славой покроетъ онъ свое имя, когда окажется, что онъ спасъ жизнь, быть-можетъ, вождя бѣлыхъ. А потомъ все время носились въ головѣ самыя пріятныя мысли—бѣлый обѣщалъ ему подарки, много подарковъ.

Майомбанъ, хотя всего во второй разъ встрѣчался съ бѣлыми, хорошо зналъ,— объ этомъ знаютъ почти всѣ племена ашанговъ,—какъ страшно богаты бѣлые, какъ много у нихъ удивительныхъ, волшебныхъ вещей, какъ щедро они отплачиваютъ за услугу.

И Майомбанъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, что слѣдуетъ попросить ему у бѣлаго, чтобы сдѣлать свою жизнь вполнѣ счастливой. Много у него есть— десять женъ, три большихъ хижины, большіе запасы орѣховъ кула, маніона, бананов, очень много козъ, свиней и куръ, хорошіе копья и луки. Но нѣтъ у него громовыхъ трубокъ, которыхъ такъ много у бѣлыхъ, нѣтъ у него чудныхъ ярко пурпурныхъ матерій, ослѣпительно блестящихъ бусъ, нѣтъ великолѣпной шляпы, которую онъ видѣлъ однажды у князька изъ племени адемба, полученную отъ бѣлыхъ.

Мало ли вещей нѣтъ у него, тѣхъ вещей, которыми можетъ одарить его бѣлый человѣкъ!

И Майомбанъ благоговѣйно погладилъ висѣвшій у него на шеѣ среди другихъ

Захвативъ съ собой всѣ наиболѣе цѣнныя вещи, Майомбанъ и его воины двинулись въ селеніе, неся на носилкахъ раненаго Оветта.

треугольный фетишъ, который онъ нашелъ вчера въ лѣсу.

«Какъ справедливы вѣрованія ашанговъ о находкѣ счастливаго амулета», думалось ему.

V.

Гостепріимство туземцевъ.

Въ селеніи Джомбуайа произошло сильнѣйшее движеніе, когда пришелъ Майомбанъ со своими спутниками.

Они несли неожиданную находку—бѣлаго человѣка.

Носилки съ лейтенантомъ въ одну минуту были окружены тѣснымъ кольцомъ туземцевъ — женщинъ, мужчинъ, дѣтей,—и всѣ, наперерывъ, громко выражали свое удивленіе при видѣ метавшагося въ жару бѣлаго.

Нѣкоторые изъ жителей Джомбуайа впервые въ своей жизни видѣли бѣлаго, и любопытству ихъ не было конца.

Они старались протиснуться къ нему, дотронуться до его тѣла, осмотрѣть вблизи удивительнаго человѣка.

Наконецъ Майомбану удалось отогнать толпу и внести носилки съ лейтенантомъ въ одну изъ своихъ хижинъ.

Въ хижинѣ этой собрались, кромѣ вождя и четырехъ его спутниковъ, мганга Магуки и старѣйшины. Обыкновенные смертные остались внѣ хижины, плотно окруживъ ее и стараясь заглянуть въ входное отверстіе.

Бѣлый человѣкъ былъ безъ сознанія и время отъ времени что-то шепталъ на непонятномъ для туземцевъ языкѣ.

Такъ какъ взоры присутствовавшихъ вопросительно были устремлены на шамана, то мганга Магуки съ значительнымъ видомъ приблизился къ бѣлому и внимательно наблюдалъ его нѣкоторое время.

— Три злыхъ духа болѣзни вселились въ бѣлаго человѣка, — торжественно заговорилъ онъ, — злой духъ Ишого,

хитрый духъ Іенгуэ и духъ тьмы Гумби. Ихъ надо, во что бы то ни стало, немедленно изгнать заклинаніями и угрозами—иначе бѣлый человѣкъ умретъ...

При послѣднихъ словахъ Майомбанъ издалъ горестное восклицаніе: если бѣлый умретъ, пропадутъ всѣ его мечты о богатыхъ, чудныхъ подаркахъ.

— Бѣлый человѣкъ не долженъ умереть, не можетъ умереть!—настойчиво повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Мганга Магуки скрылся на нѣсколько минутъ изъ хижины. Когда онъ вернулся, въ рукахъ его было нѣсколько сосудовъ съ какой-то жидкостью и небольшой предметъ, напоминавшій барабанъ.

Поставивъ все это на землю въ извѣстномъ порядкѣ, онъ началъ заклинанія, сперва тихо, а потомъ все громче и громче, пока не привелъ себя въ состояніе изступленія. Тогда онъ началъ кружиться вокругъ своихъ сосудовъ съ чрезвычайной быстротой, все время не переставая вопить.

Послѣ небольшого перерыва Магуки взялъ предметъ, напоминавшій барабанъ, и началъ изо всей силы бить по нему нѣсколькими палками, сопровождая это дѣйствіе страшными проклятіями и угрозами злому духу Ишого, хитрому духу Іенгуэ и духу тьмы Гумби.

Покончивъ и съ этой процедурой, онъ побѣдоносно посмотрѣлъ на присутствовавшихъ и твердо заявилъ, что три злыхъ духа испугались его заклинаній и угрозъ и уже удалились изъ тѣла бѣлаго человѣка.

— Бѣлый человѣкъ будетъ скоро здоровъ, бѣлый человѣкъ будетъ здоровъ!—радостно повторялъ Майомбанъ, звонко хлопая себя по бедрамъ.

Вождь ни на одну минуту не могъ усомниться въ дѣйствительности заклинаній всезнающаго мганга Магуки.

Майомбанъ и шаманъ остались въ хижинѣ, остальные одинъ за другимъ, покинули ее.

Магуки теперь счелъ не лишнимъ влить воды и какой-то буроватой жидкости въ ротъ бѣлаго, а также наложить повязки изъ листьевъ извѣстнаго ему особаго цѣлебнаго растенія нелюмбіума на покрытыя запекшеюся кровью раны. Помогло ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, Оветтъ успокоился и заснулъ.

Ежедневно, по нѣскольку разъ, смѣнялъ Магуки свои лиственныя повязки и поилъ раненаго своимъ питьемъ.

Жены Майомбана, по приказанію вождя, приготовляли лейтенанту всевозможныя туземныя блюда, такъ что пришедшему окончательно въ себя Оветту оставалось только выбирать изъ нихъ наиболѣе подходящія для подкрѣпленія своихъ упавшихъ силъ.

Когда, спустя двѣ недѣли, Роландъ Оветтъ настолько поправился, что могъ при помощи туземцевъ вставать съ постели и садиться на порогъ хижины, Майомбанъ былъ радъ болѣе всѣхъ этому событію. Онъ нѣжно смотрѣлъ на поправлявшагося бѣлаго, стараясь предупредить малѣйшее его желаніе.

Впрочемъ, всѣ жители селенія Джомбуайа готовы были ко всевозможнымъ услугамъ, по малѣйшему жесту лейтенанта. Чтобы сдѣлать возможно пріятнѣе времяпрепровожденіе бѣлаго гостя, вождь распорядился, чтобы въ полуденные часы, когда туземцы лѣниво лежали въ тѣни, искусные музыканты и пѣвцы услаждали слухъ бѣлаго музыкой и пѣніемъ.

Правда, лейтенантъ врядъ ли испытывалъ отъ этого большое удовольствіе, но игра на вомби—своеобразной первобытной арфѣ, была уже не такъ плоха.

Струны вомби,—онѣ были изъ растительныхъ волоконъ,—перебиралъ очень быстро искуснѣйшій изъ арфистовъ.

Мотивы были до крайности просты, и всѣ, начинаясь съ мажорной, кончались минорной нотой, которую еще подчеркивалъ подпѣвавшій своему инструменту музыкантъ—протяжнымъ, замирающимъ звукомъ—а... ааааа...

Когда Роландъ Оветтъ нѣсколько оправился отъ ранъ, онъ рѣшилъ извѣстить полковника Дюбуа о своемъ мѣстонахожденіи, а также просить его о присылкѣ нѣсколькихъ людей, которые привели бы его къ лагерю французскаго военачальника. Сейчасъ предпринимать самому розыски не было возможности — Оветтъ былъ слишкомъ еще слабъ, чтобы пуститься въ вѣерныя дебри.

Пока посланцы лейтенанта найдутъ полковника Дюбуа и его войско, пока они вернутся съ людьми Дюбуа, къ тому времени Оветтъ, вѣроятно, вполнѣ оправится. Присоединиться къ отряду будетъ тогда для него нетрудно.

За время пребыванія въ селеніи Джомбуайа, Роландъ Оветтъ успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ языкомъ туземцевъ, что давало ему возможность вести переговоры съ туземцами.

Когда Оветтъ сказалъ князьку, что надѣется на его помощь, Майомбанъ клятвенно подтвердилъ свою дружбу къ бѣлому человѣку до самой смерти.

Выбравъ изъ своихъ лучшихъ четырехъ воиновъ Дибако и Мокела, онъ обѣщалъ лейтенанту выполнить въ точности его порученіе.

Конечно, Оветтъ, въ благодарность за такую большую услугу, обѣщалъ массу самыхъ прекрасныхъ подарковъ.

Лейтенантъ написалъ подробное письмо полковнику Дюбуа, съ изложеніемъ всѣхъ событій, прося помочь ему.

Объяснивъ Майомбану, какія одежды носятъ друзья и воины лейтенанта и какихъ бѣлыхъ воиновъ ему слѣдуетъ бояться,—Оветтъ опасался, чтобы его черный другъ не принялъ германцевъ, могущихъ встрѣтиться ему по пути, за друзей,—онъ вручилъ вождю для передачи полковнику Дюбуа письмо.

Долго пришлось лейтенанту объяснять изумленному князьку, что бѣлые это—вовсе не одно племя, какъ казалось Майомбану, а что бѣлыхъ много-много племенъ, такъ же какъ и черныхъ.

Онъ разсказалъ черному вождю о страшной войнѣ, которую почти на всей землѣ ведутъ могучія племена, и что здѣсь, недалеко отъ селенія Джомбуайа, идетъ борьба между отрядами двухъ сильныхъ бѣлыхъ племенъ—добраго и злого.

Лейтенантъ увѣрилъ Майомбана, что онъ принадлежитъ къ доброму племени бѣлыхъ, и вождь былъ чрезвычайно радъ этому обстоятельству,—онъ искренно ненавидѣлъ и боялся злыхъ людей, какъ и злыхъ духовъ.

Со словъ бѣлаго друга, князекъ уже относился съ отвращеніемъ къ злому-презлому племени бѣлыхъ, которое хотѣло уничтожить всѣ племена на землѣ. Это страшно возмущало Майомбана; онъ даже былъ готовъ итти съ своими воинами на войну съ злыми бѣлыми.

И оставивъ на время правленіе одному изъ своихъ родственниковъ, Майомбанъ отправился, наконецъ отыскивать отрядъ полковника Дюбуа, твердо помня указанныя Оветтомъ примѣты.

Передъ разставаніемъ онъ съ чувствомъ сказалъ бѣлому:

— Майомбанъ—лучшій другъ бѣлаго человѣка; вождь отдастъ свертокъ съ таинственными значками бѣлому военачальнику и вернется вскорѣ назадъ. Тогда Майомбанъ получитъ много прекрасныхъ вещей и будетъ самымъ богатымъ и уважаемымъ изъ вождей племени ашанговъ.

VI.

Въ поискахъ отряда тюркосовъ.

Уже два дня пробирался Майомбанъ со своими воинами по лѣсу, стараясь напасть на слѣды сраженія бѣлыхъ, которое нѣсколько недѣль передъ тѣмъ такъ напугало туземцевъ Джомбуайа.

Вождь разсчитывалъ на содѣйствіе своихъ друзей въ нѣсколькихъ деревняхъ того племени ашанговъ, къ которому онъ принадлежалъ. Могли же они быть невольными свидѣтелями разыгравшихся столкновеній между бѣлыми военачальниками и указать Майомбану, куда направились воины добрыхъ и злыхъ бѣлыхъ!

Въ пополуденные часы третьяго дня Майомбанъ пришелъ въ одну деревню—Муау-Комбо,—гдѣ у него было много знакомыхъ. Князекъ и мганга этого селенія были его задушевными друзьями. Вождь селенія Муау-Комбо, Адоомбо и шаманъ Фугама съ радостью привѣтствовали Майомбана и, пригласивъ его въ лучшую хижину, князекъ распорядился принести угощенія. Вскорѣ появились большія тыквы съ легкимъ хмельнымъ напиткомъ батачи, который присутствующіе начали очень усердно пить.

Майомбанъ и его воины послѣ тяготъ странствованія по лѣсу чувствовали себя въ хижинѣ Адоомбо на верху блаженства. Веселіе начинало овладѣвать всѣми,

языки развязались, Майомбанъ разболтался такъ, какъ онъ давно уже не болталъ. Онъ говорилъ обо всемъ, но главнымъ предметомъ его разговора былъ, конечно, его новый другъ — бѣлый.

Майомбанъ не могъ отказать себѣ въ удовольствiи и расхвастался передъ своими друзьями тѣми подарками, которые онъ надѣялся получить. Онъ такъ ярко описалъ прекрасныя вещи, которыхъ онъ еще не имѣлъ, что его друзья Адоомбо и Фугама нахмурились и, повидимому, были очень недовольны. Но Майомбанъ продолжалъ свои разглагольствованiя и только подъ конецъ, хлопнувъ дружески Адоомбо по животу, сказалъ:

— Майомбанъ любитъ своихъ друзей и всегда помнитъ о нихъ. Онъ готовъ подѣлиться подарками бѣлаго съ Адоомбо и Фугама.

Это заявленiе произвело прекрасное впечатлѣнiе на огорченныхъ друзей и, по приказанiю Адоомбо, было принесено еще съ десятокъ свѣжихъ тыквъ съ батачи.

Князекъ селенiя Муау-Комбо, въ свою очередь, спѣшилъ подѣлиться съ Майомбаномъ послѣдними новостями.

Не особенно давно около деревни были замѣчены неизвѣстные воины, большею частью черные, въ удивительныхъ одеждахъ, со страннымъ снаряженiемъ.

Они быстро шли и исчезли въ лѣсу.

Майомбанъ изъ разспросовъ убѣдился, что это, вѣроятно, воины добрыхъ бѣлыхъ людей, тѣхъ людей, къ которымъ принадлежалъ его бѣлый другъ, оставленный въ родномъ селенiи Джомбуайа. Онъ узналъ отъ Адоомбо о направленiи, въ которомъ шли неизвѣстные пришельцы.

Майомбанъ, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, рѣшилъ продолжать путь.

Послѣ выпивки въ хижинѣ, носившей, такъ сказать, частный характеръ, Адоомбо рѣшилъ ознаменовать прибытiе Майомбана офицiальнымъ образомъ. Вся деревня была приглашена на пиръ. Много, очень много тыквъ съ батачи было выпито жителями деревни Муау-Комбо. Начались немедленно пѣнiе, музыка и неистовая пляска... Попойка продолжалась почти всю ночь, пока охмелѣвшiе туземцы не свалились тамъ, гдѣ ихъ одолѣлъ веселый батачи.

Майомбанъ, вставъ съ тяжелой головой на слѣдующiй день и не простившись съ своимъ другомъ Адоомбо,—послѣднiй спалъ непробуднымъ сномъ послѣ попойки,—ушелъ изъ Муау-Комбо въ томъ направленiи, по которому скрылись проходившiе не особенно давно неизвѣстные воины.

Зоркiе глаза вождя и его спутниковъ вскорѣ дѣйствительно начали различать слѣды проходившихъ людей, которыхъ было, повидимому, очень много. Это обстоятельство удвоило энергiю Майомбана и онъ быстро шелъ впередъ по замѣченнымъ слѣдамъ. Спустя день слѣды начали путаться, точно проходившiе здѣсь люди разошлись въ разныя стороны.

Князекъ посовѣтовался съ своими спутниками, какъ итти дальше. Рѣшено было продолжать путь въ томъ направленiи, гдѣ было больше слѣдовъ — Майомбанъ почему-то разсчитывалъ встрѣтиться такимъ образомъ съ военачальникомъ добрыхъ бѣлыхъ.

Вождь и его воины шли неутомимо впередъ, время отъ времени дѣлая привалы, чтобы подкрѣпить свои силы орѣхами кула, бананами и плодами манiока, водой встрѣчавшихся ручьевъ, или, гдѣ ихъ не было, добывая воду изъ черешковъ листьевъ пальмы путешественниковъ.

По ночамъ Майомбанъ, подъ охраной амулетовъ, спалъ, правда довольно безпокойнымъ сномъ — духъ его, тревожимый какими то невѣдомыми ему злыми чарами, бродилъ по очень непрiятнымъ мѣстамъ, и подвергался многочисленнымъ нападенiямъ лѣсныхъ страшилищъ.

Но съ наступленiемъ дня все жуткое исчезало безслѣдно, и Майомбанъ былъ, какъ всегда, беззаботенъ и веселъ.

Когда въ одинъ изъ полуденныхъ часовъ вождь селенiя Джомбуайа отдыхалъ съ своими спутниками подъ громаднымъ тѣнистымъ деревомъ манго, его вниманiе на минуту было привлечено страннымъ шумомъ—по лѣсу точно шли люди, много людей. Но Майомбанъ и его воины были очень утомлены;

они съ наслажденіемъ предавались лѣнивой дремотѣ и не очень обезпокоились донесшимся до нихъ шумомъ.

Сладкій полусонъ Майомбана внезапно былъ прерванъ, вождя окружили неизвѣстные бѣлые и черные люди, съ злобными лицами. Прежде чѣмъ Майомбанъ успѣлъ опомниться, онъ и его воины были крѣпко связаны.

Одинъ изъ бѣлыхъ что-то угрожающе кричалъ князьку селенія Джомбуайа, но вождь ничего не понималъ.

Онъ былъ до крайности ошеломленъ происшедшимъ, и только спустя нѣсколько минутъ, когда невѣдомые воины повели его и его спутниковъ въ неизвѣстную сторону, началъ присматриваться къ плѣнившимъ его бѣлымъ людямъ.

У этихъ людей торчали подъ носомъ совсѣмъ свѣтлые волосы, такого цвѣта, какой Майомбанъ привыкъ видѣть на полѣ маиса. Бѣлокрасная кожа ихъ лоснилась отъ жира—князекъ невольно позавидовалъ имъ: вѣроятно, они ѣдятъ много, очень много вкусныхъ вещей. Майомбанъ очень любилъ много и хорошо поѣсть и никогда равнодушно не могъ видѣть откормленныхъ людей.

Повидимому, вождь селенія Джомбуайа попалъ въ руки злыхъ бѣлыхъ, враговъ его бѣлаго друга, оставшагося въ родной деревнѣ. Что будутъ дѣлать съ нимъ злые бѣлые—онъ не зналъ, но боялся, страшно боялся, чтобы они не предали его мучительной смерти. Майомбана чрезвычайно безпокоилъ бѣлый свертокъ съ волшебными черными значками, который онъ долженъ былъ передать военачальнику добрыхъ бѣлыхъ людей. Этотъ свертокъ попался сразу въ руки одного изъ толстыхъ бѣлыхъ.

Не погубилъ бы онъ славнаго вождя селенія Джомбуайа!

Понуривъ голову, съ самыми безотрадными чувствами, отчаявшись получить чудные подарки бѣлаго друга, Майомбанъ шелъ съ своими вѣрными спутниками, окруженный со всѣхъ сторонъ плотнымъ кольцомъ враговъ—онъ почему-то не сомнѣвался, что это были его враги.

Бѣлые, съ волосами маисоваго цвѣта подъ носомъ и съ безцвѣтными глазами, о чемъ-то оживленно говорили на непонятномъ языкѣ, злорадно посматривая по временамъ на Майомбана.

Ничего хорошаго не предвѣщали эти взгляды.

Князекъ деревни Джомбуайа долженъ бѣжать отъ нихъ при первой возможности, иначе никогда не увидитъ онъ родного селенія, своихъ друзей, женъ, подданныхъ. Его тѣло бросятъ безъ погребенія и необходимыхъ похоронныхъ церемоній въ неизвѣстныя лѣсныя трущобы, и духъ его, мучимый несчастьями непогребеннаго тѣла, никогда не найдетъ желаннаго успокоенія.

VII.

„Германія выше всего"...

Въ обширной палаткѣ, въ разнообразныхъ позахъ, сидѣли пять германскихъ офицеровъ. Они пили прохладительные напитки и болтали, по обыкновенію, на патріотическія темы. Толстый, со шрамомъ на лицѣ, съ непріятнымъ, дерзкимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ, майоръ фонъ-Цурмиленъ недовольно буркнулъ:

— Тамъ, въ Европѣ, нашимъ гораздо лучше—есть Мюнхенское пиво, есть газеты, есть побѣды, а здѣсь...

— Отвратительная страна,—поддакнулъ майору его лучшій другъ, бѣлобрысый оберъ-лейтенантъ Нолькенъ,—жара страшная, пища никуда негодная, а этихъ черныхъ дьяволовъ-тюркосовъ безъ числа. Мудрено отстоять при такихъ условіяхъ наши здѣшнія колоніи. Впрочемъ, въ Германіи преувеличиваютъ значеніе африканскихъ владѣній.

— Хмъ,—съ сомнѣніемъ покачалъ головой докторъ Краузе, человѣкъ довольно благообразной наружности, — колоніи эти, мнѣ кажется, очень важны для Германіи. Но колоніальный вопросъ разрѣшится, въ концѣ концовъ, не здѣсь, а въ Европѣ.

— Ахъ, какъ мнѣ бы хотѣлось поймать живьемъ полковника Дюбуа,—послѣ нѣкотораго молчанія, съ мечтательной ненавистью сказалъ майоръ,—я до сихъ .поръ не могу простить себѣ той неудачи, которая постигла насъ на рѣкѣ Майоло...

— «На войнѣ какъ на войнѣ», какъ говоритъ французская поговорка, пре-

рвалъ майора молодой лейтенантъ, бывшій служитель гейдельбергскаго университета фонъ-Эльце, — напрасно вы такъ озлоблены противъ Дюбуа; вѣдь и мы уничтожили развѣдочный французскій отрядъ при помощи хитрой засады.

— Господинъ лейтенантъ, — сказалъ хранившій до сихъ поръ молчаніе второй оберъ-лейтенантъ Мюнстеръ,—приводя французскую поговорку, вы забыли о латинской пословицѣ: «что дозволено Юпитеру, то не позволено быку».

— Вы правы, любезный другъ,—поддержалъ его майоръ,—глупо примѣнять къ французской мелюзгѣ выдуманные ими же сентиментальные принципы такъ называемыхъ гаагскихъ конференцій. Уничтожить бы всю эту ненужную сорную траву, всѣхъ этихъ французовъ, русскихъ, англичанъ, чтобы основать нашу великую міровую державу!..

— Докторъ,—послѣ минутнаго молчанія продолжалъ онъ,—вы вѣдь и натуралистъ и химикъ—скажите, почему наши ученые не выдумали еще смертоносныхъ газовъ и усовершенствованныхъ приборовъ для ихъ распространенія, чтобы сразу уморить всѣхъ враговъ Германіи?

— Увы, — улыбаясь, сказалъ докторъ,—но наши химики, быть-можетъ, еще додумаются до этого прекраснаго средства.

— Изъ главнаго штаба мнѣ предписали,—сказалъ фонъ-Цурмиленъ,—пользоваться возможно шире ядовитыми газами. Вѣдь намъ нужно помнить всегда одно — всѣ средства хороши, если мы имѣемъ въ виду наше великое отечество. Германія выше всего...

— Германія выше всего...—хоромъ поддакнули майору всѣ его подчиненные.

Въ это время у палатки раздался шумъ голосовъ.

Дежурный солдатъ вошелъ въ палатку и доложилъ начальству, что развѣдчики, высланные майоромъ къ западу отъ лагеря, наткнулись на трехъ подозрительныхъ черныхъ и взяли ихъ въ плѣнъ.

Майоръ немедленно приказалъ ихъ ввести.

Офицеры внимательно осмотрѣли Майомбана и его двухъ воиновъ, а потомъ начали читать письмо, взятое у чернаго вождя.

Когда письмо было прочитано, нѣсколько минутъ всѣ молчали, вопросительно посматривая на майора, который умѣлъ пользоваться самыми на первый взглядъ незначительными обстоятельствами.

Послѣ глубокаго раздумья майоръ черезъ чернаго переводчика, знакомаго съ нарѣчіями племени ашанговъ, задалъ нѣсколько вопросовъ Майомбану.

Вождь селенія Джомбуайа былъ чрезвычайно хитеръ, несмотря на все свое кажущееся простодушіе и дѣтскую наивность, и нѣмецкому военачальнику ничего не удалось узнать изъ уклончивыхъ отвѣтовъ туземца.

— Эти гориллы-дикари, — злобно сказалъ майоръ, обращаясь къ своимъ офицерамъ,—хитры, какъ лисицы, но я имъ покажу, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Фрицъ,—строго сказалъ онъ унтеръ-офицеру, начальнику развѣдочной команды,—распорядись дать этимъ обезьянамъ по двадцать хорошихъ палочныхъ ударовъ, а потомъ привяжи ихъ крѣпко въ одной изъ серединныхъ палатокъ. Если они и завтра будутъ уклоняться отъ толковыхъ отвѣтовъ—вздернуть ихъ немедленно на первомъ пригодномъ къ этому деревѣ!

— Слушаю, — отдавая честь, отчетливо отчеканилъ Фрицъ.

Плѣнники тотчасъ же были выведены изъ палатки.

— У меня блестящая идея,—весело обращаясь къ офицерамъ, сказалъ фонъ-Цурмиленъ.

— Ну, ну?—нетерпѣливо заговорили его собесѣдники.

— Письмо этого французика Оветта,—продолжалъ майоръ,—должно сослужить намъ службу. Представьте себѣ слѣдующее. Мы посылаемъ нашихъ вѣрныхъ черныхъ Айоко и Каруни къ Дюбуа съ письмомъ лейтенанта Оветта, которое мы, конечно, напишемъ уже сами, по собственному рецепту.

Оветтъ будто бы находится недалеко отъ лагеря французовъ,—я предполагаю, что вражескій лагерь отстоитъ отъ насъ всего въ двухъ дняхъ пути, а можетъ-быть и того меньше,—онъ смертельно

боленъ и умоляетъ полковника Дюбуа и его офицеровъ прибыть немедленно съ санитарами въ указанное приблизительно мѣсто для сообщенія чрезвычайно важныхъ военныхъ вѣстей. Такъ какъ поддѣлаться подъ почеркъ Оветта, имѣя его собственное письмо, не такъ трудно, такъ какъ нашъ любезный другъ фонъ-Эльце владѣетъ французскимъ языкомъ, какъ французъ; такъ какъ полковникъ Дюбуа и его офицеры, какъ вообще французы, очень довѣрчивы, легкомысленны и, наконецъ, такъ какъ судя по письму, полковникъ очень привязанъ къ Оветту,—нѣтъ сомнѣнія, что галльскіе пѣтухи попадутся на нашу удочку—и тогда наша колоніальная операція приметъ совершенно иной характеръ.

— Вы изобрѣтательны, майоръ, какъ... Не могу даже найти приличнаго для васъ сравненія,—съ восхищеніемъ сказалъ докторъ Краузе.

Остальные офицеры ограничились молчаливымъ, но крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Я не кончилъ, господа,—продолжалъ видимо польщенный и чрезвычайно довольный собой майоръ. — Захватить Дюбуа и его помощниковъ не представитъ трудностей. Но вѣдь есть еще его войско. Какъ уничтожить его? Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ бою на рѣкѣ Майоло мы потеряли пушки, бомбометъ и пулеметъ. У насъ значительно меньше людей, чѣмъ у полковника Дюбуа. Проклятые тюркосы, даже попавъ въ засаду, сумѣютъ пробить себѣ дорогу штыками. Вотъ, что я надумалъ. Намъ необходимо воспользоваться вѣтромъ, который принялъ въ послѣднее время западное направленіе. Вы не догадываетесь, каковъ мой планъ?—загадочно улыбаясь, обратился онъ къ офицерамъ.

— Говорите, говорите!...— нетерпѣливо хоромъ просили его подчиненные.

— Мы изслѣдуемъ всѣ тропинки вокругъ французскаго лагеря на протяженіи нѣскольких километровъ и направимъ внезапной демонстративной атакой всѣ силы тюркосовъ на западъ. Съ дуновеніемъ зефира, выражаясь поэтически, ха, ха..., мы имъ пошлемъ достаточную дозу газовъ, а потомъ, ну, а потомъ придется только прикалывать этихъ дьяволовъ. Долженъ вамъ сказать, что у насъ имѣются тюки съ достаточнымъ запасомъ химическихъ препаратовъ, впрочемъ, это дѣло доктора—онъ уже сумѣетъ, какъ химикъ, подготовить все, какъ слѣдуетъ...

— Будьте покойны, — самодовольно сказалъ докторъ Краузе.

Германскіе офицеры.сидѣли нѣсколько минутъ молча; по лицу ихъ скользила веселая улыбка, а въ голубыхъ и сѣрыхъ глазахъ было даже что-то мечтательное.

— «Германія выше всего...»—сказалъ еще разъ майоръ фонъ-Цурмиленъ, поднимаясь и выходя изъ палатки.

— «Германія выше всего...»—автоматически, какъ граммофонъ или эхо, повторили за майоромъ его офицеры.

VIII.

Бѣгство Майомбана.

Майомбанъ себя чувствовалъ очень плохо; никогда въ жизни не былъ онъ въ такомъ безвыходномъ и опасномъ положеніи, какъ теперь.

Все тѣло его ныло отъ жестокихъ палочныхъ ударовъ.

Завтра злые бѣлые его убьютъ. Вождь селенія Джомбуайа не сомнѣвался, что бѣлый толстый вождь съ маисовыми волосами подъ носомъ приведетъ свою угрозу въ исполненіе.

Умирать насильственной смертью Майомбану совсѣмъ не хотѣлось—слишкомъ хорошія вещи ждали его въ жизни.

«Майомбанъ долженъ спастись непремѣнно сегодняшней ночью,—думалъ онъ, — иначе никогда не увидитъ онъ родной деревни Джомбуайа, богатаго бѣлаго друга, обѣщавшаго столько прекрасныхъ предметовъ, не увидитъ женъ, друзей, родственниковъ, своихъ подданныхъ. Онъ не будетъ ѣсть банановъ, поджаренныхъ на жиру личинокъ жука бура-бура, не будетъ ѣсть ланіока, вкусныхъ орѣховъ кула, не будетъ пить хмельнаго батачи, плясать, пѣть и слушать убаюкивающіе душу звуки вомби, подъ рукою искусныхъ арфистовъ Джомбуайа. Онъ не будетъ внимать подъ тѣнистыми маникаріями безчисленнымъ правдивымъ сказаніямъ лучшаго своего друга мганги Магуки о добрыхъ и злыхъ

духахъ, о чудодѣйственныхъ амулетахъ, о странствованіи души во снѣ, о колдовствѣ и о многихъ, многихъ страшно интересныхъ вещахъ. Майомбанъ долженъ бѣжать, непремѣнно бѣжать!..»

Вождь селенія Джомбуайа подѣлился мыслями со своими воинами, привязанными, такъ же, какъ и онъ, къ крѣпкимъ столбамъ толстыми веревками.

Дибако и Мокела горячо одобрили необходимость немедленнаго бѣгства.

Но бѣжать было, повидимому, невозможно—слишкомъ крѣпко были они связаны. Вокругъ палатки шагалъ злой бѣлый часовой, часто заглядывавшій внутрь.

Майомбанъ напрасно ломалъ голову, силясь что-нибудь придумать. Ночь проходила быстро.

До слуха его донесся разговоръ на незнакомомъ языкѣ, завязавшійся между часовымъ и подошедшимъ къ стражу человѣкомъ.

Черезъ нѣкоторое время внутрь палатки вошелъ какой-то человѣкъ, который, какъ оказалось вскорѣ, былъ младшимъ переводчикомъ при бѣлыхъ воинахъ и пришелъ къ Майомбану съ порученіемъ отъ своего покровителя, старшаго переводчика, вывѣдать нѣкоторыя вещи.

Пришедшій былъ тоже черный и принадлежалъ къ одному изъ западно-африканскихъ племенъ.

Онъ свѣтилъ передъ собой небольшимъ фонаремъ.

Переводчикъ очень убѣдительно доказывалъ Майомбану, что вождь долженъ разсказать кое-что грозному бѣлому военачальнику.

Майомбанъ, въ сущности, ничего не зналъ, но переводчикъ былъ увѣренъ, что князекъ упорно скрываетъ какія-то необыкновенныя тайны, и разубѣдить его въ этомъ не было никакой возможности.

Майомбанъ клялся всѣмъ, что было для него наиболѣе святого и страшнаго—черепами и душами своихъ предковъ, волшебной силой родныхъ амулетовъ, злымъ духомъ Ишого и духомъ тьмы Гумби,—но упорный черный сыщикъ не вѣрилъ князьку.

Видя полную безуспѣшность своихъ клятвъ, Майомбанъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству—если это не удастся, завтра вождя селенія Джомбуайа уже не будетъ въ живыхъ.

— Майомбанъ — великій и богатый вождь могучаго селенія Джомбуайа,—выпрямившись, гордо сказалъ князекъ,—много прекрасныхъ вещей получитъ всякій новый его другъ, человѣкъ, оказавшій ему большую услугу.

Переводчикъ началъ съ интересомъ прислушиваться.

— У Майомбана, — продолжалъ вождь,—много женъ, много хижинъ, много козъ, свиней, куръ, много хлѣба, плодовъ и цѣлыя груды тыквъ съ самымъ веселымъ на свѣтѣ батачи. Отъ двухъ выпитыхъ тыквъ батачи становится на душѣ такъ радостно, точно выпившій внезапно овладѣлъ многими богатствами, многими женами и многимъ домашнимъ скарбомъ не одного племени. Въ Джомбуайа такъ пляшутъ и водятъ хороводы, какъ ни въ одномъ селеніи, ни у одного племени; такъ играютъ на чудной арфѣ-вомби, какъ не играютъ даже искусные бѣлые арфисты. Въ Джомбуайа благородные черные воины ничего не дѣлаютъ цѣлыми днями—они лежатъ подъ тѣнистыми деревьями, обильно ѣдятъ вкусныя вещи, много пьютъ, поютъ, пляшутъ, разсказываютъ интересныя сказанія. Хорошо въ селеніи Джомбуайа, такъ хорошо, какъ не можетъ быть даже у добрыхъ духовъ...

Черный переводчикъ заслушался—краснорѣчивый Майомбанъ затронулъ самыя живыя и слабыя струны его истинно негритянской души. Картина, нарисованная Майомбаномъ, была такъ хороша и такъ близка къ идеалу всякаго чернаго, что невольно заставила переводчика загорѣться страстнымъ желаніемъ поселиться въ прекрасномъ селеніи Джомбуайа.

— Что дастъ Майомбанъ тому другу, который окажетъ ему большую услугу?—спросилъ переводчикъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Князекъ почувствовалъ, что слова его, повидимому, подѣйствовали.

— Другъ Майомбана,—сказалъ торжественно вождь,—получитъ пять самыхъ красивыхъ женщинъ селенія въ

Офицеры внимательно осмотрѣли Майомбана и двухъ его воиновъ.

жены и двѣ самыхъ лучшихъ хижины. Онъ получитъ много много козъ, хлѣба и плодовъ и много, много тыквъ батачи. Весело будетъ ему жить въ деревнѣ Джомбуайа до конца своихъ дней. Всѣ жители селенія будутъ чтить его; онъ будетъ, какъ старѣйшина, сидѣть въ избранномъ кругу палабры и къ голосу его будутъ прислушиваться самые мудрые люди деревни, самъ мганга Магуки. Онъ ничего не будетъ дѣлать; ѣсть, пить, плясать и пѣть—вотъ удѣлъ друга Майомбана.

Переводчикъ, въ волненіи, схватилъ руку князька.

— А сдѣлаетъ ли Майомбанъ то, что онъ обѣщаетъ?

— Майомбанъ,—торжественно сказалъ вождь,—всегда исполняетъ свои обѣщанія. Дибоко и Мокела,—обратился онъ къ своимъ воинамъ,—правду ли говоритъ Майомбанъ?

— Нашъ вождь говоритъ правду, въ одинъ голосъ отвѣчали воины,—на его обѣщаніе можно положиться.

— Въ такомъ случаѣ, Винги—твой другъ,—сказалъ переводчикъ Майомбану,—онъ спасетъ тебя и пойдетъ съ тобой въ Джомбуайа, чтобы жить тамъ и ничего не дѣлать.

Послѣ небольшого раздумья онъ тихо сказалъ вождю, что придется убить часового—иначе изъ палатки выбраться нельзя.

Винги вытащилъ искусно спрятанный кинжалъ, разрѣзалъ веревки плѣнникамъ и, передавъ оружіе Майомбану, сказалъ:

— Майомбанъ — храбрый, сильный воинъ, онъ сумѣетъ убить бѣлаго сторожа.

Вождь селенія Джомбуайа только кивнулъ головой — и, неслышно прокрадываясь къ выходу, осторожно выглянулъ изъ палатки.

Бѣлый часовой, повидимому, дремалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, неподвижно опершись на ружье. Въ лагерѣ господствовала тишина—всѣ спали.

Осмотрѣвшись внимательно кругомъ, Майомбанъ сжалъ кинжалъ въ рукахъ и внезапно, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ часового. Прежде чѣмъ растерявшійся бѣлый успѣлъ что-либо предпринять для своей защиты, кинжалъ Майомбана поразилъ его на смерть. Онъ упалъ, даже не издавъ звука.

Медлить было нельзя. Майомбанъ схватилъ ружье убитаго и, сдѣлавъ знакъ выбѣжавшимъ изъ палатки своимъ людямъ и переводчику Винги, началъ прокрадываться по сонному лагерю. Только бы не наткнуться на бодрствующихъ воиновъ, только бы не вызвать тревоги въ сонныхъ палаткахъ!

Майомбанъ и его спутники черезъ нѣкоторое время благополучно выбрались изъ опаснаго мѣста, пробравшись черезъ наиболѣе подозрительныя мѣста ползкомъ.

Они снова были въ лѣсу, свободны, взволнованные неожиданнымъ спасеніемъ.

Князекъ подошелъ къ Винги и, похлопавъ его по животу, величественно сказалъ:

— Винги—лучшій новый другъ Майомбана и получитъ въ деревнѣ Джомбуайа все, что ему обѣщано. Онъ оказалъ большую, очень большую услугу вождю.

Переводчикъ въ отвѣтъ только издалъ радостное восклицаніе, подпрыгнувъ нѣсколько разъ на мѣстѣ и ударивъ себя весело по бедрамъ.

Чернокожіе немедленно пустились въ лѣсъ и скрылись въ темныхъ дѣвственныхъ чащахъ.

IX.

Засада.

Полковникъ Дюбуа, получивъ неожиданно письмо Оветта, крайне обрадовался и обезпокоился. Дюбуа считалъ молодого офицера, къ которому онъ питалъ глубокую привязанность, погибшимъ и поспѣшилъ подѣлиться неожиданной вѣстью съ своими подчиненными. Офицеры были поражены и перечитывали письмо Оветта по нѣскольку разъ.

Оветтъ убѣдительно просилъ командира и товарищей поспѣшить къ нему немедленно на помощь въ селеніе Мгани, въ десяткѣ километровъ отъ лагеря, судя по показаніямъ черныхъ посланцевъ, принесшихъ письмо. Онъ смертельно боленъ и боится умереть вблизи отъ французской стоянки, не передавъ чрезвычайно важныхъ военныхъ вѣстей. Онъ хочетъ въ послѣдній разъ увидѣться съ своими дорогими товарищами по оружію. До селенія Мгани офицеровъ проведутъ двое черныхъ, принесшихъ письмо.

Никому изъ офицеровъ не пришло въ голову что-либо заподозрѣть—нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Дюбуа, отлично знали почеркъ Оветта, письмо было кратко, но полно искуснаго драматизма. Человѣколюбивая французская душа проснулась въ офицерахъ со всей силой, и они рѣшили не медля отправиться въ Мгани къ умирающему товарищу.

Оставивъ дежурныхъ офицеровъ, полковникъ Дюбуа съ остальными двинулись въ недалекую дорогу,—какой-нибудь десятокъ километровъ они сумѣютъ пройти быстро. Они не брали съ собой никакихъ запасовъ, кромѣ небольшого количества закуски, такъ какъ разсчитывали вернуться обратно въ лагерь въ тотъ же день. Удаляться отъ лагеря на такое небольшое разстояніе не представлялось полковнику опаснымъ—непріятель, разбитый имъ на рѣкѣ Майоло около трехъ недѣль назадъ, стремительно отступилъ, вѣрнѣе, бѣжалъ. По донесенію развѣдчиковъ, на далекомъ разстояніи отъ французскаго лагеря не было ни малѣйшаго слѣда ґерманцевъ. Къ тому же

умирающій Оветтъ былъ у всѣхъ офицеровъ передъ глазами и у нихъ невольно сжималось сердце при мысли, что имъ, быть-можетъ, не придется застать товарища въ живыхъ. Нѣтъ, они, во что бы то ни стало, должны добраться до него сегодня, немедленно.

Юркіе, проворные проводники быстро и увѣренно шли впередъ по незамѣтнымъ для неопытнаго глаза тропинкамъ. Офицеры молча слѣдовали за ними, изрѣдка перебрасываясь незначительными замѣчаніями.

Не было обычной веселости и остроумной болтовни, безъ которой даже на войнѣ не можетъ обойтись французъ.

Въ вѣерномъ лѣсу, какъ всегда, царили мягкіе жемчужно-золотистые тона и величавая тишь смѣнялась по временамъ серебрянымъ перезвономъ. Лѣсъ не былъ особенно густъ, и итти было легко и удобно. Отъ встрѣчавшихся ручьевъ вѣяло живительной прохладой. Въ воду падали бархатными краями яркіе ковры причудливыхъ цвѣтовъ. Свѣжѣющій надъ водой воздухъ наполнялся благоуханіемъ природныхъ цвѣтниковъ.

Проводники заявили, что селенье Мгани находится уже близко и что сейчасъ они отыщутъ наиболѣе удобопроходимую тропинку. Они исчезли въ лѣсу такъ неожиданно, что полковникъ Дюбуа съ безсознательной тревогой оглянулся кругомъ. Но въ лѣсу все было попрежнему.

Офицеры закурили папиросы.

Въ эту минуту, словно изъ вѣерной зелени, появилась масса людей, одновременно со всѣхъ сторонъ. Прежде чѣмъ французы успѣли прійти въ себя отъ неожиданности, рѣзкій голосъ прокричалъ по-французски:

— Руки вверхъ! Вы плѣнники майора фонъ-Цурмилена!

Выхватить револьверы и дать залпъ по непріятелю было дѣломъ одной секунды для оправившихся французовъ. Въ отвѣтъ посыпались выстрѣлы германцевъ.

Силы были слишкомъ неровны—полковникъ Дюбуа и горсть его офицеровъ были перебиты, переранены и захвачены въ плѣнъ. Полковника съ прострѣленнымъ плечомъ несли на носилкахъ нѣсколько непріятельскихъ солдатъ—куда онъ не зналъ. Ощущеніе острой боли поглощалось тяжелыми мыслями о судьбѣ оставленнаго отряда—безъ него не растерялись бы его славные побѣдные тюркосы!

Дюбуа готовъ былъ упрекать себя теперь въ легкомысліи—какъ онъ, старый воинъ, видавшій на своемъ вѣку всякіе виды, позволилъ поймать себя на германскую удочку? По долгу службы онъ долженъ былъ, несмотря ни на что, оставаться въ лагерѣ. Гдѣ же его боевая опытность, предусмотрительность и осторожность? Надо было помнить, всегда помнить, о коварствѣ безчестнаго врага. Но съ другой стороны, этотъ почеркъ Оветта! Какъ могли они узнать его?

Полковникъ терялся въ догадкахъ, стискивая зубы, чтобы не стонать—рана въ плечѣ причиняла нестерпимую боль.

За Дюбуа несли четырехъ раненыхъ офицеровъ—остальные продолжали лежать въ вѣерномъ лѣсу, на мѣстѣ роковой встрѣчи, тщательно обобранные.

Они были полны жизни всего какой-нибудь часъ назадъ, они вслушивались въ серебряный звонъ воздуха, всматривались въ жемчужно-янтарную игру свѣта, вдыхали ароматы яркихъ цвѣтниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, быть-можетъ, уносились мыслью далеко, въ родную Францію, къ близкимъ, роднымъ, друзьямъ.

Они только что жили всей полнотой молодой жизни, всей игрой молодыхъ ощущеній, а теперь?

Окровавленные, въ нелѣпыхъ позахъ, съ оскаленными въ предсмертной мукѣ зубами, съ остановившимися стеклянными глазами, они лежали въ непробудномъ вѣчномъ снѣ...

Полковникъ Дюбуа силился повернуть голову, чтобы узнать, кого несли за нимъ. Но старанія его были тщетны—ему не удалось увидѣть. «Кто уцѣлѣлъ въ этой бойнѣ?» думалось ему. Одновременно чувство гордости поднималось въ груди—его офицеры живыми не отдались въ нѣмецкія руки, несмотря на полную безнадежность положенія. Они легли подъ непріятельскими пулями, и лишь нѣсколько человѣкъ раненыхъ попались

въ плѣнъ къ разбитому полковникомъ Дюбуа, майору фонъ-Цурмилену.

Какая иронія жизни!

— Проклятые звѣри, отвратительные боши!—проклиналъ полковникъ.

X.

Желто-зеленое облако.

Два офицера, оставленныхъ полковникомъ Дюбуа въ лагерѣ, уже нѣсколько часовъ играли въ карты въ дежурной палаткѣ.

Было, по обыкновенію, жарко. Коегдѣ лежавшіе въ тѣни тюркосы пѣли незатѣйливыя, однообразныя пѣсенки. Аппетитно дымились походныя кухни. Солдаты бродили по лагерю безъ опредѣленной цѣли. Зѣвали опиравшіеся на ружья часовые, лѣниво слѣдя за бродившими товарищами и по временамъ втягивая носомъ доносившійся изъ кухни запахъ.

Лагерь расположился на опушкѣ лѣса; съ одной стороны, онъ упирался въ изумрудную бархатную вѣерную стѣну, съ другой—передъ нимъ: простирались небольшія заросли, за которыми находилась на нѣкоторомъ разстояніи другая темная вѣерная стѣна.

Съ утра дулъ небольшой вѣтеръ—въ ближайшіе дни, повидимому, погода должна была измѣниться.

Капитанъ Рабле, самый мрачный изъ офицеровъ полковника Дюбуа, бросилъ карты. Его партнеръ, живой, какъ ртуть, лейтенантъ Оларъ весело сказалъ:

— Капитанъ, вамъ сегодня не особенно везетъ.

— Да... Но, главное, мнѣ уже надоѣла игра,—утомленно отвѣтилъ Рабле.

— Вамъ все хорошее скоро надоѣдаетъ,—не унимался Оларъ.

— Почему такъ много въ этомъ мірѣ неисправимыхъ оптимистовъ? — сказалъ капитанъ.—Этотъ вопросъ давно не даетъ мнѣ покоя. Дожили мы до XX столѣтія, до торжества всякихъ культуръ, до всякихъ ученыхъ и техническихъ чудесъ, а въ результатѣ—появленіе на свѣтъ толстаго зоологическаго боша. Что такое такъ называемая эволюція человѣческаго существа, человѣческаго духа послѣ этого? Величайшая ерунда!..

— Капитанъ, зачѣмъ такая мрачность?—беззаботно, какъ всегда, говорилъ Оларъ.

Капитанъ ничего не отвѣтилъ и, задумавшись, сидѣлъ нѣкоторое время, смотря черезъ отверстіе въ палаткѣ на лагерную жизнь. Лейтенантъ, заложивъ ногу на ногу, насвистывалъ одинъ изъ любимыхъ опереточныхъ мотивовъ, стараясь придать своему лицу сосредоточенное выраженіе.

Наконецъ капитанъ молча поднялся и вышелъ изъ палатки; за нимъ послѣдовалъ и лейтенантъ.

Офицеры медленно прошли по лагерю, вяло посматривая на обычную для нихъ походную жизнь. Веселые тюркосы пѣли и болтали попрежнему, нѣкоторые изъ нихъ играли въ какую-то туземную игру, изрѣдка перебраниваясь.

Рабле и Оларъ вернулись въ тѣнистую палатку. Такъ какъ полуденная жара не позволяла ничѣмъ заняться, они рѣшили вздремнуть. Незамѣтно для себя офицеры заснули подъ жужжаніе людей, несшееся со всего лагеря.

Сонъ ихъ былъ прерванъ разбудившими ихъ вѣстовыми, которые, перебивая другъ друга, говорили о странномъ явленіи.

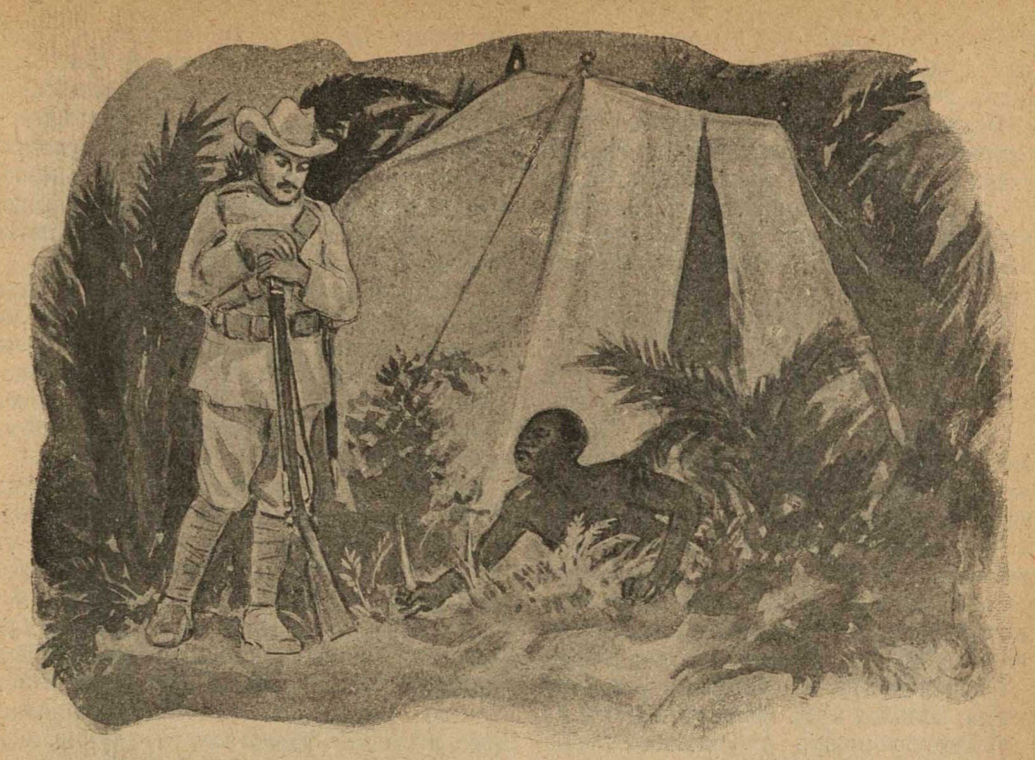
Офицеры вскочили и вышли изъ палатки. Лагерь находился въ состояніи недоумѣнія и волненія.

Капитанъ и лейтенантъ сейчасъ же узнали причину поразившаго всѣхъ явленія.

Отъ вѣерной стѣны, простиравшейся за низкой зарослью передъ лагеремъ, плыло желто-зеленое облако, стелясь низко надъ землей. Оно очень невысоко поднималось надъ зарослью и заполняло медленными тяжелыми клубами все пространство передъ собой.

По временамъ отъ желто-зеленаго облака отдѣлялись длинные волнующіеся столбы, точно щупальцы, и вслѣдъ за ними стлалась густая буроватая пелена.

Нѣсколько минутъ офицеры не могли догадаться, откуда могло появиться это странное облако, и вмѣстѣ съ солдатами смотрѣли на приближеніе его къ лагерю. Вѣтеръ дулъ, какъ разъ, отъ зарослей, и желто-зеленая вуаль съ каждой минутой становилась ближе и ближе.

Осмотрѣвшись внимательно кругомъ, Майомбанъ подползъ къ дремавшему часовому.

Внезапно до офицеровъ донесся удушливый, сладковато-терпкій запахъ приближавшагося облака—этотъ запахъ напоминалъ имъ что-то знакомое.

— Пахнетъ какъ будто сильнѣйшимъ хлоромъ,—сказалъ лейтенантъ.

— Да вѣдь это германскіе удушливые газы! — закричалъ, вдругъ догадавшись, капитанъ.

— Къ оружію! къ оружію!—гремѣлъ черезъ мгновеніе его голосъ.

Тюркосы быстро побѣжали за ружьями.

Наступили критическія минуты.

Медленно ползшій желто-зеленый туманъ быстро надвигался на лагерь, и люди начали падать одинъ за другимъ.

Газъ въ первую минуту щекоталъ слизистую оболочку носа, горла, легкихъ, а потомъ, когда раздраженіе усиливалось, становилось все труднѣе и труднѣе дышать—что-то душило медленно, медленно, въ глазахъ рябило, голова кружилась. Начинались судороги, агонія...

Тюркосы спасались, кто какъ могъ.

Офицерамъ, однако, удалось собрать значительную часть отряда и быстро скрыться за вѣерной стѣной.

Капитанъ, оправившійся отъ неожиданности, осмотрѣлся.

Газовое облако приближалось къ лѣсу полосой, не превышавшей километра и толщиною въ три-четыре метра.

Рабле распорядился разомкнуться отряду по обѣ стороны, и когда облако пройдетъ, снова занять оставленный лагерь.

Оправившіеся тюркосы быстро разсыпались—часть ихъ, подъ командой лейтенанта Олара, бросилась въ одну сторону, другая, подъ начальствомъ капитана, направилась въ противоположную.

Но не успѣли французы пройти и сотни шаговъ, какъ вѣерный лѣсъ внезапно затрещалъ, заволновался—невидимый врагъ открылъ учащенную стрѣльбу по тюркосамъ.

Пули полетѣли по зеленымъ просторамъ часто-часто.

Четко забарабанили пулеметы, и жуткая дробь ихъ эхомъ катилась по вѣрнымъ дебрямъ.

Подъ каждой пальмой, подъ каждымъ бананомъ чудился вѣстникъ смерти съ своей дьявольской трещоткой, и казалось, славному отряду тюркосовъ полковника Дюбуа уже не выбраться изъ огненныхъ объятій коварнаго, невидимаго врага.

XI.

Миріады цвѣтовъ.

Лейтенантъ Оветтъ, послѣ ухода Майомбана съ письмомъ къ полковнику Дюбуа, почувствовалъ себя значительно лучше. Быть-можетъ, радостная надежда близкаго окончанія его невзгодъ вліяла на него, но уже черезъ нѣсколько дней лейтенантъ могъ, хотя и медленно, но безъ помощи ходить по селенію Джомбуайа и отходить даже недалеко въ его окрестности. Онъ теперь ближе могъ всмотрѣться въ незатѣйливую жизнь туземцевъ, добродушныхъ, по большей части, большихъ черныхъ дѣтей. Они искренно радовались выздоровленію бѣлаго человѣка, отъ котораго надѣялись въ близкомъ будущемъ получить подарки.

Полусонно текла ихъ жизнь въ обычномъ бездѣльи и попойкахъ мужчинъ, въ игрѣ на вомби и болтовнѣ. Женщины занимались приготовленіемъ ѣды и домашнимъ хозяйствомъ.

Въ селеніи Домбуайа было довольно грязно, какъ во всѣхъ туземныхъ деревняхъ. Козы и свиньи разгуливали по деревенской улицѣ, иногда заглядывая и въ хижины. Въ хижинахъ было душно и далеко не благовонно. Неизмѣнные въ Африкѣ муравьи сновали повсюду въ этихъ неприхотливыхъ жилищахъ туземцевъ. Зато стоило Роланду Оветту войти въ ближній лѣсъ и отойти отъ селенія на какихъ-нибудь сто—двѣсти шаговъ—какъ картина становилась волшебной, и сама деревня Джомбуайа казалась прекраснымъ обѣтованнымъ уголкомъ земли.

Любитель - натуралистъ просыпался въ Оветтѣ со всей силой, и онъ съ восторгомъ узнавалъ многіе чудные тропическіе цвѣты, жалкіе экземпляры которыхъ онъ видѣлъ когда-то въ ботаническихъ садахъ Европы, за стеклами теплицъ.

Здѣсь, безъ стекла, подъ струящимся съ неба вѣчнымъ жаромъ солнца, въ благословенной истомѣ, красовались миріады цвѣтовъ, одни пышнѣе другихъ.

Точно природа нарочно собрала ихъ въ эти сказочныя мѣста, чтобы преобразить землю въ царственный вѣнокъ красокъ и запаховъ. Вѣрный лѣсъ раздѣлялся здѣсь на рядъ небольшихъ рощицъ, изумрудныхъ, манящихъ подъ свою серебристую тѣнь.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рощицъ укрылись маленькія озера съ красноватымъ, рубиновымъ цвѣтомъ водъ отъ множества упавшихъ въ нихъ зрѣлыхъ плодовъ съ склонившихся надъ водами деревьевъ. На поверхности этихъ озеръ плавали исполинскія водяныя лиліи и густою цѣпью вѣнковъ вились тонкіе кружевные листья, окруженные желтыми, какъ золото, цвѣтками. Другіе бѣлоснѣжные цвѣты перемѣшались съ лиліями, окружая ихъ хороводными кругами.

Роскошные цвѣты лазоревые, какъ хрустальная лазурь южнаго наба, свисали надъ водой въ граціозныхъ, воздушныхъ изгибахъ.

По берегамъ водъ, на длинныхъ прямыхъ или изогнутыхъ стебляхъ, напоминавшихъ колонки, красовались блестящіе алые цвѣты, въ видѣ самыхъ причудливыхъ зонтовъ, и горделиво качались при малѣйшемъ дуновеніи воздуха. Это были чудесныя, фантастическія орхидеи удивительныхъ формъ и красокъ.

Роландъ Оветтъ садился среди этихъ пахучихъ яркихъ цвѣтниковъ, на зеленомъ коврѣ плауновъ, подъ тѣнью исполинскихъ маникарій. Онъ не опасался носившихся по травѣ въ жизненномъ опьянѣніи маленькихъ неугомонныхъ существъ.

Цѣлыми часами онъ погружался въ спокойный, ровный ритмъ переживаній.

Не было мыслей, точно онѣ растаяли въ хрустальной прозрачности, точно

слились съ золотистой паутиной дремотныхъ рощъ.

И чувство мѣрное и спокойное поднималось въ груди, какъ незамѣтная случайная волна на замечтавшейся глади водъ. Тогда словно переставалъ существовать Оветтъ, какъ человѣкъ, какъ французъ, какъ офицеръ, какъ личность, и жила лишь частица природы, ощущавшая своимъ живымъ тѣломъ кровную, единую, неразрывную связь съ землей и солнцемъ, съ пальмами, цвѣтами, съ миріадами цвѣтовъ, застлавшихъ рощи и озера, съ благоухающимъ ванилью воздухомъ, со всѣмъ огромнымъ загадочнымъ міромъ. И чудилось въ эти минуты, что въ жизни есть какія-то невѣдомыя еще, потаенныя золотоносныя жилы, что ихъ можно когда-нибудь и гдѣ-нибудь найти, что человѣческая жизнь—самая невѣроятная сага, самая золотая греза природы, самый причудливый сонъ наяву въ хаосѣ міровой безсознательности.

Изъ этого удивительнаго состоянія Оветта выводилъ какой-нибудь дикарь Джомбуайи, бродившій въ поискахъ новыхъ фетишей. Туземецъ подсаживался къ бѣлому, къ которому успѣла привыкнуть вся деревня, и вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Этотъ легкій воздухъ, эти запахи, эти растенія, рощицы, озера, птицы, стрекозы, мотыльки, этотъ добродушный дикарь, въ вѣчной борьбѣ съ духами, беззаботно болтавшій въ ясный день,— все придавало какое-то новое освѣщеніе жизни.

Далекая культура съ ея сутолокой, съ сонмомъ самыхъ непримиримыхъ противорѣчій, съ ея зоологически - національными соціальными и другими вопросами, была чѣмъ-то страшно ненужнымъ, чѣмъ - то исковерканнымъ, фальшивымъ, омерзительнымъ до послѣдней степени.

Въ душу Оветта прокрадывались новыя для него мысли и чувства, какія-то откровенія, которыя были для него далеко не ясны. Онъ возвращался въ Джомбуайа въ глубокой задумчивости.

Его окружали повсюду неизмѣнные цвѣты, миріады цвѣтовъ...

XII.

Выступленіе дикарей.

Когда Майомбанъ съ своими воинами и убѣжавшимъ съ ними туземнымъ переводчикомъ Винги вернулись въ селеніе Джомбуайа, славный вождь поспѣшилъ повѣдать своему бѣлому другу, а потомъ всей деревнѣ, о своихъ злоключеніяхъ.

Туземцы возмущались поведеніемъ злыхъ бѣлыхъ людей. Они еще больше стали выражать вниманія и сочувствія своему бѣлому гостю, принадлежавшему къ племени добрыхъ бѣлыхъ.

Лейтенантъ Оветтъ былъ крайне подавленъ печальными новостями. Его начинало особенно безпокоить письмо, посланное имъ полковнику Дюбуа. Переводчикъ Винги говорилъ, въ свою очередь, что онъ слышалъ отъ своего непосредственнаго начальника-черного о рѣшеніи вражескихъ бѣлыхъ вождей отправить какое-то письмо съ черными людьми къ доброму бѣлому военачальнику.

Оветтъ, несмотря на запутанность рѣчей Винги, начиналъ догадываться о намѣреніи германцевъ. Отъ не считавшагося ни съ чѣмъ противника можно было ожидать всего.

Ужъ не замышляютъ ли они какой-нибудь коварный планъ нападенія на полковника Дюбуа и вовлеченія его въ засаду? Мрачныя, тяжелыя предчувствія тѣснились въ его душѣ, и онъ готовъ былъ теперь раскаяться въ томъ, что послалъ ему письмо.

Лейтенантъ долго говорилъ съ вернувшимся въ селеніе вождемъ Майомбаномъ, уговаривая его вооружить всѣхъ своихъ воиновъ и вмѣстѣ съ нимъ, Оветтомъ, отправиться на поиски лагеря военачальника бѣлыхъ добрыхъ людей, которому, быть - можетъ, будетъ очень кстати подошедшая подмога туземцевъ селенія Джомбуайа.

Майомбанъ горячо принялъ къ сердцу слова бѣлаго гостя и, со своей стороны, обѣщалъ приготовиться черезъ нѣсколько дней къ походу. Для окончательнаго рѣшенія надо было созвать палабру, которая должна была одобрить важное предпріятіе.

Когда собралась палабра въ обычный кругъ, въ присутствіи всего населенія Джомбуайа, къ собранію старѣйшинъ обратился лейтенантъ, прося воиновъ селенія пойти съ нимъ и обѣщая самые роскошные подарки за услугу, оказанную добрымъ бѣлымъ. Каждый изъ черныхъ воиновъ получитъ по громозвучной трубкѣ, по куску алой матеріи, по блестящей ниткѣ великолѣпныхъ стеклянныхъ бусъ, по высокой шляпѣ, по бѣлому, какъ молоко, камзолу и и еще много другихъ прекрасныхъ вещей.

Послѣ рѣчи лейтенанта, выслушанной съ глубокимъ вниманіемъ и покрытой громкими криками одобренія, говорилъ Майомбанъ. Вождь говорилъ съ обычнымъ краснорѣчіемъ и убѣждалъ не откладывая дѣла черезъ нѣсколько дней отправиться съ щедрымъ бѣлымъ другомъ на помощь славному доброму бѣлому военачальнику. Онъ не сомнѣвался, что дары бѣлыхъ за такую услугу превзойдутъ ожиданія воиновъ селенія Джомбуайа и сдѣлаютъ ихъ самыми счастливыми изъ всѣхъ племенъ ашанговъ. Молва о славной деревнѣ Джомбуайа,—а жители селенія были честолюбивы,—разнесется среди добрыхъ бѣлыхъ племенъ за великимъ моремъ. Хорошо будетъ всѣмъ его подданнымъ послѣ такого подвига гостепріимства и дружбы.

Лейтенантъ, слушавшій длинную рѣчь вождя, удивлялся, какъ за такое короткое время Майомбанъ сумѣлъ къ нему такъ искренно привязаться, какъ готовъ былъ оказать бѣлому другу всевозможныя услуги, граничащія съ жертвой. Въ первобытной душѣ африканскаго варвара, вопреки всѣмъ эволюціоннымъ теоріямъ, жили благородныя, великодушныя чувства. Несмотря на всю наивность, хитрость, суевѣріе, безсознательную жестокость, на всю ограниченность душевной жизни, сводившейся преимущественно къ сильнымъ и короткимъ эмоціональнымъ вспышкамъ— въ глубинѣ существа дикаря было что-то располагающее къ нему, что-то дѣтски-простодушное, благодарное, что-то женственно-отзывчивое.

О, какъ ошибается привилегированная бѣлая раса въ своихъ недосягаемыхъ преимуществахъ, въ своихъ глубокихъ и утонченныхъ чувствахъ! Она могла бы позавидовать презрѣннымъ африканскимъ дикарямъ въ нѣкоторыхъ свойствахъ духа, лишеннаго благъ «цивилизаціи».

Послѣ Майомбана говорилъ мганга Магуки.

— Добрый бѣлый это—добрый духъ,— началъ Мганга,—и оказать услугу такому бѣлому то же, что расположить къ себѣ добраго духа.

Много еще говорилъ Магуки съ своей метафизической или колдовской точки зрѣнія о важности и необходимости похода съ бѣлымъ гостемъ на помощь славному военачальнику добрыхъ бѣлыхъ.

Закончилъ онъ свою рѣчь указаніемъ на счастливыя знаменія, которыя сулили воинамъ селенія Джомбуайа побѣдоносный исходъ похода. Знаменія заключались, по его словамъ, во-первыхъ, въ томъ, что уже нѣсколько ночей, какъ злая колдунья-луна прячется въ облакахъ и не смѣетъ показать своего враждебнаго взора деревнѣ, во-вторыхъ, въ томъ, что у главнаго фетиша-истукана селенія ноги начали покрываться священной травой амара.

Доводы мудраго, всезнающаго шамана были чрезвычайно убѣдительны, и старѣйшины, засѣдавшіе въ палабрѣ, единогласно рѣшили готовиться къ походу, чтобы отправиться черезъ нѣсколько дней на помощь доброму бѣлому вождю, подъ руководствомъ бѣлаго гостя.

Съ криками радости и воодушевленія туземцы селенія начали расходиться.

Нѣсколько дней, оставшихся до выступленія въ походъ, лейтенантъ рѣшилъ употребить на нѣкоторую военную подготовку воиновъ деревни Джомбуайа.

Онъ попытался хоть сколько-нибудь научить самыхъ способныхъ воиновъ стрѣльбѣ изъ подобранныхъ Майомбаномъ и его спутниками ружей.

Передъ самымъ отправленіемъ въ походъ всѣ туземцы деревни собрались на деревенской площадкѣ, на которой расположились выступавшіе съ бѣлымъ гостемъ воины Майомбана.

По обычаю всѣхъ племенъ ашанговъ, воины передъ выступленіемъ въ походъ

Отъ вѣерной стѣны на лагерь плыло желто-зеленое облако, стелясь низко надъ землей.

занялись очень усердно поглощеніемъ особаго военнаго кушанья, состоявшаго изъ волшебной травы и амулетовъ. Чудодѣйственная трава и фетиши варились въ самыхъ большихъ глиняныхъ горшкахъ на медленномъ огнѣ. За варкой очень внимательно, съ значительнымъ видомъ слѣдилъ мганга Магуки.

Какъ только похлебка была готова, воины начали съѣдать наиболѣе удобоваримую часть, а оставшейся жидкостью принялись натирать тѣло. Проникнувшись съ помощью этого кушанья и натиранья надлежащимъ воинскимъ пыломъ, они были вполнѣ готовы ко всякимъ военнымъ опасностямъ и неожиданностямъ, которыя могли имъ встрѣтиться въ походѣ.

При разставаніи мганга Магуки произнесъ прощальное слово, еще разъ упомянувъ о счастливыхъ предзнаменованіяхъ, о длинныхъ заклинаніяхъ, которыя онъ повторялъ въ послѣдніе дни, о посрамленіи злыхъ духовъ и силѣ родныхъ фетишей.

Старики, женщины и дѣти прощались съ воинами.

Лейтенантъ далъ знакъ, и воины селенія Джомбуайа, во главѣ съ своимъ славнымъ вождемъ Майомбаномъ, двинулись одинъ за другимъ, длинной цѣпью въ лѣсъ, въ прекрасный вѣерный лѣсъ, гдѣ было такъ много восхищавшихъ Оветта волшебныхъ экзотическихъ цвѣтовъ.

XIII.

Осада французскаго лагеря.

Капитанъ Рабле со своимъ помощникомъ лейтенантомъ Оларомъ сумѣли выйти изъ огненнаго германскаго кольца, внезапно окружившаго ихъ, и пытались съ двухъ сторонъ обходнымъ путемъ вернуться въ лагерь, черезъ который проходило желто-зеленое облако удушливаго хлорнаго газа.

Несмотря на огромныя потери отъ близкаго и мѣткаго огня спрятавшагося врага и смертоносныхъ газовъ, капитанъ съ остатками тюркосовъ пробился въ лагерь, по которому еще стлались зловѣщіе остатки туманныхъ отвратительныхъ клубовъ разсѣявшагося въ лѣсу облака.

Засѣсть въ лагерѣ и открыть жестокій огонь по насѣдавшему врагу было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ для тюркосовъ.

Пулеметы и бомбометы заработали во-всю, и торжествовавшій еще недавно непріятель долженъ былъ ограничиться лишь перестрѣлкой на приличномъ разстояніи.

Спустя нѣкоторое время огонь началъ ослабѣвать, пока совсѣмъ не прекратился.

Капитанъ совѣщался со своимъ помощникомъ о планѣ дальнѣйшаго сопротивленія непріятелю. Событія разыгрались съ ошеломляющей неожиданностью и быстротой.

Капитанъ и лейтенантъ Оларъ не сомнѣвались, что полковникъ Дюбуа и сопровождавшіе его офицеры или погибли въ засадѣ, или захвачены въ плѣнъ подступившимъ внезапно къ лагерю врагомъ.

Положеніе осажденныхъ было очень серьезно—большая половина тюркосовъ погибла, но, главное, лагерь былъ лишенъ воды, такъ какъ рѣчка, протекавшая невдалекѣ, была въ рукахъ непріятеля. Можно было, правда, пользоваться искусственными минеральными водами, заготовленными для офицеровъ, но этого запаса на всѣхъ людей могло хватить на день-два. Что дѣлать?

Запасы амуниціи были достаточны, и съ ними можно было очень долго продержаться.

Оставалось, для дальнѣйшаго успѣха, во что бы то ни стало, пробиться къ рѣчкѣ и овладѣть ею.

Атаку рѣшено было предпринять подъ прикрытіемъ темной ночи, при поддержкѣ усиленнаго огня всѣхъ бывшихъ въ лагерѣ орудій.

Въ установленный часъ, когда черная мягкая завѣса тропической ночи опустилась надъ лагеремъ и вѣернымъ лѣсомъ, тишина внезапно нарушилась учащенной стрѣльбой, точно тысячи неутомимыхъ литейщиковъ начали обрабатывать жестяные листы и бить молотками по чудовищнымъ наковальнямъ.

Чтобы спутать расчеты германцевъ, были предприняты также демонстративныя атаки въ разныхъ направленіяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ огненный дождь ураганомъ проносился по вѣернымъ просторамъ.

Германскій прожекторъ старался окружить свѣтлымъ поясомъ французскій лагерь, но слабость фонарей и чудовищныя тѣни, бросаемыя лѣсными исполинами, мѣшали нѣмцамъ что-либо видѣть. Вся мѣстность наполнилась сказочными прыгающими силуэтами тѣней, игрой причудливыхъ призраковъ.

Часть тюркосовъ, подъ начальствомъ лейтенанта Олара, стремительно бросилась по направленію къ ручью. Германцы, успѣвшіе сосредоточить здѣсь крупныя силы, встрѣтили атакующихъ свѣтомъ прожекторовъ и цѣлой завѣсой огненныхъ вспышекъ.

Тюркосы на время должны были ослабить свою стремительность и начали продвигаться къ врагу обычными перебѣжками.

Немногимъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и лейтенанту, удалось добраться до линіи непріятеля, расположившагося у ручья.

Произошла короткая штыковая встрѣча, почти во тьмѣ, прерываемая хрипѣніемъ, проклятіями, стонами, безумными криками, тяжелымъ оханьемъ, лязгомъ стали, глухими ударами прикладовъ, смертельнымъ животнымъ визгомъ и завываніемъ.

Черезъ пять минутъ все было тихо, какъ будто происшедшее было лишь соннымъ кошмаромъ разгоряченнаго жаромъ мозга или бредомъ сумасшед-

шаго, преслѣдуемаго маніей убійства и крови.

Въ сторонѣ стрекотали одиночные выстрѣлы, изрѣдка вспыхивали огоньки въ темныхъ чащахъ, и несся загадочнымъ призракомъ чей-то замирающій крикъ или стонъ. Линія рѣчки была занята французами, хотя и съ очень тяжелыми потерями.

Осторожно освѣщая путь карманнымъ фонаремъ, капитанъ Рабле осматривалъ занятое мѣсто, шагая черезъ трупы.

Нѣсколько минутъ простоялъ онъ неподвижно надъ тѣломъ веселаго лейтенанта Олара, такъ любившаго напѣвать опереточныя аріи.

Лейтенантъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ воду ручья, точно пилъ ее, съ мучительной, долгой, долгой жаждой. Почему-то лѣвая рука его покоилась въ карманѣ брюкъ, и это положеніе было полно какого-то нелѣпаго юмора.

Еще нѣсколько часовъ назадъ жизнерадостный шутникъ, неисправимый болтунъ, уже никогда больше не скажетъ Рабле: «Капитанъ, вамъ сегодня не везетъ въ игрѣ!..» Капитану стало вдругъ нестерпимо больно; онъ стиснулъ зубы и, отвернувшись, коротко приказалъ сопровождавшимъ его ординарцамъ взять тѣло лейтенанта и предать землѣ вблизи лагеря. На слѣдующее утро, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ молодой офицеръ, капитанъ Рабле—пессимистъ, скептикъ и человѣконенавистникъ, очень склонный къ эксцентричности даже въ самыя опасныя минуты жизни, помѣстилъ небольшой столбъ съ деревянной дощечкой, на которой краснымъ карандашомъ написалъ:

«Здѣсь покоится юный мудрецъ лейтенантъ Оларъ, не подозрѣвавшій о своей мудрости. За часъ передъ вѣрной смертью онъ напѣвалъ опереточныя аріи—лучшее свидѣтельство его отношенія къ нелѣпому, сумбурному, бредовому явленію, какова человѣческая жизнь».

Начались боевые дни съ почти непрерывной стрѣльбой и атаками германцевъ, стремившихся опять овладѣть ручьемъ.

Эти атаки пока отбивались тюркосами сравнительно легко. Капитанъ быстро укрѣпилъ оба берега рѣчки, и взять ее теперь было дѣломъ очень труднымъ.

Капитану казалось, что, потерпѣвъ неудачу при неожиданномъ нападеніи на лагерь и потерявъ затѣмъ ручей, германцы предприняли осаду больше для виду, чѣмъ дѣйствительно надѣясь взять въ плѣнъ французскій отрядъ. Имъ должно было быть хорошо извѣстно, что боевыхъ припасовъ у французовъ было достаточно, гораздо больше, чѣмъ у германцевъ, потерявшихъ при пораженіи на рѣкѣ Майоло значительную часть оружія и амуниціи.

Несмотря на тяжкія потери, понесенныя тюркосами, они, укрѣпивъ свою позицію, имѣя боевое снаряженіе, воду и достаточно консервовъ, могли продержаться неопредѣленное время, выжидая того момента, когда у непріятеля истощится незначительное количество патроновъ и пулеметныхъ лентъ.

Съ каждымъ днемъ капитанъ Рабле бодрѣе смотрѣлъ на будущее. Германцы ограничивались рѣдкой стрѣльбой, очевидно, скупясь на снаряды.

Капитанъ могъ теперь безъ труда пробиться черезъ ряды непріятеля, но еще не могъ рѣшить, куда направиться послѣ этого. Къ сожалѣнію, многія тактическія и стратегическія соображенія полковника Дюбуа ему были совершенно неизвѣстны.

Онъ привыкъ выполнять возложенныя на него обычныя обязанности, не входя въ особую стратегическую оцѣнку, что должно было являться дѣломъ командующаго отрядомъ и его ближайшихъ сотрудниковъ. Неожиданно разыгравшіяся событія сдѣлали его одновременно командиромъ, штабомъ и единственнымъ офицеромъ.

Приходилось медленно приспособляться къ выполненію этой тройной функціи.

XIV.

Холерный вибріонъ.

Майоръ фонъ-Цурмиленъ былъ страшно не въ духѣ въ послѣдніе дни. Блестящій планъ уничтоженія французскаго отряда не удался. Правда, онъ захватилъ тяжело раненаго пол-

ковника Дюбуа и нѣсколько искалѣченныхъ французскихъ офицеровъ, но взять лагерь съ необходимой для него амуниціей и совершенно уничтожить тюркосовъ онъ не сумѣлъ.

Неудачный бой на рѣчкѣ, обезпечившей осажденнымъ воду на неопредѣленно долгое время, былъ для майора чувствителенъ.

Патроны приходили къ концу, надо было считаться съ возможностью вылазокъ врага и необходимостью немедленнаго отступленія.

Его мозгъ, привыкшій устраивать всевозможные «кунстштюки», работалъ усердно, чтобы съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія. Но ничего пока онъ не могъ придумать.

Внезапно его осѣнила простая, но блестящая, какъ ему показалось, идея.

Майоръ крикнулъ, и когда черезъ мгновеніе точно выросъ изъ-подъ земли его ординарецъ, онъ приказалъ позвать къ себѣ доктора Краузе.

Майоръ, въ ожиданіи Краузе, шагалъ по своей палаткѣ изъ угла въ уголъ, развивая пришедшую ему въ голову мысль.

Черезъ нѣсколько минутъ фонъ-Цурмиленъ привѣтствовалъ доктора, крѣпко пожимая его руку.

— Докторъ, — говорилъ майоръ радостно, возбужденно,—какъ это я или вы не могли додуматься до одной чрезвычайно простой вещи? Вѣдь, отправляя насъ въ африканскую экспедицію, главный штабъ снабдилъ насъ, если не ошибаюсь, не только хлорными препаратами, но и нѣкоторыми очень нужными для насъ культурами бациллъ. Вы, вѣроятно, начинаете догадываться, въ чемъ дѣло?

— Да, почти, — оживленно сказалъ докторъ.

— Буду кратокъ. Имѣется ли у васъ культура холернаго вибріона?

— Кажется, да,—подумавъ минуту, сказалъ Краузе.—Во всякомъ случаѣ, сейчасъ осмотрю свою походную лабораторію, которую мнѣ удалось какимъ-то чудомъ спасти во время нашего отступленія съ рѣки Майоло.

— Я жду васъ, по возможности скорѣе, — почти начальническимъ тономъ сказалъ майоръ.

Докторъ быстро вышелъ изъ палатки. Фонъ-Цурмиленъ продолжалъ ходить, время отъ времени прищуривая глаза и покручивая усы. На его губахъ скользила злобная улыбка, онъ нетерпѣливо ждалъ Краузе.

Докторъ вскорѣ вернулся.

— Ну, какъ, какъ?—встрѣтилъ его майоръ.

— Все прекрасно, майоръ,—спокойно и увѣренно сказалъ докторъ,—у меня великолѣпно сохранилась не только культура холернаго вибріона, но и культура чумной бациллы.

— Нѣтъ, нѣтъ, это и для насъ можетъ быть опаснымъ,—сказалъ майоръ.—Холера—чудное средство!

— Какъ угодно,—невозмутимо буркнулъ Краузе.

Нѣсколько минутъ они молчали, каждый что-то обдумывалъ.

— Намъ надо всего на всего,—прервалъ молчаніе майоръ,—развести холерную запятую въ водѣ рѣчки, занятой тюркосами. У насъ есть другой источникъ воды. Они мигомъ перемрутъ, какъ мухи, и намъ достанется лагерь безъ единаго выстрѣла. Почему мы раньше не догадались?

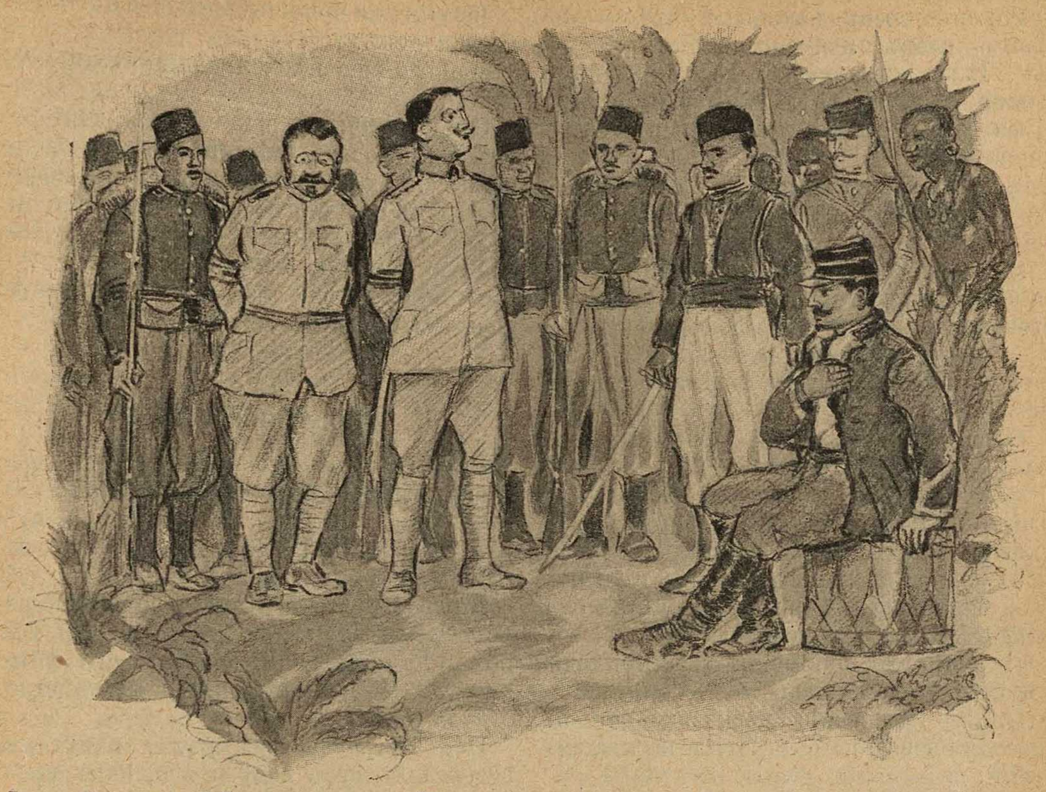
— Надо будетъ развести культуру запятыхъ,—сказалъ докторъ,—такъ чтобы количество вибріоновъ было достаточно. Черезъ два дня въ лагерѣ французскихъ дьяволовъ будетъ роскошная азіатская холера.

— Ваши рѣчи мудрѣе Соломоновыхъ,—радостно потирая руки, сказалъ майоръ.

Фонъ-Цурмиленъ съ докторомъ вышли изъ палатки и начали обходить линіи расположенія германскихъ войскъ. Они зашли въ бараки, гдѣ помѣщались раненые германцы. По пути къ нимъ присоединился оберъ-лейтенантъ Нолькенъ, съ которымъ они поспѣшили подѣлиться блестящей идеей.

Втроемъ они зашли въ палатку, въ которой помѣщались раненые французскіе офицеры.

Полковникъ Дюбуа какъ будто за это время успѣлъ нѣсколько поправиться. Онъ безцѣльно смотрѣлъ въ одну точку, перекидываясь изрѣдка немногими словами съ однимъ изъ находившихся въ сознаніи офицеровъ. Трескот-

Раненый капитанъ Рабле тутъ же, на полѣ сраженія, устроилъ полевой судъ надъ германскими офицерами.

ня выстрѣловъ, доносившаяся до нихъ за всѣ эти дни, наполняла ихъ существо мучительной тревогой за участь оставшагося безъ руководителей французскаго отряда.

Все время длившаяся борьба доказывала о тщетныхъ попыткахъ германцевъ овладѣть лагеремъ. Это обстоятельство нѣсколько смягчало безнадежность положенія коварно захваченныхъ офицеровъ.

Майоръ, докторъ и оберъ-лейтенантъ, самоувѣренно улыбаясь, подошли къ полковнику Дюбуа. Майоръ задалъ нѣсколько нахальныхъ вопросовъ, на которые, по обыкновенію, полковникъ ничего не отвѣтилъ, считая презрительное молчаніе единственнымъ достойнымъ его отвѣтомъ.

Майоръ былъ, какъ всегда, чрезвычайно недоволенъ этимъ безмолвіемъ плѣнника и, желая вызвать у него раздраженіе, саркастически замѣтилъ, обращаясь по-французски къ своимъ спутникамъ:

— Господину полковнику, можетъ-быть, будетъ угодно присутствовать черезъ два дня на заупокойной мессѣ по своимъ славнымъ тюркосамъ...

Дюбуа невольно насторожился—въ тонѣ майора было что-то, указывавшее не только на насмѣшку или шутку.

— Холера, кажется, дѣйствуетъ очень быстро?—обращаясь къ доктору, продолжалъ майоръ.

— О да... достаточно нѣсколькихъ часовъ, максимумъ дня,—весело поддержалъ фонъ-Цурмилена докторъ.

Страшная догадка мелькнула въ головѣ полковника Дюбуа — отъ этихъ культурныхъ сверхъ-звѣрей можно было ожидать всего.

Онъ весь обратился въ слухъ. Его охватила лихорадочная дрожь.

Почти противъ воли, онъ сказалъ майору:

— Неужели вы думаете заразить холерой оставшихся французовъ?

Майоръ, очень довольный эффектомъ своихъ словъ, любезно отвѣтилъ:

— Ваша догадливость, господинъ полковникъ, дѣлаетъ честь вашему уму. Именно вы, какъ нельзя лучше, меня поняли.

— Это неудачная шутка,—слабо протестовалъ Дюбуа, — не можете же вы серьезно рѣшиться на подобное звѣрство!

Майоръ вдругъ сталъ угрюмъ. Глаза его блеснули хищнымъ злораднымъ огонькомъ, и онъ твердо отчеканилъ:

— Мы, германцы, вообще шутники, но отъ нашихъ шутокъ не поздоровится всему міру!

Онъ начиналъ приходить самъ въ раздраженіе.

— Я уничтожу ваше проклятое гнѣздо,—почти прорычалъ майоръ, стискивая кулаки,—холерой, если не удалось сталью и свинцомъ! Ваша пѣсенка въ западно-африканскихъ колоніяхъ будетъ спѣта разъ навсегда... Разъ навсегда!—какъ эхо, повторилъ онъ, приходя въ болѣе уравновѣшенное состояніе.

Въ это мгновеніе произошло что-то ошеломляющее по быстротѣ и неожиданности.

Казавшійся слабымъ полковникъ Дюбуа внезапно приподнялся на своей постели, въ рукахъ его сверкнулъ неизвѣстно откуда появившійся браунингъ и, прежде чѣмъ германцы успѣли прійти въ себя, загремѣли одинъ за другимъ рѣзкіе выстрѣлы.

Майоръ зашатался, схватившись за грудь, и упалъ.

Въ одну минуту оберъ-лейтенантъ и докторъ обезоружили полковника.

Въ слѣдующую минуту они разрядили свои револьверы по раненымъ французскимъ офицерамъ, стрѣляя въ нихъ почти въ упоръ.

Полковникъ Дюбуа и его подчиненные, захваченные въ плѣнъ, были всѣ убиты.

На шумъ выстрѣловъ сбѣжались офицеры и солдаты.

Когда они, толпясь, заглянули въ палатку, ихъ взорамъ представилась зловѣщая картина. Съ покрытыми кровью лицами лежали перебитые французы, а съ земли докторъ и оберъ-лейтенантъ старались приподнять смертельно раненаго майора.

Къ нимъ на помощь бросились нѣсколько человѣкъ.

Майоръ еще нѣсколько минутъ что-то лепеталъ.

Склонившемуся надъ нимъ доктору удалось уловить смыслъ словъ, сводившихся къ тому, что командованіе переходитъ къ оберъ-лейтенанту Нолькену, и что докторъ долженъ приготовить холерную запятую черезъ два дня.

— Будетъ исполнено! — съ бѣшеной ненавистью воскликнулъ докторъ.

XV.

Послѣдній бой.

Въ французскомъ лагерѣ люди начали умирать съ ужасающей быстротой. Они катались по землѣ въ мучительныхъ судорогахъ, хватались за животъ, стонали, кричали.

Капитанъ Рабле нѣкоторое время не могъ догадаться, въ чемъ дѣло. Но характеръ заболѣванія вскорѣ его убѣдилъ, что это—появившаяся неизвѣстно откуда холера.

Подъ угрозой разстрѣла, капитанъ воспретилъ пить воду иначе, какъ прокипяченной, но мѣропріятіе это было слишкомъ позднее. Большая часть тюркосовъ была больна, многіе уже умерли. Оставшіеся въ живыхъ съ ужасомъ наблюдали за растущей съ каждымъ часомъ эпидеміей, не зная, что предпринять.

Увидя всю безнадежность дальнѣйшаго пребыванія въ лагерѣ, капитанъ рѣшилъ пробиться съ оставшимися въ живыхъ, бросивъ все на произволъ судьбы.

Застрекотали опять пулеметы усиленно, безъ перерыва; ружейные залпы точно раздирали жестяные листы—это была обычная огневая подготовка атаки.

Германцы отвѣчали вяло—запасъ патроновъ былъ, повидимому, у нихъ на исходѣ.

Подъ прикрытіемъ огня пулеметовъ и бомбометовъ, капитанъ Рабле началъ атаку. Тюркосы съ остервенѣніемъ бросились впередъ, и въ нѣсколько минутъ яростнымъ штыковымъ ударомъ захватили первую германскую линію, за ней вторую и третью.

Увлекшись преслѣдованіемъ непріятеля, капитанъ забылъ о всякой стратегіи и вскорѣ долженъ былъ съ ужасомъ убѣдиться въ своей опрометчивости.

Германцы, по обыкновенію, прибѣгли къ своимъ излюбленнымъ обходнымъ пріемамъ, и положеніе тюркосовъ стало вдругъ критическимъ—они были въ непріятельскомъ кольцѣ.

Къ счастью французовъ, недостатокъ патроновъ и пулеметныхъ лентъ у врага помѣшалъ германцамъ развить ураганную огневую завѣсу, и это обстоятельство нѣсколько облегчало безнадежность положенія.

Непріятель со всѣхъ сторонъ теперь перешелъ въ атаку, и черезъ минуту долженъ былъ разразиться ожесточенный штыковой бой.

Въ эту минуту со стороны вѣрнаго лѣса затрещали залпы неизвѣстнаго отряда по германцамъ. Не успѣли они оправиться отъ неожиданности, какъ изъ лѣсныхъ чащъ, потрясая ружьями и копьями, высыпали съ ужаснымъ ревомъ черные воины, впереди которыхъ несся бѣлый человѣкъ; въ этомъ бѣломъ капитанъ Рабле съ изумленіемъ и восторгомъ узналъ пропавшаго лейтенанта Оветта.

Внезапная подмога удесятерила энергію окруженныхъ тюркосовъ, и охватывавшее положеніе германцевъ стало вдругъ охваченнымъ. Черезъ десять минутъ упорнаго боя участь германскаго отряда была рѣшена — почти всѣ германцы были истреблены.

Среди захваченныхъ силой находился оберъ-лейтенантъ Нолькенъ и докторъ Краузе.

Капитанъ Рабле, раненый въ грудь, держался еще нѣкоторое время на ногахъ и отдавалъ приказанія. Онъ радостно привѣтствовалъ Оветта, пришедшаго къ нему на помощь въ критическую минуту. Тутъ же, на полѣ сраженія, — капитанъ боялся, что онъ вскорѣ потеряетъ сознаніе,—онъ устроилъ военно-полевой судъ.

Оберъ-лейтенантъ Нолькенъ и докторъ Краузе обвинялись въ примѣненіи разбойничьихъ пріемовъ войны, въ отравленіи холерной бациллой воды ручья,— объ этомъ нѣсколько плѣнныхъ германцевъ успѣли уже проболтаться, — и въ убійствѣ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ.

Приговоръ, лаконическій и скорый, былъ вынесенъ тутъ же — подсудимые подлежали немедленному разстрѣлу.

Лейтенантъ Оветтъ пытался смягчить ихъ участь, но капитанъ былъ непреклоненъ.

Нолькенъ и Краузе были разстрѣляны. Къ чести ихъ нужно сказать, что они смотрѣли въ лицо смерти съ холоднымъ презрѣніемъ, и единственныя слова, которыя они бросили французамъ, были: «Германія выше всего!..»

Рана капитана оказалась серьезнѣе и тяжелѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ боя и суда онъ уже лежалъ безъ сознанія, призывая все время въ бреду своихъ тюркосовъ.

Лейтенантъ Оветтъ, какъ умѣлъ, ухаживалъ за нимъ. Раненому становилось все хуже и хуже. Оветтъ ни на минуту не отходилъ отъ него. На слѣдующій день, утромъ, капитанъ Рабле умеръ, не приходя въ сознаніе.

Съ чувствомъ скорби похоронилъ лейтенантъ послѣдняго товарища-офицера и рѣшилъ немедленно отойти возможно дальше отъ опаснаго мѣста эпидеміи. Ему пришлось уходить почти съ одними воинами Майомбана—немногіе уцѣлѣвшіе въ бою тюркосы умерли отъ холеры вскорѣ послѣ сраженія. Нѣсколько плѣнныхъ германцевъ было отпущено съ необходимыми съѣстными припасами на свободу.

Лейтенантъ Оветтъ взялъ съ собой всѣ наиболѣе цѣнныя вещи, оставшіяся во французскомъ и германскомъ лагеряхъ, и немедленно отдалъ ихъ Майомбану и его храбрымъ воинамъ.

Восторгу черныхъ большихъ дѣтей изъ селенія Джомбуайа не было границъ, когда каждый изъ нихъ получилъ несравненно больше, чѣмъ представлялось его пылкому воображенію.

Славный Майомбанъ получилъ, по праву вождя и друга бѣлаго, во много разъ больше, чѣмъ обыкновенный смертный изъ деревни Джомбуайа. Вождь уже видѣлъ себя могущественнѣйшимъ, славнѣйшимъ, богатѣйшимъ изъ всѣхъ во-

ждей племени ашанговъ, а можетъ-быть, даже всѣхъ чернокожихъ племенъ.

Его заботливость и нѣжность по отношенію къ великому бѣлому другу усилились до послѣдней степени. Онъ ходилъ около Оветта, какъ ходитъ любящая нянька около ребенка, онъ старался исполнить малѣйшее желаніе лейтенанта.

Но бѣлый другъ Майомбана все время жаловался на боль въ головѣ,—въ бою онъ получилъ сильный ударъ по головѣ, но первое время не обратилъ на это вниманія. Оветтъ былъ унылъ, печаленъ, пересталъ вмѣшиваться въ дѣло военной экспедиціи, которою теперь руководилъ исключительно вождь селенія Джомбуайа. Майомбанъ велъ своихъ воиновъ обратно съ волшебными подарками въ родную деревню, предвкушая радость своихъ подданныхъ, когда они увидятъ его на верху славы и могущества.

Князька очень безпокоила безпричинная печаль бѣлаго друга. Майомбанъ силился развлечь его, стараясь показать всю привлекательность жизни въ Джомбуайа, гдѣ онъ поселится рядомъ съ вождемъ. У добраго бѣлаго человѣка никогда еще не было такого преданнаго и вѣрнаго друга, какъ Майомбанъ. Вождь построитъ ему большую, красивую, самую красивую хижину, какія можно только найти у племени ашанговъ. Онъ можетъ даже построить двѣ, три, много такихъ хижинъ. Если бѣлому другу угодно, онъ отдастъ ему въ жены всѣхъ красивѣйшихъ дѣвушекъ селенія. Онѣ умѣютъ приготовлять очень вкусныя блюда изъ плодовъ, овощей, мяса, многія изъ нихъ очень хорошо играютъ на вомби, прекрасно поютъ и очень весело пляшутъ. Бѣлый другъ Майомбана будетъ лежать въ жаркіе часы подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ селенія. Вождь насадитъ ему много большихъ лѣсныхъ цвѣтовъ—тѣхъ цвѣтовъ, которые бѣлый такъ любитъ,—вокругъ хижины. Очень много цвѣтовъ. Майомбанъ тоже любитъ яркіе цвѣты.

Много, много говорилъ еще вождь селенья Джомбуайа своему бѣлому другу, но тотъ попрежнему оставался печальнымъ и молчаливымъ.

Майомбанъ терялся въ догадкахъ— ужъ не вселился ли въ его друга какой-нибудь злой духъ, по наговору злыхъ бѣлыхъ волшебниковъ, которыхъ они недавно столько перебили?

Самъ вождь очень боялся подобнаго заочнаго смертнаго колдовства, и даже при мысли объ этомъ его тѣло принимала холодная дрожь страха.

Можетъ-быть, какой-нибудь духъ умершаго злого бѣлаго врага, чтобы погубить добраго бѣлаго друга князька, невидимыми путями забрался внутрь, въ голову,— не даромъ лейтенантъ жалуется на постоянную головную боль,—и не даетъ покоя ни на минуту. Быть-можетъ...

Воины Майомбана, послѣ быстраго перехода, были уже близко отъ родной деревни Джомбуайа.

XVI.

Смерть Роланда Оветта.

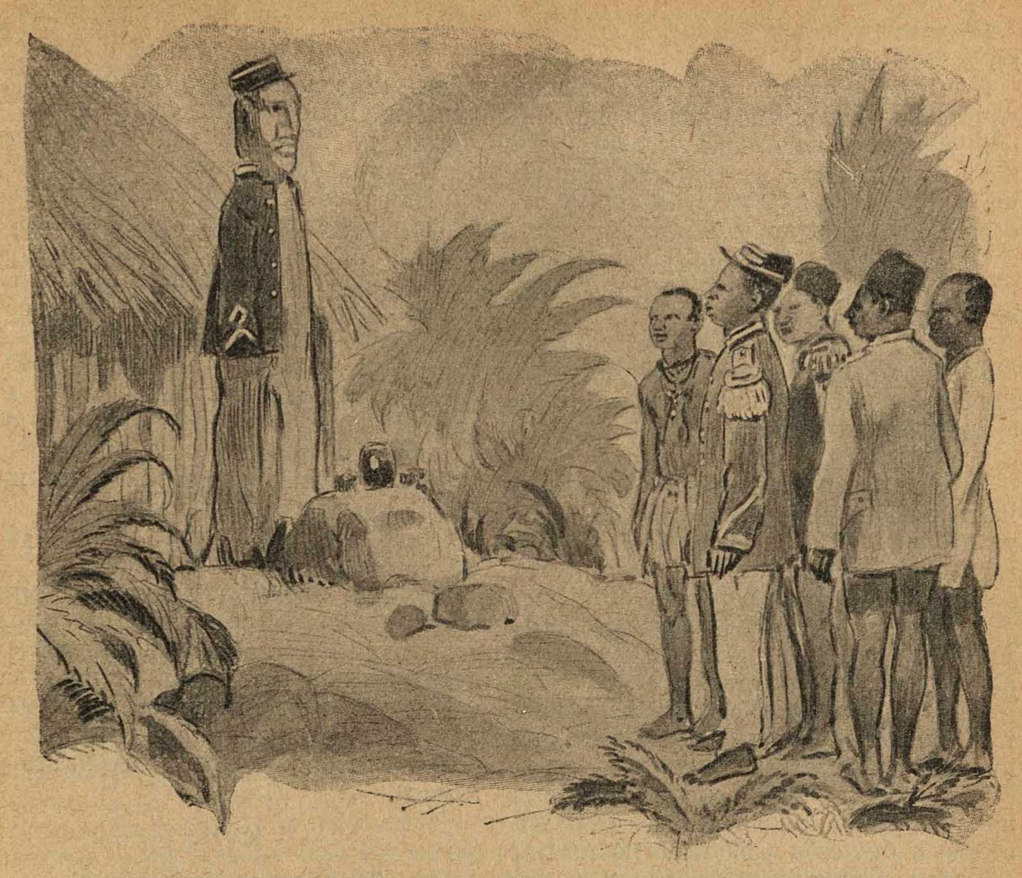
Съ Роландомъ Оветтомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ постоянной головной боли отъ полученнаго въ бою удара, и сопровождавшей эту боль острой неврастеніи, начало твориться что-то неладное.

Съ необыкновенной силой пробудилась въ немъ былая меланхолія, къ которой его товарищи всегда любили прилагать эпитетъ «черной»; отъ нея, казалось ему, онъ навсегда освободился среди полной приключеній жизни въ экзотическомъ краю.

Солнце, вѣерное царство, лѣсные цвѣтники, все это занимало, захватывало его своей кипучей, пиршественной жизнью. Влекла къ себѣ по временамъ жизнь дикарей, въ которой ему чудились привлекательныя стороны даже подъ угломъ зрѣнія скептика XX вѣка.

Но теперь все это гдѣ-то растаяло, исчезло, и онъ очутился одинъ, одинъ въ дебряхъ Африки. Какъ ни ухаживалъ за нимъ славный Майомбанъ, какими удобствами ни старался обставить жизнь его въ селеніи, лейтенантъ начиналъ тяготиться своею жизнью среди дикарей и подумывалъ о возвращеніи въ какой-нибудь прибрежный французскій портъ.

Здоровье его ухудшалось съ каждымъ днемъ—голова продолжала мучительно болѣть тупой болью.

Передъ хижиной стоялъ деревянный идолъ, памятникъ Роланду Оветту.

Лейтенанту страстно хотѣлось поговорить хоть съ какимъ-нибудь европейцемъ, будь это даже врагъ его родины. Самыя безотрадныя мысли приходили ему въ голову.

Ужасы пережитыхъ боевъ усиливали всю неприглядность и безнадежность осмысленной культурной жизни, жизни цивилизованнаго до мозга костей европейца съ расшатанными нервами.

Невольно приходили въ голову тучи «проклятыхъ» вопросовъ, вылѣзающихъ изъ глубокихъ нѣдръ души при всякомъ ослабленіи организма.

Зачѣмъ онъ, Роландъ Оветтъ, существуетъ на землѣ? Какова его миссія, если вообще возможны какія-либо миссіи въ природѣ.

Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ, совсѣмъ ненужнымъ въ жизни, какъ въ былое время, но еще въ болѣе сильной степени. Чувство жизни вдругъ то притуплялось въ немъ, то обострялось; оно говорило то о великой ненужности собственнаго существа, то о вопіющемъ несовершенствѣ культурной жизни.

Самодовольный, мѣщанскій укладъ жизни, безчисленныя цѣнности мѣщанской паутины, опутавшей міръ духа, давилъ его, какъ тяжелый кошмаръ.

И во всемъ недовольствѣ этомъ были виноваты лишь нервы и головная боль Оветта? Нѣтъ, онъ теперь не хотѣлъ вѣрить этому!

Неужели всѣхъ здоровыхъ и нормальныхъ культурныхъ европейцевъ не страшитъ по временамъ ничтожество и ужасъ собственной жизни? Неужели имъ всегда помогаютъ маленькіе божки, которымъ они поклоняются?

Возвратиться въ Европу теперь—но вѣдь это безуміе!

И Оветтъ чувствовалъ болѣзненно, мучительно, что онъ не нуженъ современной жизни. Жизнь превращалась для него въ скверную противоестественную привычку, одну изъ тѣхъ, которыя вообще называются порочными.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ отъ жизни. И отдыха какого-то хотѣлось ему, какъ никогда.

Заснуть гдѣ-нибудь, незамѣтно для себя въ лѣсу, на зеленомъ коврѣ, среди миріадовъ цвѣтовъ, и спать, спать до архангельскихъ трубъ..

О, какъ онъ усталъ!..

Перестали интересовать его гостепріимные дикари, удивлявшіеся его молчаливости и печали. Майомбанъ началъ временами раздражать его тѣмъ, что навязчиво старался развлечь его.

А меланхолія росла, голова все продолжала мучительно ныть, несмотря на рядъ принятыхъ мѣръ.

«Не было ли это сотрясеніемъ мозга?» думалось иногда Оветту. Не на пути ли онъ къ безумію?

Отъ одной этой возможности онъ приходилъ въ содроганіе и старался отогнать отъ себя убійственную мысль.

Жизнь начинала все болѣе и болѣе блѣднѣть въ его глазахъ, несмотря на всю яркость тропическаго солнца, на весь ослѣпительной изумрудъ вѣерныхъ просторовъ, на многоцвѣтную радугу безчисленныхъ орхидей.

Уже самый фактъ лихорадочнаго исканія смысла жизни и признаніе своей ненужности говорили о болѣзненномъ, упадочномъ кризисѣ всего его существа.

Въ одинъ изъ пополуденныхъ часовъ Роландъ Оветтъ отдыхалъ въ одной изъ рощицъ на берегу маленькаго озера, недалеко отъ селенія Джомбуайа.

Все тѣ же были озерныя воды, покрытыя рубиновымъ лепестковымъ ковромъ, все такъ же плавали исполинскія лиліи, все такъ же вились золотыми вѣнками кружевные цвѣты и сплетались гирляндами бѣлоснѣжныя лиліи все такъ же свисали лазоревые цвѣты, какъ хрустальная лазурь южнаго неба, въ легкихъ, воздушныхъ изгибахъ.

Роландъ Оветтъ ни о чемъ не думалъ. Онъ хотѣлъ только слиться съ этимъ міромъ цвѣтовъ въ одно нераздѣльное цѣлое, уйти съ корнями въ землю, въ хрусталь водъ, въ вѣчную безсознательность, потонуть въ лѣсномъ царствѣ, распуститься въ воздушныхъ вѣерахъ древовидныхъ папоротниковъ, заалѣть цвѣтомъ орхидей... Но чтобы никогда уже не было въ мірѣ Роланда Оветта, сознающаго свое «я», свою связь съ безчисленнымъ, тупымъ и безумнымъ культурнымъ человѣчествомъ...

Его рука машинально вынула изъ кармана блестящую вещь, съ которою онъ въ послѣднее время не разставался.

Также машинально эта же рука приставила вынутую вещь къ груди.

Одиноко и гулко разнесся выстрѣлъ по чащамъ.

Роланда Оветта кольнуло на мгновеніе что-то остро-жгучее, въ мозгу вспыхнула масса ясныхъ до поразительности мыслей безъ словъ—и потухла...

Вокругъ него, попрежнему, колыхались безчисленныя миріады цвѣтовъ всѣхъ красокъ радуги и самоцвѣтныхъ камней.

XVII.

Сокровище Майомбана.

Скоро, очень скоро распространилась вѣсть по деревнямъ племени ашанговъ о волшебныхъ богатствахъ Майомбана, славнаго вождя селенія Джомбуайа.

Счастливый князекъ получилъ много сокровищъ бѣлыхъ и сталъ внезапно такъ богатъ, что всѣ стали завидовать ему.

Другъ Майомбана Адоомбо, который не такъ давно гостепріимно принялъ его въ своей деревнѣ Муау-Комбо, поспѣшилъ притти съ шаманомъ Фугама и своими родствениками въ селеніе Джомбуайа, чтобы получить обѣщанные подарки.

Маоймбанъ успѣлъ преобразить до неузнаваемости родную деревню.

Онъ построилъ себѣ съ десятокъ большихъ роскошныхъ хижинъ, разукрасивъ ихъ извнѣ и изнутри самымъ причудливымъ образомъ. Нѣсколько хижинъ представляли настоящіе арсеналы—тутъ

были развѣшаны ружья, штыки, сабли, патронташи. Передъ этими хижинами величественно стоялъ пулеметъ, обращенію съ которымъ Майомбанъ не успѣлъ научиться. Это загадочное орудіе возбуждало всеобщее изумленіе и восторгъ туземцевъ особенно своимъ окрашеннымъ въ темно-зеленый цвѣтъ щитомъ, издававшимъ пріятный для жителей деревни звукъ при ударѣ палкой.

Въ другихъ хижинахъ Майомбана было не меньше удивительныхъ вещей; тутъ на обширныхъ полкахъ помѣщалась мѣдная и жестяная кухонная посуда, котлы, лабораторные приборы, масса склянокъ, стакановъ, пробирокъ, ретортъ,—словомъ смѣсь кухни съ лабораторіей. Передъ этими хижинами стояла походная кухня, поражавшая туземцевъ своей формой, размѣрами и замысловатымъ устройствомъ.

Еще въ другихъ хижинахъ были собраны блестящія вещи—тутъ было нѣсколько граммофоновъ, съ чудными длинными трубами,—предметомъ вожделѣнія не одного туземца,—яркіе мундиры съ золотыми пуговицами и шитьемъ, горѣвшіе на солнце, какъ огонь, кэпи съ золотыми галунами, какія-то причудливыя попоны, масса разныхъ матерій, одеждъ.

Мѣдныя музыкальныя трубы помѣщались на самомъ почетнымъ мѣстѣ—на особыхъ широкихъ полкахъ.

Подуть въ одну изъ этихъ трубъ удостоивались очень немногіе изъ туземцевъ селенія Джомбуайа—это считалось знакомъ особаго расположенія вождя, разрѣшавшаго на минуту взять волшебную трубу.

Главная хижина Майомбана,—теперь это былъ настоящій дворецъ въ глазахъ всѣхъ туземцевъ,—была задрапирована снаружи полотномъ палатокъ бѣлыхъ, на которое были наброшены цвѣтныя скатерти и ковры.

Внутри хижины стояли походные стулья и кровати, цѣлая серія барабановъ, начиная отъ большого и кончая нѣсколькими маленькими. Майомбанъ, почти все время пребыванія своего въ хижинѣ, упражнялся въ игрѣ на барабанахъ, услаждая свой слухъ роскошнымъ гуломъ большого барабана и щекочущей трескотней малыхъ.

Теперь вождь селенія Джомбуайа одѣвался, какъ пристало царственной особѣ—на немъ былъ кэпи съ золотыми галунами, голубой мундиръ съ пышными эполетами, красный жилетъ и бѣлые кальсоны: Майомбанъ не признавалъ брюкъ и обуви въ жаркомъ климатѣ селенія.

Съ меньшей роскошью, но тѣмъ не менѣе достаточно богато были одѣты мганга Магуки—прорицатель шаманъ, правая рука вождя, и его черный другъ Винги, спасшій его отъ злыхъ бѣлыхъ людей, которому было дано въ Джомбуайа все, что было обѣщано Майомбаномъ.

Воины, старики, женщины и дѣти селенія щеголяли также въ самыхъ причудливыхъ яркихъ костюмахъ—въ красныхъ фескахъ тюркосовъ, цвѣтныхъ курткахъ, на которыхъ были привѣшены металлическія украшенія, въ родѣ ложекъ, вилокъ, крючковъ и безчисленныхъ блестящихъ бездѣлушекъ.

Когда Адоомбо увидѣлъ преобразившуюся, наполненную диковинными сокровищами деревню Джомбуайа, въ первое время онъ страшно позавидовалъ счастливому Майомбану, ставшему внезапно первымъ богачомъ среди всѣхъ вождей племени ашанговъ. Но когда щедрый Майомбанъ надѣлилъ его, родственниковъ и шамана Фугама многими подарками, Адоомбо искренно сталъ расположенъ къ своему старому другу и клялся сохранить свои чувства до самой смерти.

По поводу прибытія князька Муау-Комбо было устроено обычное въ такихъ случаяхъ празднество.

Было випито много-много тыквъ батачи, которыя разливались теперь въ стаканы и склянки.—Майомбанъ успѣлъ познакомиться съ употребленіемъ этой вещи,—вызывая энтузіазмъ всѣхъ пирующихъ.

Подавались лакомыя блюда туземцевъ—поджаренныя личинки жуковъ и особыя маисовыя лепешки на жиру черныхъ муравьевъ. Почетные гости вождя селенія расположились передъ его царской хижиной и все время болтали.

Началась обычная пляска, пѣсни, музыка.

Майомбанъ великодушно разрѣшилъ вынести изъ хижинъ блестящія музы-

кальныя трубы, включая и граммофонныя, и всѣ барабаны.

Получился оглушительный оркестръ, раздались звуки настоящаго первобытнаго африканскаго марша.

Слушатели съ блаженными улыбками внимали чарующимъ звукамъ; многіе, подъ эту громовую музыку, неистово плясали и пѣли.

Майомбанъ побѣдоносно и свысока смотрѣлъ на своихъ пораженныхъ гостей. Онъ уже подвыпилъ и велѣлъ принести нѣсколько бутылокъ рому, доставшагося отъ бѣлыхъ.

Адоомбо, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ:

— Майомбанъ теперь самый богатый, самый счастливый, самый могучій вождь изъ всѣхъ вождей. Всѣ сокровища бѣлыхъ у него въ рукахъ. Почему онъ такъ счастливъ?

На это отвѣтилъ за князька глубокомысленный мганга Магуки, попивавшій усердно батачи изъ большой склянки:

— Добрые духи покровительствуютъ Майомбану, они очень любятъ его. Одинъ изъ добрыхъ духовъ, принявшій образъ бѣлаго человѣка, былъ радушно принятъ Майомбаномъ въ селеніи Джомбуайа. Вождь оказалъ ему помощь, и за это получилъ неслыханное вознагражденіе.

— Гдѣ же онъ, этотъ добрый бѣлый духъ и человѣкъ,—спросилъ князекъ деревни Комбо.

— Онъ умеръ,—печально сказалъ Майомбанъ, опустивъ голову, — онъ вновь сталъ только добрымъ духомъ и великимъ покровителемъ селенія Джомбуайа. Онъ благопріятствуетъ намъ, потому что онъ любилъ Майомбана, онъ очень любилъ вождя, и Майомбанъ былъ привязанъ къ нему, страшно привязанъ. Вождь замолчалъ на минуту, сдѣлавъ нѣсколько горестныхъ жестовъ и печальныхъ гримасъ.

— Но мы помнимъ о немъ, мы все время заботимся о нашемъ великомъ покровителѣ, — продолжалъ князекъ. Майомбанъ приказалъ построить красивую жертвенную хижину съ идоломъ бѣлаго духа. Мы приносимъ ему жертву и шлемъ свои молитвы. Адоомбо, другъ Майомбана, можетъ сейчасъ посмотрѣть на эту хижину.

Князекъ селенія Муау-Комбо, жрецъ Фугама и остальные гости во главѣ съ Майомбаномъ и Магуки, направились къ вѣерному лѣсу.

Въ одной изъ рощицъ, гдѣ лежалъ среди орхидей, въ послѣднія минуты своей жизни Роландъ Оветтъ, стояла большая хижина, разукрашенная матеріями. Передъ хижиной былъ помѣщенъ деревянный идолъ, съ самыми отдаленными намеками на человѣческое подобіе. Лицо истукана было выкрашено въ бѣлую краску. На головѣ его покоилось кэпи, на туловище былъ напяленъ голубой мундиръ. У ногъ идола стоялъ большой жертвенный камень съ остатками разныхъ приношеній туземцевъ.

Нѣсколько минутъ дикари неподвижно стояли передъ хижиной и деревяннымъ истуканомъ.

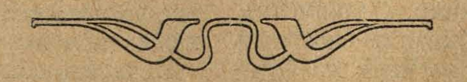
— О, почему, — прервалъ молчаніе Майомбанъ,—великій бѣлый духъ не придетъ опять въ деревню Джомбуайа? Почему не придетъ бѣлый, прекрасный человѣкъ? Майомбанъ такъ его любилъ, такъ его любилъ!..

Вождь селенія Джомбуайа вдругъ заплакалъ, сопровождая свои вопли жестами глубокаго горя и отчаянія.

Наступила тягостная сцена.

Къ Майомбану близко подошелъ шаманъ Магуки.

— Онъ еще когда-нибудь придетъ въ нашу деревню,—твердо и увѣренно сказалъ онъ вождю.

Англійскія войска атакуютъ германцевъ.

Обезьянка

Разсказъ *М. Первухина.*

I.

Добровольцы.

Первое знакомство между «гарибальдійцами», то есть, итальянскими волонтерами, и Фернандомъ Гюэ, тринадцатилѣтнимъ мальчуганомъ-французомъ, произошло еще тогда, когда волонтерскій корпусъ только формировался и добровольцы подъ руководствомъ французскихъ инструкторовъ обучались военному дѣлу.

Было это на югѣ Франціи, въ маленькомъ и тихомъ провинціальномъ городкѣ, далекомъ отъ театра войны.

Приплывавшихъ изъ Америки въ Марсель и Бордо, пробиравшихся съ трудомъ черезъ франко-итальянскую границу волонтеровъ направляли именно въ этотъ городокъ и поселяли въ обширныхъ казармахъ уже ушедшаго на войну французскаго драгунскаго полка.

Для обитателей городка ушедшіе драгуны, годами здѣсь жившіе, были своими, родными. Волонтеры были пришельцами, чужими. Къ драгунамъ относились съ большою симпатіею, на волонтеровъ, надо признаться, посматривали не то что косо, но все таки съ извѣстнымъ недовѣріемъ.

Богъ знаетъ, что за люди. Надо подождать: стоитъ ли сближаться съ ними.

Это отношеніе взрослаго населенія отражалось и на молодомъ поколѣніи: изящныя и нѣсколько чопорныя дѣвицы мѣстнаго общества избѣгали заводить знакомство съ итальянцами. Ихъ отцы и матери обращались съ волонтерами отмѣнно учтиво, но съ оттѣнкомъ сдержанности и даже холодности. Словомъ, между мѣстными жителями и пришельцами стояла какая - то невидимая стѣна.

Днемъ итальянцы обучались военному дѣлу въ своихъ казармахъ или на находившемся за городомъ участкѣ земли военнаго вѣдомства. Вечеромъ, получивъ разрѣшеніе на отлучку изъ казармъ, маленькими группами бродили по городу, по бульвару, по набережной шаловливой буйной рѣчонки, шумно болтая и перекликаясь съ товарищами; а потомъ забирались въ маленькіе уютные кабачки и кофейни для простонародья и сидѣли за трехногими металлическими столиками, попивая кислое дешевое винцо и насыщая воздухъ дымомъ дешевыхъ папиросъ.

Однажды, когда два волонтера, Сильвіо Кабрини и Франческо Малагоди сидѣли на улицѣ передъ окнами кафэ «Маршалъ

Ней», у ихъ столика остановился щуплый мальчуганъ, на видъ лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, одѣтый достаточно неряшливо, но бойкій и живой. Онъ долго прислушивался къ непонятному для него разговору на чужомъ языкѣ, а потомъ безъ дальнѣйшихъ церемоній обратился къ Сильвіо Кабрини:

— На какомъ языкѣ вы болтаете, чортъ возьми?

— На итальянскомъ,—спокойно отвѣтилъ Кабрини.—А что? Тебѣ этотъ языкъ нравится?

— Еще чего недоставало?! — съ неудовольствіемъ отозвался мальчуганъ.— Есть чему нравиться!

— Неужели? — удивился Кабрини, влюбленный въ свою родную благозвучную и благородную рѣчь.

— Вашъ языкъ — это просто-напросто исковерканный французскій языкъ,— заявилъ мальчуганъ.

Кабрини оскорбился этимъ отзывомъ. Но сдерживаясь, сказалъ мальчику внушительно:

— Видишь ли, дружокъ... Когда ты подрастешь, то узнаешь, что именно вашъ, французскій языкъ—это исковерканный, передѣланный на свой ладъ, итальянскій языкъ. Вотъ что.

— Дудки!—въ свою очередь оскорбился мальчуганъ.—Ушей у меня нѣтъ, что ли?!

Подумавъ немножко, онъ освѣдомился небрежнымъ тономъ:

— Италія—это въ Африкѣ?

— Немножко выше: въ Европѣ.

— Большой городъ—Италія? Больше нашего? Но, конечно, ужъ во всякомъ случаѣ—меньше Парижа!

Итальянцы переглянулись, а Кабрини сказалъ наставительнымъ тономъ:

— Италія—это не городъ, а цѣлая огромная страна. Чуть поменьше вашей Франціи. Въ ней не одинъ городъ, а полсотни большихъ и среднихъ городовъ, а имѣются и такіе огромные, какъ Миланъ, Неаполь, наконецъ, Римъ.

— Ага, знаю, — обрадовался мальчуганъ. — Римъ — это гдѣ его святѣйшество папа римскій живетъ. Только гнусные узурпаторы, савойцы, схватили бѣдненькаго старичка папу, и бросили его въ тюрьму. И онъ сидитъ въ подземельѣ, спитъ на соломѣ...

— Господи! Откуда у тебя такія свѣдѣнія?

— А что? Развѣ не правда? Мнѣ одинъ старикъ разсказывалъ. Онъ сакристаномъ былъ. И онъ все знаетъ. И онъ мнѣ даже показывалъ три соломинки изъ той подстилки, на которой савойцы держатъ бѣдненькаго римскаго папу. И потомъ... Вспомнилъ! Всѣ папу римскаго называютъ «Ватиканскимъ узникомъ». А узникъ—это тотъ, который въ тюрьмѣ сидитъ...

Внезапно мальчикъ вспыхнулъ:

— Гадко! Скверно!—чуть не закричалъ онъ, сердито топая ногою въ женскомъ башмакѣ.—Стыдитесь, савойцы! Развѣ папа римскій—«бошъ»?

Кабрини попытался объяснить мальчугану, что римскій папа, если и является «ватиканскимъ узникомъ», то исключительно по собственному желанію, что Ватиканъ—не тюрьма, а цѣлая коллекція роскошныхъ храмовъ и великолѣпныхъ дворцовъ, въ которыхъ насчитывается 11.000 отдѣльныхъ покоевъ, что у бѣдненькаго римскаго папы имѣется собственная гвардія, слуги, министры, картинныя галлереи, музеи скульптуры, библіотеки, и, наконецъ, даже собственный автомобиль, на которомъ онъ можетъ разъѣзжать по роскошнымъ ватиканскимъ садамъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, волнуясь, какъ мальчугунъ зажалъ себѣ уши, засвисталъ, повернулся на одной ногѣ, и, пританцовывая улепетнулъ отъ кафэ съ пѣніемъ невѣдомо кѣмъ сложенной новомодной пѣсенки:

— Вильгельмъ, усатый толстый
„бошъ“,
Бредетъ по грязи безъ калошъ.
Куда спѣшишъ?
— Въ Парижъ!
Иду я на обѣдъ...
— Обѣда нѣтъ! Обѣда нѣтъ!

— Вотъ каковы французы,—не безъ горечи замѣтилъ товарищу Кабрини.

— Вздоръ!—отвѣтилъ тотъ.—Развѣ можно о цѣлой націи судить по какому-то уличному мальчишкѣ?

На другой день итальянцы сидѣли въ томъ же кафэ. Они собирались уже уходить, когда вчерашній знакомецъ подошелъ къ ихъ столику, и, явно конфузясь, заговорилъ съ ними совершенно въ иномъ тонѣ.

— Мсье!—сказалъ онъ.—Я вчера нагородилъ глупостей!

— Порядочныхъ!—сухо отвѣтилъ ему Кабрини.

— Но я разспросилъ знающихъ людей, и они мнѣ сказали, что я городилъ чепуху.

— Кто же это тебя просвѣтилъ?—заинтересовался Кабрини.

— Ночной сторожъ Жоржъ. Онъ отставной солдатъ. Онъ въ Тонкинѣ одну ногу потерялъ. Ходитъ на деревяшкѣ. Но, представьте себѣ, когда къ перемѣнѣ погоды,—у него эта потерянная нога ломитъ, какъ живая. Правда, странно?

— Ты только это хотѣлъ намъ сказать?

— Нѣтъ! Я пришелъ... я пришелъ...

Мальчикъ замялся. Потомъ, собравшись съ духомъ, разомъ выпалилъ:

— Я пришелъ извиниться. Да. Попросить прощенія. Кто не правъ, тотъ по совѣсти—скотъ, если онъ не проситъ извиненія. А я не хочу быть скотомъ.

— Правильно! Резонное желаніе!—засмѣялся Кабрини.

— Жоржъ мнѣ разсказывалъ, и я теперь знаю: вы—итальянцы. Вы могли бы спокойно сидѣть дома, потому что Вильгельмъ не хочетъ, чтобы вы вмѣшивались. И онъ даже вамъ обѣщалъ заплатить за невмѣшательство. Не знаю, сколько-то милліоновъ... Но вы—благородная нація, какъ англичане, русскіе и японцы...

— Благодарю за комплиментъ!

— Кушайте на здоровье. Я говорю то, что мнѣ сказалъ Жоржъ. А онъ сказалъ: подожди, малышъ! Итальянцы еще не расшевелились. Они покуда посылаютъ намъ на помощъ только своихъ гарибальдійцевъ. Но это все лихіе молодцы.

— А потомъ?

— Потомъ, онъ говоритъ, и вся ихъ итальянская армія придетъ къ намъ, чтобы помочь намъ хорошенько поколотить проклятыхъ «бошей» и выкинуть ихъ изъ Франціи и Бельгіи.

Лица волонтеровъ стали угрюмы, взоры пасмурны. Одна и та же горькая мысль промелькнула у обоихъ.

Пойдетъ ли Италія, которая своимъ освобожденіемъ отъ австрійцевъ и своимъ объединеніемъ обязана именно старшей сестрѣ, Франціи? Не ограничится ли Италія тѣмъ же, чѣмъ ограничилась сорокъ четыре года назадъ, когда отцы нынѣшнихъ «бошей» громили ее, а отцы нынѣшнихъ итальянцевъ прислали на помощь не всю свою армію, а только корпусъ волонтеровъ подъ командою великаго Гарибальди.

— Такъ что же, мсье!—снова обратился къ нимъ мальчуганъ.—Я у васъ прошу извиненія. Извиняете меня или нѣтъ?

Въ его голосѣ зазвучали гордыя и вмѣстѣ тревожныя нотки.

— Извиняемъ, извиняемъ, малышъ,—улыбаясь, ласково отвѣтилъ Кабрини.—Не будемъ говорить о пустякахъ... Садись съ нами. Чѣмъ угощать тебя? Вина ты, конечно, не пьешь...

— Ого!—запротестовалъ мальчикъ.—Не пью только потому, что не на что пить. Вѣдь у меня въ карманѣ—блоха на арканѣ...

И потомъ конфиденціально, нѣсколько пристыженнымъ тономъ добавилъ:

— Но фруктовая вода—куда вкуснѣе. Особенно,—если малиновая...

По знаку волонтеровъ, лакей принесъ сифонъ сельтерской воды и бутылочку съ яркимъ и густымъ малиновымъ сиропомъ.

— А еще — соломинку, — попросилъ, присаживаясь, мальчуганъ. — Кто же пьетъ сиропъ безъ соломинки? Я вѣдь видѣлъ.

И долго онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, медленно попивая сладкій и шипучій напитокъ черезъ соломинку, пока на днѣ стакана не осталось всего нѣсколько льдинокъ...

Покончивъ съ напиткомъ, мальчуганъ торопливо оглядѣлся вокругъ и, положивъ довѣрчиво грязную лапку на щегольской новешенькій мундиръ Кабрини, вымолвилъ:

— Вашъ батальонъ черезъ недѣлю идетъ въ бой. Я знаю. И я хочу. Я хочу... итти съ вами.

— А я все-таки иду драться съ «бошами»!—крикнулъ мальчуганъ, подбѣгая къ волонтерамъ.

— Куда?—удивился Кабрини.

— На войну съ «бошами».

— Опомнись.

— Почему?—горячо запротестовалъ обиженно мальчуганъ.—Всѣ, рѣшительно всѣ идутъ на войну. Жоржъ говоритъ: «Эхъ, кабы у меня да не отстрѣлили «Черные флаги» въ Тонкинѣ правую ногу,—пошелъ бы и я. Показалъ бы я «бошамъ», какъ къ намъ лѣзть». А у меня, мсье—обѣ ноги цѣлы.

— Малъ ты, голубчикъ.

— Ого! Тринадцать лѣтъ мнѣ. Въ нашемъ кварталѣ одинъ только мясниковъ Робби сильнѣе меня. Такъ ему—пятнадцатый годъ. На два года старше. Большая разница... А только когда мнѣ будетъ пятнадцать, то я такихъ, какъ этотъ увалень Робби—по два на лѣвую руку. Я вотъ какой!

И мальчикъ принялъ весьма воинственную позу, что разсмѣшило волонтеровъ.

— Чему вы смѣетесь?—обидѣлся молодой воинъ.—Вовсе нечего смѣяться. Вы только возьмите меня съ собою, и вы увидите, сколько «бошей» я перебью.

— Чѣмъ?—заинтересовался Кабрини.

Мальчикъ оглядѣлся вокругъ, убѣдился, что поблизости нѣтъ полицейскихъ, и съ таинственною миною показалъ то, что онъ бережно пряталъ на груди за пазухою. Это былъ цѣлый арсеналъ страшнаго оружія.

— Что это такое?—еле сдерживая улыбку,—освѣдомился Кабрини.

— Револьверъ системы Лефоше,—серьезно отвѣтилъ мальчуганъ. — Онъ совсѣмъ новый. Только... только въ немъ барабана нѣтъ, конечно.

— Откуда ты добылъ это безбарабанное сокровище?

— Одинъ мальчикъ мнѣ подарилъ. То-есть, нѣтъ, не подарилъ. Пожертвовалъ, какъ говорится, свое послѣднее достояніе на алтарь отечества... А ему другіе мальчики цѣлыхъ двадцать «наполеоновъ» за этотъ револьверъ давали.

— Какихъ, «наполеоновъ»? Десятифранковиковъ, что ли?

— Нѣтъ! Перышки такія есть. Большое рыжее перо, а на немъ—рельефная фигура Наполеона.

— А еще что изъ оружія у тебя имѣется?

— Казацкая пика. Чтобы нанизывать «бошей», какъ сосиски, — похвалился мальчикъ.

— Покажи.

И онъ показалъ «казацкую пику». Это былъ заржавленный и сильно изогнутый школьный циркуль изъ желѣза и латуни, довольно искусно прикрѣпленный бечевкою къ короткой палкѣ.

— И еще есть,—продолжалъ мальчуганъ, извлекая сокровища изъ-за пазухи и изъ бездонныхъ кармановъ заплатанныхъ штановъ.—Рогатка. Мнѣ ее тоже одинъ мальчикъ пожертвовалъ.

— На что, говоритъ, она мнѣ теперь. Воробьевъ стрѣлять? Возьми, говоритъ, лучше ты, Фернандъ. Меня, мсье, Фернандомъ зовутъ. Фернандъ Гюэ, тринадцати лѣтъ. Сирота.... Такъ вотъ, этотъ мальчикъ сказалъ такъ: Возьми, говоритъ, Фернандъ, мою рогатку. Резинка надорвана въ одномъ мѣстѣ, но она еще продержится. А дроби—у какого-нибудь солдата выпросить можно.

Закончивъ демонстрацію своихъ сокровищъ, Фернандъ опять запряталъ ихъ за пазуху и въ карманы. И тогда дѣловитымъ тономъ освѣдомился:

— Ну, такъ какъ? По рукамъ, что ли, мсье? Берете вы меня съ собою драться съ «бошами».

— Нѣтъ,— отвѣтилъ Кабрини рѣшительно.

— Почему?—насупился мальчуганъ.

— Ты слишкомъ малъ, голубчикъ,—вмѣшался Малагоди ласково.

— Ого!

— Да, ты малъ. Ты будешь безполезенъ на войнѣ.

— Ого!

— Да, да. Не только безполезенъ, — ты окажешься вреднымъ. Ты будешь только мѣшать.

— Ого! Ого! Фьють!

Фернандъ Гюэ вызывающе и даже дерзко засмѣялся.

— Ладно,—вымолвилъ онъ совсѣмъ сухо.—Не хотите, такъ и не надо. Была бы честь предложена, а отъ убытковъ Богъ избавитъ... Сожалѣю объ одномъ...

— О чемъ это?

— О томъ, что... пилъ малиновый сиропъ,—вздохнувъ, чуть слышно вымолвилъ разобиженный Фернандъ. И потомъ, отвѣсивъ низкій поклонъ обоимъ итальянцамъ, сбѣжалъ отъ нихъ.

Съ ближайшаго перекрестка донесся его звонкій голосъ, пѣвшій первыя строфы французскаго національнаго гимна:

Къ оружію, граждане! Васъ родина зоветъ!
Стройтесь въ ряды! Впередъ, впередъ, впередъ...

II.

Съ гарибальдійцами.

Прошло два три дня. Волонтеры, занятые своимъ дѣломъ, то-есть подготовкою къ близкому походу, почти позабыли о Фернандѣ Гюэ. Самое имя его выскользнуло изъ ихъ памяти, и если иной разъ они вспоминали мальчугана, то называли его мѣткою кличкою: «обезьянка».

Но самъ Фернандъ Гюэ не забылъ своихъ пріятелей. Какъ-то разъ, когда итальянцы возвращались съ поля, гдѣ учились рыть траншеи, въ казармы, и шли, до-нельзя усталые, еле волоча ноги,—изъ придорожной канавы вдругъ вынырнуло какое-то человѣческое существо. Это былъ Фернандъ Гюэ или «Обезьянка».

— Да здравствуетъ Италія! — закричалъ онъ волонтерамъ по-итальянски.— Да здравствуетъ благородная и велико-

душная родина Гарибальди! Да здравствуютъ храбрые гарибальдійцы! Ур-ра!

Волонтеры остановились. Мальчуганъ, сверкая глазами, говорилъ имъ, что онъ теперь цѣлые дни, съ утра и до ночи, проводитъ тамъ же, гдѣ и они то-есть на «Марсовомъ полѣ».

— Что же ты дѣлаешь? — освѣдомился Кабрини.

— Учусь драться съ «бошами», — пресерьезно заявилъ мальчуганъ. И потомъ торопливо попросилъ:

— Мсье! Да вы проэкзаменуйте меня. Что вамъ стоитъ? А я вамъ все покажу.

Ради курьеза, они стали отдавать ему различныя приказанія. Мальчуганъ, сіяя отъ радости, быстро и отчетливо исполнялъ всѣ эти приказазанія. Къ своему удивленію, волонтеры должны были признаться, что вся нехитрая солдатская премудрость была постигнута мальчикомъ почти въ совершенствѣ. Онъ шагалъ, какъ заправскій солдатъ, онъ умѣлъ дѣлать «перебѣжку», умѣлъ отлично пользоваться каждымъ естественнымъ прикрытіемъ, и что удивило волонтеровъ еще больше, — при помощи какого-то черпака, повидимому, стащеннаго у штукатуровъ, Фернандъ почти моментально зарывался въ мягкой песчаной почвѣ, изготовляя такъ называемую «индивидуальную траншею».

— Видите! Видите! — восклицалъ онъ выслушивая со стороны волонтеровъ признанія его умѣнья и ловкости.— Ну, что же? Возьмете меня съ собой?

Малагоди засмѣялся одобрительно.

— Послушайте, Кабрини,—сказалъ онъ товарищу по-итальянски.—Отчего вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ сурово относитесь къ парнишкѣ? Давайте возьмемъ его съ собою.

— Ни за что!—отрѣзалъ Кабрини.— Слишкомъ большой грѣхъ на душу брать — тащить ребенка туда, гдѣ идетъ свирѣпая бойня.

— Ахъ, Мадонна! Да вѣдь все равно, онъ къ кому-нибудь да прицѣпится. Вы его не остановите.

— Да, я его не остановлю. Но пусть онъ прицѣпляется къ другимъ, а не къ намъ. Отвѣтственность будетъ на другихъ, а не на насъ.

— Наконецъ, мы могли бы взять его съ собою не на поле битвы,—предложилъ Малагоди,—а лишь проѣхаться по Франціи.

— Зачѣмъ? Для чего?

— Да просто прокормить его. Вы— писатель. Вы должны были бы отличаться наблюдательностью. Гдѣ она, эта ваша писательская наблюдательность. Мальчишка страдаетъ отъ хроническаго голоданія. Я удивляюсь только одному: какъ въ его тѣлѣ душонка держится. Держу пари, онъ и одного раза въ недѣлю до сыта не наѣдается. А у насъ въ казармахъ пропасть хлѣба остается. Мы могли бы, по крайней мѣрѣ, подкормить его.

Кабрини заколебался. Но потомъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Нѣтъ! За то, что вы обратили мое вниманіе на его истощенное состояніе, я вамъ благодаренъ, другъ Франческо. Этотъ вопросъ можно до извѣстной степени разрѣшить. Я разыщу пріятеля нашей «Обезьянки» — того самаго ночного сторожа Жоржа, у котораго при перемѣнѣ погоды болитъ деревянная нога, и... и посмотрю, что можно сдѣлать. Но брать мальчика на войну—нѣтъ. Для шутки, для забавы— это не идетъ. Съ войною не шутятъ... А отнестись серьезно къ его желанію подстрѣливать нѣмцевъ дробью изъ рогатки и подкалывать ихъ «казацкою пикою» изъ стараго циркуля—никакъ нельзя. Бросьте, Малагоди.

Мальчуганъ внимательно прислушивался къ рѣчи Кабрини.

Но если далеко не всѣ слова были ему понятны, то совершенно понятными были тонъ и манера.

— А, чтобы васъ всѣхъ дьяволъ забралъ!—со слезами въ голосѣ воскликнулъ онъ. И, даже не попрощавшись, кинулся бѣжать. Забился въ канаву или кусты. Не отозвался даже тогда, когда Малагоди кричалъ, зовя его и обѣщая дать ему франкъ на конфеты.

III.

„Обезьянка“—стрѣлокъ.

Дня черезъ три отрядъ уже обученныхъ и дисциплинированныхъ итальянскихъ волонтеровъ получилъ, въ самомъ дѣ-

лѣ, давно жданный приказъ покинуть казармы и отправиться на сѣверный театръ военныхъ дѣйствій. Волонтеровъ было такъ мало, что они не могли составить самостоятельную единицу, и потому всѣ были зачислены въ сто сорокъ первый линейный пѣхотный полкъ.

Полкъ этотъ не сразу попалъ въ бой: и недѣлю, и двѣ его то везли, то останавливали, то заставляли расположиться лагеремъ, то дѣлать порядочные переходы. Генералъ Жоффръ изъ живыхъ тѣлъ строилъ грандіозную стѣну отъ Вогезовъ и до Ламанша, загораживая этою стѣною родную землю отъ упрямо двигавшагося на Парижъ врага.

Однажды полкъ пришелъ на стоянку, гдѣ находился уже другой пѣхотный полкъ. И вотъ, когда усталые солдаты располагались на отдыхъ прямо на травѣ, въ ожиданіи, пока полковые кашевары принесутъ обѣдъ, къ сидѣвшимъ въ тѣни дерева итальянскимъ волонтерамъ подлетѣло странное существо.

— Мсье!—кричало это существо.— Ур-ра! Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Франція, и прочіе которые!...

Это былъ Фернандъ Гюэ. Но, Боже, въ какомъ костюмѣ!..

На его коротко остриженной головенкѣ красовалась затасканная красная зуавская кепка, тощій станъ облекала черная узкая фуфайка съ большими бѣлыми буквами «П. А. 14 д.», а на ногахъ красовались широчайшіе собранные въ сто складокъ по поясу красные штаны какого-то сердобольнаго пѣхотинца.

— А я таки иду драться съ «бошами»!— захлебываясь отъ восторга, сообщалъ старымъ знакомымъ бойкій мальчуганъ.— Что, взяли, мсье? Вы оставили старому одноногому дурню Жоржу триста франковъ, чтобы онъ помѣстилъ меня въ коммунальную школу, а я...

Мальчикъ запнулся, покраснѣлъ, потомъ вымолвилъ:

— Ну, что же. Вѣдь, вы для меня оставили эти деньги. Значитъ, онѣ были мои. Значитъ, я имѣлъ право взять ихъ.

И, заторопившись, добавилъ:

— Но я по совѣсти только пятьдесятъ франковъ взялъ. Ей Богу, только пятьдесятъ. Спросите у самого Жоржа... И мнѣ эти деньги были такъ нужны, такъ нужны...

Кабрини, который, уходя въ походъ, въ самомъ дѣлѣ, тайкомъ отъ товарища оставилъ ночному сторожу Жоржу триста франковъ на обученіе «Обезьянки», освѣдомился, на что понадобились Фернандо деньги.

— Я хотѣлъ...

Мальчикъ неудержимо весело расхохотался.

— Я хотѣлъ купить... пушку,—выпалилъ онъ.— Знаете, ту старую испанскую пушку, которая стояла передъ офицерскимъ казино. Знаете, я вѣдь не одинъ. Насъ, добровольцевъ, была цѣлая компанія. Была даже одна дѣвочка. Ее зовутъ Мари. Она такая ученая. Даже по-нѣмецки говоритъ. Такъ и жаритъ, такъ и жаритъ. Какъ пулеметъ... Ну, она должна была сдѣлаться нашей маркитанткою и сестрою милосердія. Перевязывать наши раны, и все такое.

— Постой!—перебилъ его болтовню Кабрини.—О Мари послѣ. Сначала разскажи о пушкѣ.

— Да нечего разсказывать, — конфузливо махнувъ рукою, заявилъ мальчикъ.—Это все мясниковъ Робертъ виноватъ. Большая дылда, но безмозглая тварь... Я ему говорилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. А онъ упрямъ—какъ оселъ...

— Мы, говоритъ, поставимъ пушку на легкій передокъ отъ телѣжки молочника. И будемъ стрѣлять въ «бошей», какъ въ воробьевъ. Но изъ этого ничего не вышло. Альфонсъ — чистѣйшая каналья.

— Это кто же?

— Лакей изъ казино. Знаете, тотъ, рыжій, рябой! Онъ выклянчилъ у меня десять франковъ, обѣщая переговорить съ комендантомъ насчетъ пушки, а потомъ—удралъ, и былъ таковъ... Но это все равно: теперь я понимаю, что та старая пушка ни къ чорту не годится. Я вѣдь теперь кое-что смыслю: самъ въ артиллеріи былъ. Видите.

И онъ показалъ свою черную фуфайку, сквозь ткань которой просвѣчивали его выпятившіяся отъ худобы ребра и лопатки.

— На курткѣ даже написано: «П. А. 14 д.» Это означаетъ: «Полевая артиллерія, четырнадцатая дивизія».

— Но теперь я въ пѣхотѣ. Какъ и вы, мсье. Дай руку мнѣ, товарищъ, и вмѣстѣ, бѣгомъ, въ бой...

— Постой, эксъ-артиллеристъ! Разсказывай по порядку,—вмѣшался Малагоди.—Во-первыхъ, ты сказалъ, что у васъ была цѣлая компанія. Ну, и что же. И другіе вмѣстѣ съ тобою здѣсь?

— Куда тамъ!—презрительно махнулъ рукою мальчикъ.—Больше дрянь. Струсили, подлецы. Особенно эта каналья, Робертъ мясниковъ. Наканунѣ выступленія въ походъ—«У меня, говоритъ, сотрясеніе мозга. Я, говоритъ, шагу ступнуть не могу: голова такъ и кружится, такъ и кружится...» Ну, а Изидора отецъ высѣкъ, и штаны съ него снялъ.

— Это зачѣмъ?—удивился Малагоди.

— А какъ же? Очень просто: куда же онъ, Изидоръ, безъ штановъ пойдетъ? Опять же, отецъ его такъ здорово нахлесталъ, что онъ, бѣдняга, сидѣть не можетъ. А вѣдь въ траншеяхъ надо «отсиживаться». Впрочемъ, я не жалѣю: Изидоръ — совсѣмъ цыпленокъ. Все равно, на первомъ этапѣ отсталъ бы. А, вотъ, Мари — ту мнѣ жалко. Славная дѣвчонка. И вовсе не трусиха, какъ всѣ дѣвчонки. Право. Мы ей даже испытаніе огнемъ и водой дѣлали.

— Какъ это?

— А такъ. Возьмемъ ведро воды, и ей изъ-за угла — прямо въ лицо. Если закричитъ, значитъ, — трусиха и намъ не товарищъ. Но она молодецъ. И глазомъ не моргнетъ, когда ее обольешь.

— Такъ! Это, значитъ, испытаніе водою. А огнемъ какъ.

— А такъ. Только это она ужъ сама придумала: возьметъ горящую спичку, потушитъ, а тлѣющимъ концомъ приложитъ къ рукѣ. Вѣдь это же очень больно. Правда же. Но она и не поморщится. Вообще молодецъ. Мы ей даже за спину живую лягушку клали. Ничего. Она совсѣмъ лягушекъ не боится. Но передъ выступленіемъ въ походъ внезапно пріѣхала ея тетка и увезла Мари въ свое имѣнье. Это тамъ, возлѣ Тулузы.

— Такъ. Значитъ, весь планъ кампаніи погибъ, и изъ всѣхъ волонтеровъ ты остался одинъ.

— Зачѣмъ одинъ? — удивился мальчикъ.—Мы вдвоемъ. Я и Жозефъ.

— Это кто же?

— Вы его не знаете. Это кузнецовъ подмастерье. Онъ страсть сильный. Только безпамятный, все рѣшительно, все забываетъ. Хотите, я вамъ его представлю. Эй, Жозефъ! Иди сюда! Это знакомые, представляйся!

Жозефъ, высокій и мускулистый мальчикъ лѣтъ пятнадцати, одѣтый въ костюмъ ремесленника, робко подошелъ, вытянулся передъ волонтерами, и взялъ подъ козырекъ. У него было добродушное веснушчатое лицо съ нѣсколько соннымъ тупымъ выраженіемъ.

Бойкій Фернандъ дергалъ его изъ стороны въ сторону и ворчалъ тономъ стараго капрала, распекающаго новичка рекрута:

— Боже мой, что за пентюхъ. Убери животъ. Гляди веселѣе. Руки по швамъ, когда говоришь со старшими.

И потомъ, обратившись къ волонтерамъ, пояснилъ:

— Это мы такъ условились: я старшій, онъ подчиненный. Потому что хоть онъ и старше меня годами, но безъ меня пропадетъ ни за понюшку табаку. Правду я говорю, Жозефъ. Да развяжи языкъ...

— Что же вы теперь дѣлаете, ребята?—освѣдомился Кабрини.

— Какъ, что?—удивился Фернандъ.—Служимъ въ семьдесятъ второмъ стрѣлковомъ. Покуда въ нестроевой ротѣ. Знаете, тамъ всегда работы много. Посуду мыть, ножи чистить, печи топить, на посылкахъ. Но это только покуда. Знаете, между нами будь сказано, скучная штука ножи чистить! Правда! Вамъ не приходилось?

Кабрини невольно улыбнулся, вспомнивъ покинутую ради идеи родину, старинное «палаццо» въ Римѣ, виллу въ Порто-д-Анціо съ княжескими гербами на стѣнахъ, съ драгоцѣнными коллекціями античныхъ картинъ и скульптуръ

рода князей Кабрини ди Монтэ-Вердэ...

— Нѣтъ, ножей чистить мнѣ не приходилось,—вымолвилъ онъ.

— Глупое занятіе!—фыркнулъ мальчикъ.—Но это мы съ Жозефомъ дѣлаемъ только покуда. Когда полку придется драться, мы улепетнемъ изъ полковой кухни. Правда, Жозефъ?

Подмастерье кузнеца молча кивнулъ головою и переступилъ съ ноги на ногу.

— А что?—заинтересовался Малагоди, твой арсеналъ, обезья́нка, при тебѣ?

— Какой это мой арсеналъ?—удивился мальчикъ.

— Ну, револьверъ безъ барабана, циркуль, рогатка...

— Ха-ха-ха! — весело расхохотался Фернандъ.—Да вы меня, въ самомъ дѣлѣ, за дурака считаете. Ха-ха-ха! Я давнымъ-давно всю дрянь выбросилъ... Я теперь отлично понимаю, что драться съ «бошами» надо настоящимъ оружіемъ. Мы съ Жозефомъ уже выработали планъ, какъ имъ обзавестись: когда полкъ будетъ въ бою, мы будемъ смотрѣть, кто изъ солдатъ выбываетъ изъ строя. Сейчасъ бѣгомъ туда, и... разъ, разъ... На что убитому солдату его ружье или его штыкъ? А намъ съ Жозефомъ пожива. Такъ я говорю, Жозефъ?

Веснушчатый Жозефъ заулыбался и утвердительно закивалъ головою.

— Однако,—сообразилъ Фернандъ,—пора и честь знать. Кашевары, поди, уже бѣсятся, что насъ съ Жозефомъ на мѣстѣ нѣтъ. Прощайте, мсье. Но, надѣюсь, мы еще встрѣтимся.

Мальчики замаршировали въ сторону, но потомъ Фернандъ, что-то вспомнивъ, прибѣжалъ обратно къ дереву, въ тѣни котораго сидѣли наши знакомцы.

— Мсье! — сказалъ онъ, обращаясь къ Кабрини.—Вы не сердитесь, что я у Жоржа вытащилъ пятьдесятъ франковъ. Ей Богу, иначе никакъ устроиться было нельзя. И я, ей Богу, если «боши» только меня не ухлопаютъ, отработаю и отдамъ вамъ. Хотите, я часть долга могу и сейчасъ заплатить?

— Перьями съ фигурою Наполеона?— засмѣялся Малагоди.

— Фьють,—присвистнулъ мальчикъ.— Вовсе нѣтъ! Одинъ капитанъ намъ съ Жозефомъ по пяти франковъ на брата третьяго дня подарилъ. Мы съ Жозефомъ его обороненный съ повозки чемоданъ нашли и пять километровъ на своихъ плечахъ тащили. Такъ, вотъ... Только изъ десяти франковъ мы франка три истратили уже. Два франка оставимъ. Пять можемъ вамъ въ счетъ долга отдать...

Мальчикъ полѣзъ было въ карманъ, но Кабрини махнулъ рукою.

— Ладно!—сказалъ онъ.—Деньги отдать всегда успѣешь. Ты только себя побереги. Понимаешь?

Мальчикъ лихо откозырялъ и побѣжалъ догонять ушедшаго товарища.

IV.

«Обезьянка» — кавалеристъ и механикъ.

Дня три спустя волонтеры, расположившіеся на постой въ одномъ маленькомъ городкѣ, покинутомъ испуганными обитателями, снова встрѣтили «Обезьянку» и его вѣрнаго спутника. На этотъ разъ мальчуганы не шли пѣшкомъ, а ѣхали. Да, ѣхали.

Въ ихъ распоряженіи оказалась брошенная ушедшими жителями слѣпая и кроткая бѣлая кляча. Мальчуганы овладѣли покорною и послушною лошадью и изображали изъ себя кавалеристовъ. Мало того, они везли съ собою на той же клячѣ препорядочный вьюкъ.

— Это что же такое?—освѣдомился Кабрини, когда «Обезьянка», ловко соскочивъ съ лошади, усѣлся рядомъ съ нимъ.

— Моя идея!—съ гордостью вымолвилъ мальчикъ. — Мы съ Жозефомъ маркитантами сдѣлались. Не вѣрите? Ей Богу? Такъ я говорю, Жозефъ?

— Разскажи подробнѣе!—предложилъ Малагоди.

— Да нечего разсказывать!

На самомъ дѣлѣ разсказывать мальчикамъ было что̀...

Когда имъ окончательно надоѣло мыть тарелки и чистить ножи на кухнѣ стрѣлковаго полка, они, по выраженію Фернанда, «улепетнули» и присоединились къ проходившему эскадрону драгунъ. Солдаты эскадрона, совершая безпрерыв-

ныя передвиженія, были лишены возможности пополнять свои припасы. Мальчики взялись, имѣя возможность безпрепятственно отлучаться, за фуражировку: разъѣзжали по окрестностямъ, покупали и привозили для солдатъ, а потомъ и для офицеровъ, сигары, папиросы, табакъ, мыло, конверты, бумагу, нитки, иголки и прочее.

Фернандъ съ гордостью заявилъ:

— Торговля идетъ отлично! Но мы съ Жозефомъ порѣшили: подлецъ тотъ, кто съ солдатъ шкуру деретъ. Такъ я говорю, Жозефъ? Ну, и мы рѣшили брать съ солдатъ только комиссіонныя. Съ рядовыхъ десять процентовъ, а съ офицеровъ двадцать. Ни копейки больше.

— Вы съ Жозефомъ скоро милліонерами станете,—засмѣялся Малагоди.

— Нѣтъ, куда тамъ?!. — серьезно отвѣтилъ мальчикъ. Во-первыхъ, мы часть заработка откладываемъ на раненыхъ. Во-вторыхъ, попадаются солдаты, у которыхъ ни гроша въ карманѣ, а бѣднягѣ курить страсть какъ хочется. Развѣ можно не дать ему пачку табачку хоть и даромъ? Но все же у насъ съ Жозефомъ скоро тридцать пять франковъ будетъ.

— Нравится тебѣ въ кавалеріи?—шутливо освѣдомился Малагоди.

— Такъ себѣ!—отвѣтилъ серьезно Фернандъ.—Жозефу нравится! А мнѣ не очень!

— Почему?

— Такъ!—уклончиво отвѣтилъ «Обезьянка». И потомъ добавилъ:—А Изидоръ, тотъ и совсѣмъ не могъ быть кавалеристомъ.

— Какой Изидоръ?

— Ну, тотъ, котораго отецъ выдралъ за дружбу съ нами. На лошади крѣпко сидѣть надо...

Повидимому, «Обезьянка» такъ и не приспособился къ верховой ѣздѣ, хотя поркѣ не подвергался: онъ перекочевалъ въ другую часть французской арміи. Объ этомъ волонтеры узнали при слѣдующей случайной встрѣчѣ.

Въ тотъ день ихъ полкъ стоялъ уже недалеко отъ боевой линіи, до ихъ слуха явственно доносились звуки пушечныхъ выстрѣловъ на разстояніи какихъ-нибудь тридцати километровъ. Съ минуты на минуту полкъ ожидалъ приказа выступить на передовыя позиціи, но приказъ не приходилъ. И вотъ Кабрини увидѣлъ озабоченно сновавшаго по улицѣ поселка мальчугана, напоминавшаго трубочиста, и несшаго въ одной рукѣ пустую жестянку, въ другой ворохъ разноцвѣтныхъ тряпокъ. Это былъ все тотъ же «Обезьянка», Фернандъ Гюэ.

— Фернандъ!—окликнулъ его Кабрини.—Поди сюда. Что ты тутъ дѣлаешь?

Мальчикъ подбѣжалъ, радостно улыбаясь.

— Ищу касторки,—сказалъ онъ.

— На что? Животъ, что ли, болитъ,—удивился волонтеръ.

— Вотъ еще,—весело фыркнулъ «Обезьянка». — Развѣ я маленькій, что ли? Нѣтъ! Для нашего аэроплана нужно!

— Что? Что такое?—чуть не подпрыгнулъ на мѣстѣ итальянецъ. —У васъ съ Жозефомъ собственный аэропланъ завелся?

— Со временемъ будетъ,—важно отвѣтилъ мальчуганъ. — Но я говорю объ аэропланѣ военнаго летчика, лейтенанта Арно.

— А ты при чемъ?

— Вотъ-те на! А я при лейтенантѣ младшимъ помощникомъ механика! Помогаю моторъ чистить. И.. и сапоги,—чистосердечно признался онъ. — На побѣгушкахъ служу... Лейтенантъ — добрый.

— А твоя служба въ кавалеріи? А торговля сигарами?

— Древняя исторія!—небрежно махнувъ рукою, отвѣтилъ мальчуганъ.—Сытъ по горло. Мы съ Жозефомъ такъ рѣшили: развѣ мы торгаши, что ли? Всякою дрянью мы и у себя могли бы торговать...

— Такъ! А съ вашимъ капиталомъ какъ.

— Очень просто: оставили себѣ по десяти франковъ, на все остальное—тамъ было уже больше пятидесяти въ общемъ счетѣ,—накупили самыхъ необходимыхъ для солдатъ вещей, и... И роздали солдатамъ даромъ. Они солдаты, голыши... Правда.

Кабрини, взволнованный до глубины души, положилъ руку на голову «Обезьянки» и вымолвилъ:

— Мальчикъ! У тебя душа есть!

— Извѣстно есть! — согласился Фернандъ. —Какъ же я ходилъ бы и ѣлъ, если бы у меня души не было? Хорошее дѣло.

— Слушай! — продолжалъ Кабрини. —Если ты хочешь,—я дамъ тебѣ денегъ. Ты отправишься отсюда въ ту сторону, гдѣ не льется кровь. Тебя примутъ въ школу. Въ хорошую школу. Ты будешь до конца курса учиться, станешь человѣкомъ...

— Фьють!—засвисталъ неодобрительно Фернандъ.—Дудки! Куда это вы меня засадить хотите, куда загнать собираетесь?

— Не загнать, а отправить въ Италію, на мою родину. У меня тамъ есть старшій братъ. Онъ позоботится о тебѣ.

— Дудки! — нетерпѣливо передернулся упрямый мальчуганъ.—Какая тамъ у чорта школа теперь, когда драться съ «бошами» надо. Вонъ они, черти, какъ напираютъ. Я развѣ не понимаю. Раньше отъ нихъ пусть пухъ и перья полетятъ, а потомъ... Потомъ, если вы не раздумаете, отчего нѣтъ? Въ Италію, такъ въ Италію. Въ школу. Гмъ. А тамъ драть не будутъ?

— Нѣтъ! У насъ въ школахъ никого не бьютъ. Да и у васъ, кажется, тоже. Это у «бошей» бьютъ...

Мальчикъ подхватилъ пустую жестянку и дѣловито вымолвилъ:

— Заболтался я съ вами. А мой лейтенантъ, поди, рветъ и мечетъ. Ему летѣть, а смазки нѣту. Прощайте, мсье.

V.

Борьба за рощу.

Полку, въ которомъ служили итальянскіе волонтеры, пришлось участвовать въ бою. Съ утра нѣмцы сильно насѣдали. Французы дрались львами, съ яростью отстаивая каждую пядь родной земли.

Около полудня полкъ, въ которомъ служили итальянцы, получилъ приказаніе выбить непріятеля, занявшаго густой лѣсокъ, раскинувшійся на берегахъ веселой рѣчонки со свѣтлыми водами.

Когда полкъ тронулся съ мѣста, рядомъ съ Кабрини очутился мальчуганъ.

— Всего хорошаго!—кричалъ онъ.— Насыпьте «бошамъ» по первое число. Эхъ, пошелъ бы и я съ вами, да... Да дисциплина не позволяетъ.

— Какъ такъ?—удивился Кабрини.

— Да я не въ вашемъ, а въ другомъ полку. Моего лейтенанта «боши» подкузьмили: шрапнелью его аэропланъ подбили, его самого въ плечо ранили. Ну, а мнѣ что же оставалось дѣлать, разъ отъ нашего аэроплана одни обломки остались...

Мальчику не удалось докончить. Какой-то рослый капралъ оттолкнулъ его въ сторону. Издали до Кабрини донесся еще пронзительный крикъ:

— Держитесь, итальянцы. Да здравствуетъ Италія...

Нѣмцы, занявъ лѣсокъ, моментально окопались въ немъ, но не успѣли обратить траншеи въ подземную крѣпость, какъ полкъ накатился на лѣсокъ лавиною, и вышибъ непріятеля. Кабрини и Малагоди въ пылу атаки держались вмѣстѣ, но потомъ Малагоди, споткнувшись, упалъ.

Дрались жестоко. Гремѣли выстрѣлы, слышались яростные крики сражавшихся. Какой-то рослый нѣмецъ едва не размозжилъ голову Кабрини ударомъ тяжелаго ружейнаго приклада, но бѣжавшій рядомъ съ итальянцемъ низенькій и казавшійся щуплымъ французскій пѣхотинецъ съ нечеловѣческимъ воплемъ прянулъ на нѣмца и всадилъ ему въ грудь штыкъ. Стиснувъ зубы, Кабрини то стрѣлялъ, то работалъ штыкомъ. Наступалъ и отступалъ, ложился на траву, вскакивалъ, перебѣгалъ отъ одного дерева къ другому. Нѣмцы не выдержали бурнаго натиска французовъ и очистили лѣсокъ. Но едва французы изъ чащи выбрались на опушку, гоня разбитаго врага, какъ оттуда со стороны на нихъ посыпался свинцовый градъ.

Кабрини почувствовалъ, какъ будто кто-то толкнулъ его въ лѣвый бокъ. Въ глазахъ помутилось. Ружье выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ. Ноги разъѣхались.

«Что это? — подумалъ онъ. — Что со мною?»

И упалъ. Упалъ, даже не сознавая, что онъ раненъ въ бокъ на-вылетъ. А кру-

— Мсье! — услышалъ Кабрини лежавшій въ полузабытьи.

гомъ падали другіе, и нѣмцы бѣжали, но не изъ лѣсу, а къ лѣсу, въ свою очередь, выбивая французовъ.

Отъ времени до времени Кабрини приходилъ въ сознаніе, и тогда видѣлъ перипетіи жестокаго боя изъ-за обладанія лѣсомъ. То свои, то враги проходили по этой мѣстности. Но въ пылу боя никто не обращалъ вниманія на раненыхъ, и некому было подбирать ихъ. Разъ только показались французскіе санитары, но на нихъ брызнула нѣмецкая шрапнель, и санитары ушли въ глубь лѣса. А Кабрини лежалъ на опушкѣ.

Его слабость была такъ велика, что онъ, имѣя съ собою такъ называемый индивидуальный пакетъ, оказался не въ силахъ промыть и перевязать нестерпимо болѣвшую рану. А рядомъ съ нимъ корчился, умирая, толстый нѣмецкій офицеръ. И здѣсь и тамъ валялись тѣла мертвыхъ и раненыхъ людей, и здѣсь и тамъ слышались жалобные стоны.

Кабрини лежалъ и думалъ, что все кончено: французы отступили. Если и придутъ нѣмцы, то они съ ранеными не поцеремонятся...

Въ лучшемъ случаѣ возьмутъ въ плѣнъ, будутъ обращаться, какъ съ собакою, отправятъ въ Германію, и тамъ

будутъ до конца держать въ тюрьмѣ, моря голодомъ, издѣваясь...

Онъ лежалъ, и думалъ о своей прекрасной родинѣ, о своемъ родовомъ старинномъ палаццо въ Римѣ, о лазурномъ морскомъ берегѣ...

Когда бой закончился и остатки полка были отведены на укрѣпленную позицію, отдѣлавшійся пустою царапиною въ руку волонтеръ Малагоди, мрачный и угрюмый, сидѣлъ у разведеннаго солдатами костра.

— Мсье! — услышалъ онъ звонкій дѣтскій голосъ, въ которомъ сквозили нотки испуга и тревоги.—Мсье!

— Что тебѣ? — нехотя откликнулся итальянецъ, отрываясь отъ своихъ мрачныхъ думъ.

— Гдѣ вашъ товарищъ?

Это освѣдомлялся Фернандъ Гюэ, «Обезьянка».

— Какой товарищъ, «Обезьянка»? Князь Кабрини, что ли?

— Развѣ онъ князь? — несказанно удивился мальчикъ. —Господи! Князь, богачъ, и пошелъ въ солдаты... Но гдѣ онъ?

Малагоди угрюмо пожалъ плечами.

— Тамъ! — чуть слышно вымолвилъ онъ.—Въ этомъ аду.

— «Боши» его убили?—продолжалъ допытываться мальчикъ.

— Не знаю. Можетъ-быть, взяли въ плѣнъ. Можетъ-быть, убили... Кажется, убили. Одинъ солдатъ видѣлъ, какъ онъ упалъ.

— А можетъ-быть, онъ только раненъ? Вѣдь и раненыхъ не успѣли вынести оттуда,—прижимая кулаки къ груди, твердилъ мальчикъ.—Вѣдь легко можетъ статься, мсье, что вашего бѣднаго товарища только ранили.

— Я ничего не знаю,—раздраженно отвѣтилъ Малагоди.

— Но... но какъ же это такъ?—волновался мальчикъ. — Вѣдь, можетъ-быть,—онъ тамъ лежитъ, раненый... И некому помочь ему.

Малагоди сидѣлъ, потупившись.

За всѣ сокровища міра онъ не хотѣлъ бы вернуться туда, гдѣ шелъ бой. Да если бы и захотѣлъ, это было бы совершенно безполезно: нѣмцы, отступивъ отъ лѣса, успѣли подвезти артиллерію, и теперь ихъ пушки безъ перерыва засыпали весь лѣсокъ снарядами, чтобы не дать французамъ занять лѣсокъ и укрѣпиться въ немъ. Итти теперь туда значило итти на вѣрную, и главное безполезную гибель...

— Можетъ-быть, — вымолвилъ Малагоди,—ночью можно будетъ...

— Что значитъ ночью?—возмутился мальчикъ.—Если вашъ пріятель только раненъ, то до ночи онъ сто разъ помереть можетъ...

Малагоди не отвѣчалъ. Тогда мальчикъ зашнырялъ среди отдыхавшихъ солдатъ, разспрашивая ихъ объ участи князя Кабрини.

VI.

„Обезьянка“—санитаръ.

Въ сумеркахъ полкъ былъ еще дальше отодвинутъ отъ роковаго лѣса.

— Мсье!—услышалъ чей - то голосъ лежавшій въ полузабытьѣ Кабрини.— Мсье! Наконецъ-то мы съ Жозефомъ нашли васъ. Господи, какъ вы блѣдны, мсье!

Кабрини открылъ глаза, и чуть не ахнулъ отъ удивленія: рядомъ съ нимъ на корточкахъ, спиною къ осыпавшему покинутый лѣсокъ гранатами непріятелю, сидѣлъ его старый знакомый, Фернандъ Гюэ, нѣсколько поодаль держался молчаливый веснушчатый Жозефъ.

— Мсье! Скажите, васъ сильно ранило?—допытывался «Обезьянка».

— Н-не знаю! — устало вымолвилъ Кабрини.—Крови потерялъ много.

— Это ничего не значитъ,—поторопился утѣшить его Фернандъ.—Меня проклятая скотина, мясниковъ Робертъ, одинъ разъ такъ хлопнулъ по носу, что у меня цѣлый часъ кровь, какъ изъ барана, хлестала. Мари, она ужасно ученая, знаете, совѣтовала въ носъ шарикъ изъ хлѣба съ закатанною въ немъ паутиною запихнуть. Но паутину-то гдѣ ее сразу найдешь? Но Мари догадалась: достала большой ключъ отъ воротъ сарая, и на красной ниточкѣ спустила мнѣ за спину. Главное, чтобы на красной ниточкѣ. Зачѣмъ, не понимаю. Какъ будто на спинѣ глаза есть и могутъ видѣть, какого цвѣта ниточка... Во всякомъ

случаѣ, это, говорятъ очень хорошее средство... Эхъ, ключа я съ собою взять не догадался... Ну, да ладно: главное дѣло, мы съ Жозефомъ нашли васъ. Остальное устроится. Что «боши» вамъ шкуру попортили, это вѣдь ничего. Все равно вѣдь, не на барабанъ вы свою шкуру готовите. Правда. Ну, вотъ... Оттащимъ васъ въ лазаретъ, тамъ доктора дырку какою-нибудь пробкою заткнутъ, смажутъ, и какъ рукою сниметъ.

Кабрини въ изнеможеніи закрылъ глаза. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но языкъ не повиновался ему. И потомъ онъ опять потерялъ сознаніе.

Иногда это сознаніе возвращалось къ раненому, но не надолго. И было такимъ слабымъ, смутнымъ... Ему казалось, что онъ грезитъ.

Что это? Какимъ образомъ онъ ухитрился очутиться на морѣ? Маленькая лодочка. И ее нестерпимо качаетъ и встряхиваетъ...

— Осторожнѣе, дубина,—какъ будто издали доносится знакомый голосъ, — голосъ «Обезьянки».—Ослѣпъ ты, дубовая башка, что ли...

— Темно. На корень наткнулся, — оправдывается другой голосъ,—уже совсѣмъ незнакомый.

— Я тебѣ дамъ корень.

По временамъ странное колыханье лодки, въ которой плылъ Кабрини, прекращалось. И тогда онъ слышалъ смутно тѣ же голоса:

— Здорово усталъ, Жозефъ?—допытывался первый голосъ.

— Упарился!—отвѣчалъ второй.

— Ладно! Это не мѣха раздувать въ твоей кузницѣ. И я упарился... Главная причина—далеко очень. Но мы съ тобою, Жозефъ, дотащимъ его. Правда, дотащимъ?

— Если насъ не ухлопаютъ нѣмцы.

— Не ухлопаютъ — увѣренно отвѣчалъ Фернандъ.—Вотъ, его не ухлопали же. Такъ, попортили только. Эхъ, жаль, Мари нѣту: она бы придумала что-нибудь, чтобы онъ не страдалъ такъ. Ловкая дѣвочка эта Мари. Я бы не прочь жениться на ней. Она этого стоитъ... Или, знаешь что, Жозефъ? Ну ихъ къ дьяволу, бабъ! Хоть Мари и славный парень, а, все же, баба... Знаешь, что я придумалъ? Мы дотащимъ его до лазарета. Потомъ... потомъ, вдругъ — въ лазаретѣ — сестра милосердія. Смотримъ, — а это наша Мари. Такая строгая...

Ну, и она говоритъ:

— Оставьте этого несчастнаго на мое попеченіе. Я сейчасъ промою ему синяки арникою, приложу хлѣбнаго мякиша съ паутиною, и онъ скоро поправится. Ну, и мы оставляемъ его въ томъ лазаретѣ, гдѣ наша Мари сестрою милосердія. Она ухаживаетъ за нимъ, она прикладываетъ ему къ синякамъ компрессы, къ ранѣ—паутину.

Потомъ тотъ же голосъ, но уже дѣловитымъ тономъ, говоритъ:

— Потащимъ, что ли, Жозефъ.

И опять—бредящій Кабрини плыветъ по морю, и лодочка пляшетъ по волнамъ.

Около полуночи передовые пикеты отступившихъ французскихъ войскъ заслышали звукъ тяжелыхъ шаговъ. На крикъ—«кто идетъ»—отозвался измученный, но все же звонкій голосъ:

— Свои. Санитары. Раненаго тащимъ...

Санитарами оказались — Фернандъ Гюэ и Жозефъ. Побывавъ послѣдовательно въ артиллеріи, пѣхотѣ, земной и воздушной кавалеріи, они теперь исполняли функціи санитаровъ: несли изъ засыпаннаго нѣмецкими снарядами лѣска тяжело раненаго итальянскаго волонтера.

VII.

Конецъ «Обезьянки».

Кабрини выздоровѣлъ. Но рана его была такова, что для полнаго выздоровленія требовались многіе и многіе мѣсяцы. По ходатайству итальянскаго посланника въ Парижѣ, молодому волонтеру разрѣшено было, внѣ правилъ, на время лѣченія отправиться изъ Франціи въ Италію, на родину.

Пока въ его обезкровленномъ тѣлѣ жизнь боролась со смертью, Кабрини не могъ ничего предпринять по отношенію къ спасшимъ его съ рискомъ для собственной жизни подросткамъ. Но едва онъ оправился настолько, что могъ говорить, — онъ засыпалъ оставшагося во

Франціи и уже произведеннаго въ капралы Франческо Малагоди просьбами, требуя отъ него, чтобы онъ во что бы то ни стало разыскалъ и «Обезьянку», и молчаливаго Жозефа, уговорилъ ихъ бросить свои кочеванія изъ одной части арміи въ другую, снабдилъ бы ихъ деньгами и отправилъ бы въ Италію, въ Римъ.

«Они спасли мнѣ жизнь, эти ребята, — писалъ молодой князь и я въ неоплатномъ долгу передъ ними. Я говорилъ уже съ моимъ старшимъ братомъ. Братъ согласенъ усыновить «Обезьянку». Правда, Фернандъ не можетъ получить нашъ княжескій титулъ: законъ не дозволяетъ этого... Очень жаль. Но мы можемъ сдѣлать «Обезьянку» богатымъ человѣкомъ. Найдется у насъ въ семьѣ мѣсто и для Жозефа. Пусть только пріѣзжаютъ сюда. Я и сейчасъ держусь того мнѣнія, что дѣтямъ не мѣсто на войнѣ. Пусть станутъ взрослыми людьми, относятся къ жизни сознательно, — тогда пусть жертвуютъ жизнью за свою родину. Но сейчасъ—имъ тамъ не мѣсто. Скажи «Обезьянкѣ», Малагоди, — что онъ уже достаточно навоевался и доказалъ свою храбрость. Довольно геройствовать»...

Черезъ двѣ недѣли Кабрини получилъ отъ Малагоди отвѣтъ:

«Съ мальчуганами ничего не сдѣлаешь. Я ихъ разыскалъ, и твое предложеніе имъ передалъ. Они казались ошеломленными. Потомъ Жозефъ отвѣтилъ:

— Я, что же. Куда иголка, туда и нитка. Фернандъ—иголка, а я—нитка. Какъ Фернандъ рѣшитъ. Потому, какъ онъ — капралъ, а я только рядовой...

Я насѣлъ на «Обезьянку». Малышъ сначала заколебался, но потомъ отказался наотрѣзъ. И выставилъ патріотическій мотивъ: другіе дерутся, какъ же ему, Фернанду, уйти.

Между прочимъ, онъ заявилъ еще слѣдующее:

— А старый ночной сторожъ Жоржъ всегда говорилъ:

— Не берись, если не можешь. А разъ взялся—держись до конца, А то будешь ты—трусъ и подлецъ.

Словомъ, «Обезьянка» наотрѣзъ отказался уѣзжать съ театра войны. Кстати,— теперь онъ совсѣмъ приписался къ нашему полку. Со всѣми солдатами—за панибрата. Офицеры его любятъ. Полковой командиръ написалъ объ этомъ малышѣ докладъ въ министерство, и солдаты увѣрены, что «Обезьянка» получитъ орденъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ завоевалъ у насъ права гражданства. Ему сшили мундиръ, онъ невѣдомо гдѣ раздобылъ кавалерійскій карабинъ, и сдѣлался заправскимъ солдатомъ.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось отъ него добиться только согласія уѣхать въ Италію по окончаніи войны.

— Когда «бошамъ» зубы наколотимъ и ихъ изъ Франціи вышибемъ,—говоритъ онъ серьезно.

Да, чуть было не позабылъ.

«Обезьянка» долго разспрашивалъ, и, представь себѣ, — очень обстоятельно. на сколько ты, Кабрини, богатъ, и не «вздуетъ» ли тебя твой старшій братъ, если ты вздумаешь тратить деньги. Я завѣрилъ его, что ни малѣйшей опасности тебѣ со стороны брата не грозитъ. И тогда «Обезьянка» заявилъ слѣдующее:

— Ну такъ пусть его сіятельство разорится. Мнѣ бы хотѣлось послать Изидору какой-нибудь подарокъ, хоть коробку оловянныхъ солдатиковъ, но я въ лоскъ прогорѣлъ. Пусть Кабрини пошлетъ Изидору коробку солдатиковъ.

Кромѣ того, отъ Мари получилъ письмо, въ которомъ Мари жалуется, что тетка гнетъ ее въ три погибели и заставляетъ по вечерамъ, когда у той глаза слипаются отъ усталости, вязать шерстяные чулки. Было бы лихо, если бы его сіятельство взялъ, да пугнулъ бы тетку Мари кутузкою, а Мари послалъ къ Рождеству куклу. А еще лучше не куклу, а какое-нибудь, хоть на толкучкѣ купленное старенькое пальто.

Таковы желанія «Обезьянки». Нѣтъ, впрочемъ, есть еще: онъ былъ бы радъ, если бы ты, какъ онъ выражается «раззорился» и купилъ для ночного сторожа цѣлый фунтъ табаку и хорошую пѣнковую трубку.

Вотъ и все...

Когда же я отъ твоего имени спросилъ, не желаетъ ли «Обезьянка» чего-либо

При приближенiи нѣмцевъ оставшiеся въ траншеѣ смѣльчаки, выбѣжали и ударили въ штыки. Съ нимъ былъ и Фернандъ Гюэ.

для себя и для вѣрнаго Жозефа, — то Фернандъ отвѣтилъ пресерьезно:

— А на кой чортъ намъ съ Жозефомъ все это. Ѣдимъ мы до отвалу. Поди, и самъ его сiятельство такъ не кушаетъ...

Словомъ, отъ всяческихъ денежныхъ подарковъ «Обезьянка» отказался. А Жозефъ твердитъ:

— Какъ Фернандъ... Что Фернандъ скажетъ...

Присланныя тобою деньги въ суммѣ двухъ тысячъ франковъ я передалъ покуда полковому казначею, который уполномоченъ выдавать эти деньги небольшими суммами «Обезьянкѣ», или все сразу, если «Обезьянка» надумается и рѣшится, какъ онъ выражается,—«выйти въ отставку» и отправиться навѣстить тебя въ палаццо твоихъ предковъ.

Но шансовъ на это, надо признаться, очень мало...»

Такъ заканчивалось письмо Малагоди.

Прошло еще три-четыре недѣли. И, вотъ, однажды въ рукахъ медленно выздоравливавшаго въ Римѣ Кабрини оказалось второе письмо отъ того же Малагоди.

«Лежу въ госпиталѣ въ Тулузѣ,— писалъ онъ.—Рядомъ со мною лежитъ и Жозефъ. У меня перебита правая рука, такъ что, вѣроятно, въ дальнѣйшемъ я въ солдаты годиться не буду... У Жозефа жестокая рана въ ногу съ раздробленiемъ костей. Онъ останется на всю жизнь хромымъ. И если ты не забылъ, то теперь самый удобный моментъ ока-

зать помощь бѣдному парню. Его мечты далеко не идутъ: былъ бы счастливъ, если бы ты купилъ для него кузню въ его родномъ городѣ, что, по его словамъ, обойдется не больше трехъ тысячъ франковъ.

Что же касается «Обезьянки»,—то...

То тебѣ не придется думать о его будущности. Онъ убитъ.

Прилагаю при семъ вырѣзку изъ приказовъ генеральнаго штаба по арміи. Прочти. Твой Франческо Малагоди».

Трясущеюся отъ волненія рукою Кабрини взялъ сѣрый листокъ вырѣзки и прочелъ:

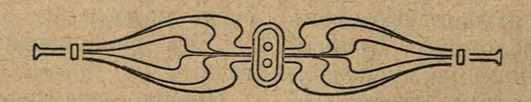
— Во время неудачнаго для насъ дѣла на рѣкѣ Энъ подъ Суассономъ смертью истиннаго героя погибъ мальчикъ, ребенокъ тѣломъ, но взрослый духомъ—Фернандъ Гюэ, тринадцати лѣтъ. Мальчикъ этотъ присоединился къ арміи еще въ сентябрѣ, выказалъ себя сметливымъ, расторопнымъ и исполнительнымъ, оказалъ не мало услугъ въ качествѣ развѣдчика, вынесъ вмѣстѣ съ другимъ добровольцемъ-подросткомъ Жозефомъ Мирэ съ опасностью для собственной жизни изъ-подъ огня раненаго солдата, вовремя предупредилъ однажды свой батальонъ объ обходномъ движеніи баварскаго корпуса, зачастую доставлялъ находящимся въ стрѣлковой цѣпи солдатамъ патроны.

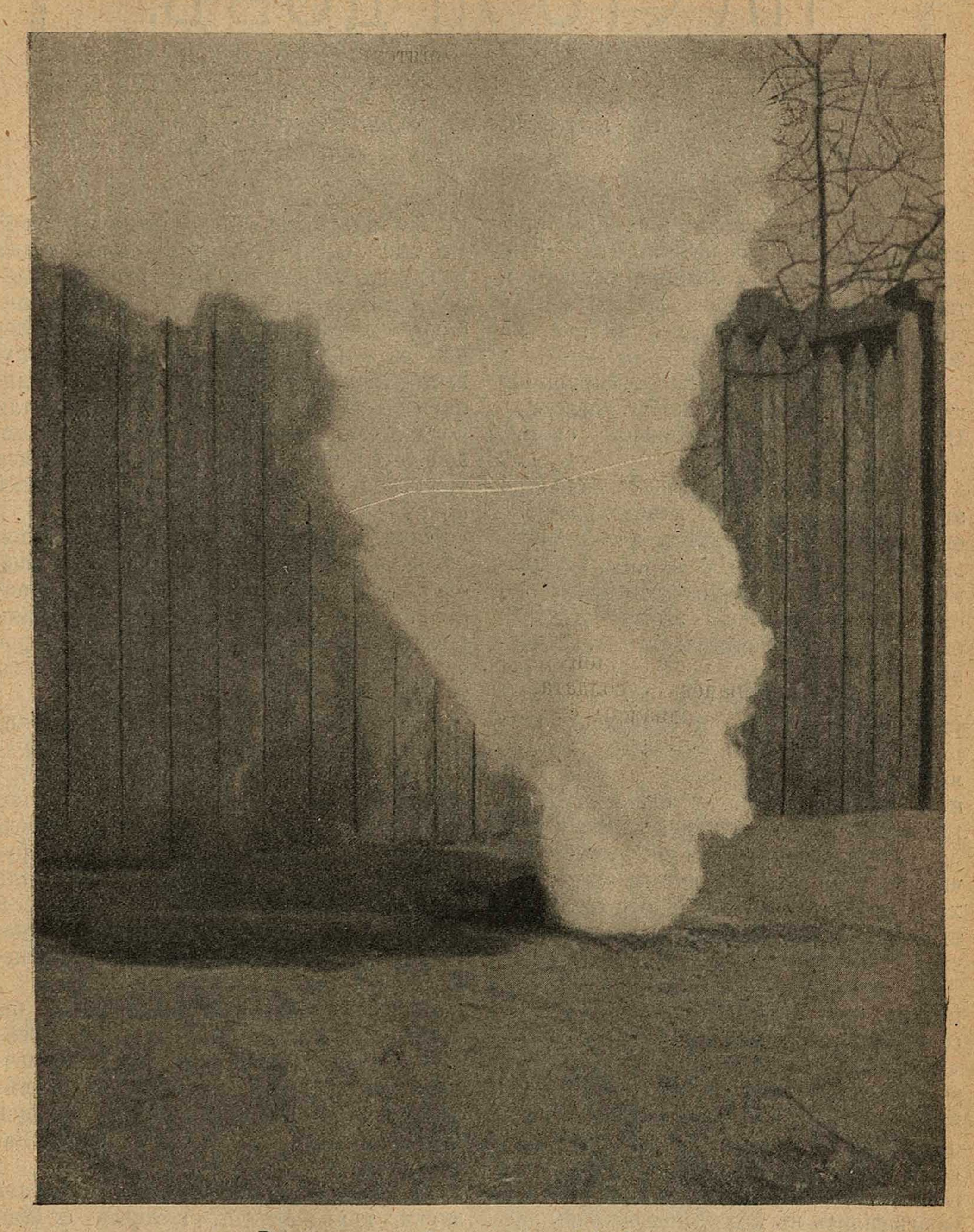
Въ сраженіи подъ Суассономъ непріятель засыпалъ снарядами одну изъ нашихъ траншей, потомъ пошелъ на приступъ. Держаться въ траншеѣ было немыслимо, и солдаты получили приказъ отступить.

Нѣсколько смѣльчаковъ отказались повиноваться приказу и остались въ беззащитной траншеѣ. Среди нихъ былъ и Фернандъ Гюэ. При приближеніи нѣмцевъ, эти смѣльчаки встрѣтили врага выстрѣлами, а потомъ, выбѣжавъ изъ траншеи, ударили въ штыки. Кучка въ тридцать два человѣка схватилась съ цѣлымъ батальономъ. Ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ сдаться. Послѣднимъ былъ чудомъ уцѣлѣвшій въ схваткѣ Фернандъ Гюэ. Онъ осыпалъ окружившихъ его нѣмцевъ ругательствами.

Вопреки приказу командовавшаго нѣмецкимъ батальономъ офицера, озвѣрѣвшіе солдаты буквально подняли на штыки маленькаго героя. Подробности эти получены изъ показаній плѣнныхъ. Тѣло Гюэ погребено нѣмцами въ братской могилѣ со всѣми остальными защитниками траншеи».

Дочитавъ до конца вырѣзку, Кабрини выронилъ ее и тихо заплакалъ.

Взрывъ германской зажигательной бомбы.

Многихъ поражаетъ постоянно повторяющееся въ телеграммахъ извѣстіе о томъ, что союзники тамъ-то и тамъ-то, на западномъ фронтѣ или у Дарданеллъ, продвинулись на 100, на 200 ярдовъ впередъ.

Что такое 100 ярдовъ?—спрашиваютъ незнакомые съ дѣломъ войны,— Вѣдь это меньше 50 саженей. Стоитъ ли объ этомъ говорить?

Но надо знать, какъ совершается это «продвиженіе» и какихъ жертвъ оно стоитъ. Надо видѣть потоки крови, которыми эти 100 ядровъ покупаются, и тогда, и только тогда можно оцѣнить все значеніе этого, казалось бы, столь незначительнаго завоеванія...

Очевидецъ такого боя, въ результатѣ котораго именно и оказался выигрышъ территоріи протяженіемъ въ 100 ярдовъ на фронтѣ около версты длиной, разсказываетъ въ одной изъ англійскихъ газетъ свои впечатлѣнія.

Не безполезно ознакомить русскихъ читателей съ подробностями этого боя, хотя бы для того, чтобы выяснить, что такое съ военной точки зрѣнія означаетъ «продвиженіе на 100 ярдовъ».

За нѣсколько дней,—говоритъ очевидецъ,—мы уже знали, что готовится какое-то серьезное дѣло. Въ тылу большія передвиженія войскъ указывали намъ, что въ дѣйствіе будутъ введены не одинъ и не два батальона, а по всѣмъ вѣроятіямъ нѣсколько дивизій. Люди по ночамъ массами подходили къ передовымъ окопамъ и размѣщались въ нихъ, подвозились экстренные запасы амуниціи, патроновъ, снарядовъ.

Наконецъ, день настал.

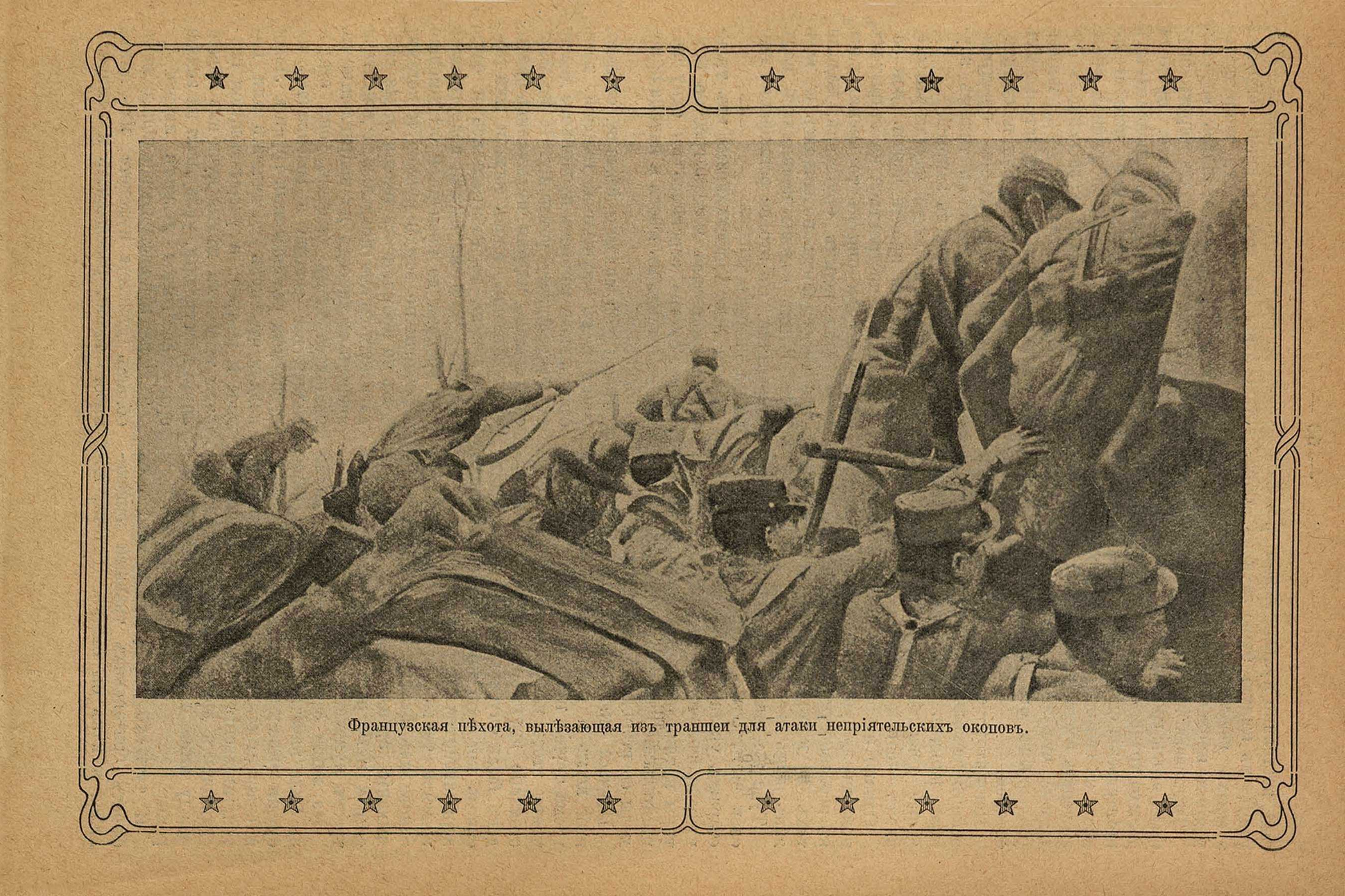
На разсвѣтѣ все было тихо. Рѣдкая ночная перестрѣлка между окопами прекратилась, но всѣ были на мѣстахъ. Въ тылу батареи ожидали лишь знака для того, чтобы открыть огонь, а далеко выдвинутые впередъ офицеры-наблюдатели, запрятанные на тщательно скрытыхъ отъ врага наблюдательныхъ пунктахъ, поминутно справлялись со своими часовыми и передавали по телефону сообщенія объ усиливающемся свѣтѣ солнца, о расходящемся туманѣ и о замѣченныхъ движеніяхъ врага.

Надъ передовыми окопами появился аэропланъ. Послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ изъ «Арчибальда», такъ называются на передовыхъ позиціяхъ скорострѣльныя орудія, употребляемыя противъ аэроплановъ. Аэропланъ повернулъ и скрылся изъ виду.

Наступило полное молчаніе, внезапно прерванное отдаленнымъ гуломъ орудія. Почти одновременно послышался свистъ летящаго снаряда, затѣмъ послѣдовалъ разрывъ. Снарядъ безвредно упалъ впереди окоповъ. Гулъ орудія повторился, за нимъ послѣдовало еще три, четыре такихъ же удара, и уже цѣлый букетъ изъ четырехъ гранатъ разорвался надъ второю траншеей позади насъ.

Этотъ букетъ послужилъ какъ бы сигналомъ для британскихъ батарей. Онѣ отвѣтили сначала дюжиной пушечныхъ выстрѣловъ, а затѣмъ въ невѣроятномъ громѣ и грохотѣ слились одновременные залпы всей линіи нашихъ орудій.

Въ окопахъ мы еще могли разобрать звуки тѣхъ орудій, которыя стояли непосредственно за нами, и слышали свистъ пролетавшихъ надъ нами нашихъ же снарядовъ, но, кромѣ этого, уже ничего больше разобрать было нельзя, все слилось въ одинъ длитель-

Французская пѣхота, вылѣзающая изъ траншеи для атаки непріятельскихъ окоповъ.

ный, постоянно пульсирующій громовой ударъ, въ цѣлую бурю звуковъ, образуемыхъ свистомъ, стонами и громыханіемъ пролетающихъ снарядовъ.

Такъ всеобъемлющъ и всенаполняющъ былъ этотъ громъ, что пѣхота въ передовыхъ траншеяхъ сначала приняла непріятельскіе снаряды, падавшіе вокругъ насъ, за снаряды своей же артиллеріи, но черезъ нѣсколько мгновеній мы догадались, что это непріятель отвѣчаетъ усиленнымъ огнемъ на огонь нашихъ батарей.

Непріятель отлично пристрѣлялся, и вскорѣ громадныя поврежденія въ насыпяхъ нашихъ окоповъ и убитые и раненые доказали, что огонь его направленъ очень искусно.

Однако и траншеи непріятеля тоже показывали уже признаки разрушенія, въ особенности, въ главнѣйшихъ пунктахъ, на которыхъ былъ сконцентрированъ нашъ огонь.

Туда же, на эти пункты, направляли свои выстрѣлы и наши легкія орудія, стараясь ураганомъ шрапнели прорвать кучу проволочныхъ загражденій, а мортиры и тяжелыя орудія разбивали непріятельскіе парапеты и соединительные ходы со второю линіею траншей.

Полчаса продолжался этотъ страшный шумъ и вой, земля дрожала отъ грома орудій и разрыва снарядовъ. Къ концу этого получаса оба фронта, отстоявшіе другъ отъ друга на 100 ярдовъ, были окутаны тучей дыма и пыли, сквозь которую прорывались вспышки взрывающихся снарядовъ. До сихъ поръ гремѣли только орудія, но теперь съ одного изъ фланговъ въ тяжелое громыханіе артиллеріи стала врываться острая нота ружейной перестрѣлки и трескъ пулеметнаго огня.

На линіи фронта, на которой должна была начаться главная атака, наши орудія внезапно подняли свой прицѣлъ, и снаряды стали перелетать далеко за непріятельскія траншеи, забрасывая свинцовымъ дождемъ все пространство между ними и слѣдующей линіей обороны.

И тутъ-то мы увидѣли, что весь фронтъ британскихъ траншей зашевелился и какъ бы ожилъ. Пѣхота, которая до сихъ поръ, пригнувшись и частью лежа на днѣ траншей, скрывалась за брустверами отъ непріятельскаго огня, сразу поднялась во весь ростъ и стала перелѣзать черезъ брустверы на открытое мѣсто, проходя между линіями своихъ проволочныхъ загражденій. Немедленно непріятельскій брустверъ противоположной траншеи тоже оживился и засверкалъ огнями ружейныхъ выстрѣловъ, послышался упорный трескъ непріятельскихъ пулеметовъ. Пули свистѣли и шипѣли, пролетая надъ открытымъ пространствомъ и шлепались съ тупымъ звукомъ о землю нашихъ закрытій.

Десятки, сотни людей падали раньше, чѣмъ успѣвали пройти черезъ свои загражденія и построиться на открытомъ мѣстѣ; падали они въ то время, какъ перелѣзали черезъ брустверъ, падали даже тогда, когда подымались во весь ростъ и ихъ головы появлялись надъ закрытіями. Но это не остановило движенія впередъ.

Масса людей выскакивала изъ траншей, переползала черезъ гребень бруствера, быстро строилась въ одну линію на открытомъ мѣстѣ и начинала перебѣжки.

Почти всѣ солдаты бѣжали, согнувъ спину и съ опущенной головой, какъ бѣгутъ люди во время проливного дождя къ ближайшему убѣжищу. И на бѣгу спотыкались, падали, подымались опять, опять бѣжали, вновь падали или же, упавъ, какъ-то свертывались и оставались лежать на мѣстѣ, подергиваясь отъ времени до времени и безпомощно перебирая по землѣ руками и ногами.

Въ то время, какъ тонкая линія солдатъ настойчиво продолжала двигаться впередъ и впередъ по направленію къ непріятельскимъ окопамъ, она становилась все тоньше и разбивалась на отдѣльныя разбросанныя группы. Люди падали отъ пуль поодиночкѣ или по-двое и по-трое, а разрывающіеся снаряды вырывали цѣлыя кучи изъ общей линіи наступленія, укладывая на землю сразу по цѣлой дюжинѣ людей.

Тамъ же, гдѣ наступающіе попадали въ область дѣйствія пулемета, ихъ линія просто таяла, разсыпалась и замирала

Французская пѣхота, завладѣвшая германской траншеей, бросается вслѣдъ за убѣгающимъ непріятелемъ.

на мѣстѣ, оставляя кучи труповъ, о которыя продолжали шлепаться съ глухимъ звукомъ ружейныя и пулеметныя пули.

Разстояніе между нашими и непріятельскими траншеями было какъ разъ 100 ярдовъ. Дойдя до половины, то-есть на 50 ярдовъ отъ своихъ траншей, наступающій батальонъ представляетъ собою уже не линію, а разбитыя группы людей, словно зерна четокъ на оборванномъ шнуркѣ; на разстояніи 60 ярдовъ отъ своихъ траншей эти группы замѣнились уже отдѣльными людьми съ огромными интервалами между ними, 10 ярдовъ дальше — и оставалось всего нѣсколько человѣкъ, которые двигались впередъ; только въ центрѣ по какому-то особенному случаю держалась еще одна группа, какъ бы чудомъ спасшаяся отъ града пуль, но на разстояніи 80 ярдовъ внезапный порывъ свинцовой бури унесъ и эту группу и нашей линіи совсѣмъ не стало: она оказалась стертой съ лица земли, открытое мѣсто между траншеями опустѣло, людей на немъ уже не было, остались одни трупы.

И между этими трупами раненые ползли на рукахъ и на колѣняхъ, стараясь временами приподняться; но они падали опять на землю и все время употребляли отчаянныя усилія, чтобы добраться назадъ до своей траншеи и спастись отъ пуль и шрапнелей, которыя безпрерывно продолжали падать вокругъ нихъ.

Британская артиллерія опять понизила прицѣлы, и буря снарядовъ стала рваться надъ передовой траншеей врага. Ружейный огонь почти замеръ, группы санитаровъ выбрались изъ британской траншеи и стали подбирать раненыхъ, а за ними новая линія пѣхоты поднималась изъ траншей и готовилась къ новой атакѣ. Когда эти люди бросились впередъ, то непріятельскія ружья и пулеметы снова заговорили, и снова градъ пуль посыпался на открытое мѣсто между окопами.

Однако за первой линіей нашего наступленія,—въ то время, когда она была еще на полдорогѣ,—изъ нашихъ траншей вышла вторая линія и тоже побѣжала черезъ открытое мѣсто по направленію къ непріятелю. На этотъ разъ потери, хотя и очень большія, оказались болѣе слабыми, чѣмъ во время первой атаки, вѣроятно, потому, что выступавшій уголъ фланговой непріятельской траншеи былъ уже нами захваченъ и прекратился губительный анфиладный ружейный и пулеметный огонь.

На этотъ разъ линія атакующихъ добралась до непріятельскихъ проволочныхъ загражденій, группа людей прорвалась сквозь нихъ, достигла бруствера и вскочила въ траншеи, гдѣ началась рукопашная схватка.

Наша артиллерія, державшая свой огонь сосредоточеннымъ на передовой траншеѣ до послѣдняго возможнаго момента, теперь опять подняла прицѣлъ и стала засыпать снарядами мѣсто между непріятельскими траншеями, устраивая «завѣсу», дабы прекратить посылку подкрѣпленій.

А въ это время изъ нашихъ окоповъ подошелъ новый батальонъ, хотя и понесшій большія потери, но сохранившій достаточную массу для того, чтобы занять и захватить траншею.

Нейтральное пространство, открытое мѣсто между нами и непріятелемъ, было уже нами захвачено, оставалось закрѣпить за нами непріятельскую позицію, но это было не легко.

Въ траншеѣ шла рукопашная схватка, дрались прикладами, штыками и забрасывали другъ друга ручными бомбами. Непріятель сопротивлялся съ остервенѣніемъ дикаго звѣря, захваченнаго въ капканъ. Траншеи пришлось брать брустверъ за брустверомъ. Солдаты бросали свои бомбы черезъ стѣнки брустверовъ и тотчасъ же послѣ взрыва сами бросались въ узкій проходъ, гдѣ ихъ встрѣчали пули и вражескія бомбы.

По временамъ мѣсто между двумя или тремя брустверами настолько забрасывалось бомбами и гранатами, что на немъ не оставалось ни одной живой души. Мѣстами люди съ одной или съ другой стороны выскакивали изъ траншеи, рискуя попасть подъ пули на открытомъ мѣстѣ, перебѣгали вдоль ея, бросали бомбы и снова вскакивали въ

траншею тамъ, гдѣ еще держался врагъ, и прикалывали его штыками.

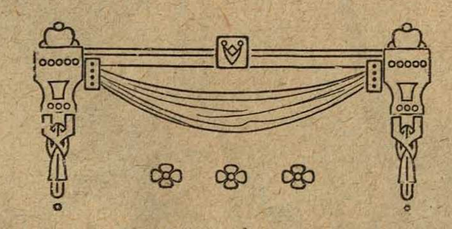
И все время, захваченную траншею засыпали непріятельскіе снаряды, шрапнель и бомбы тяжелыхъ орудій, все время шла рукопашная схватка, трупы падали на трупы и люди скрывались за ними и перестрѣливались изъ-за нихъ, устраивая изъ нихъ баррикады.

И во время самой ожесточенной схватки, непріятель повелъ контръ-атаку, чтобы отобрать захваченную нами траншею, но наша артиллерія не допустила атакующихъ, они пали на полдорогѣ. Однако, за ними послѣдовала новая линія непріятеля. Среди тучъ дыма и пыли, невзирая на ураганный огонь, часть ихъ добралась до занятой нами траншеи, но тутъ британская пѣхота встрѣтила ихъ ружейнымъ огнемъ на близкомъ разстояніи, ихъ ряды дрогнули, остановились и растаяли отъ этого огня, а оставшіеся въ живыхъ повернули и бросились назадъ къ своимъ.

Оглашая воздухъ побѣдными криками, британцы произвели контръ-атаку и бросились преслѣдовать непріятеля. Съ этого момента объединеніе нашего фронта разстроилось; мѣстами наши солдаты добрались до второй линіи непріятельскихъ окоповъ и частью заняли ихъ; возобновилась рукопашная схватка, мѣстами наши солдаты прорвались даже черезъ вторую линію и добрались до третьей, но тутъ случилось то, что всегда случается: не хватило патроновъ, не хватило бомбъ, а подвозъ и подносъ ихъ былъ почти невозможенъ. Продолжать атаку дальнѣйшихъ линій было нельзя и оставалось только закрѣпить за нами первыя двѣ линіи траншей.

Это и было сдѣлано въ теченіе вечера и ночи, посреди непрестаннаго огня, подъ дождемъ бомбъ и шрапнелей. Ночью подошли саперы, и обѣ занятыя траншеи были закрѣплены за нами.

Вотъ какимъ образомъ были захвачены ровно 100 ярдовъ пространства на общей линіи фронта около версты длиной. Мы продвинулись на 100 ярдовъ впередъ, но каждый футъ изъ этихъ 300 футовъ продвиженія былъ залитъ кровью, каждый вершокъ захваченной территоріи былъ мѣстомъ, изъ котораго истекала цѣлая рѣка страданій, горя, разбитыхъ жизней, но также и славы,—той славы, которая стоитъ выше страданій и смерти.

Въ Эльзасѣ. Атака французскихъ альпійскихъ стрѣлковъ на лыжахъ.

САПОГИ.

Разсказъ *Дугласа Ньютонъ.*

Губертъ только что началъ стаскивать второй сапогъ, когда надъ траншеей разорвался снарядъ, и ѣдкій дымъ защекоталъ ему носъ. Бритый сержантъ крикнулъ:

— Пошевеливайся, ребята! Вылѣзай скорѣе!

Губертъ крѣпко ругнулся, схватилъ привычнымъ движеніемъ винтовку, заслуженнаго стараго друга, и быстро выскочилъ изъ землянки. Но споткнулся, упалъ, а узкій сапогъ, который все время мучилъ его и раньше, прямо врѣзался ему въ живое тѣло. Вотъ уже трое сутокъ какъ онъ ни днемъ, ни ночью не снималъ своихъ сапогъ, они терзали ему ноги съ первой минуты, какъ онъ ихъ надѣлъ.

— Поворачивайся, поворачивайся, живѣе,—подгонялъ людей сержантъ. Губертъ поднялся и когда, наконецъ, добѣжалъ до своего мѣста въ траншеѣ, ноги его горѣли, какъ въ огнѣ.

Воздухъ гудѣлъ. Можно было подумать, что тысячи телеграфныхъ проводовъ звенятъ надъ головой. Но Губертъ отлично зналъ, что о телеграфныхъ проволокахъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ, и поэтому старательно пряталъ голову за мѣшки съ пескомъ. А снаружи что-то ударяло по этимъ мѣшкамъ, какъ будто бы выколачивали ковры. Что это бьетъ по мѣшкамъ, Губертъ тоже зналъ, но не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ быстро и складно работалъ, увѣренными привычными движеніями, какъ хорошо смазанная, пущенная въ ходъ машина.

Между мѣшками торчали какія-то лохмотья. Онъ вытащилъ ихъ, выудилъ изъ отверстія большой камень и освободилъ такимъ образомъ бойницу. Въ это маленькое, кругленькое отверстіе далеко было видно поле. Губертъ бросилъ туда бѣглый взглядъ, а рука его въ то же время машинально нащупывала патроны въ глубоко зарытомъ ящикѣ. Еще два три ловкихъ движенія—винтовка была заряжена и готова къ дѣлу.

— Смирррна!... Пачками начинай по наступающей пѣхотѣ!.. — передавалось приказаніе по рядамъ. Губертъ взглянулъ въ окошечко и увидѣлъ, какъ далеко впереди, точно выросли изъ земли какія-то темныя пятна, приблизились на нѣсколько шаговъ и снова исчезли. Онъ выругался:

— Ишь, черти! Сотнями полѣзли!

А сапоги жали нестерпимо. Чтобы освободиться отъ своихъ мучителей, онъ на минутку оставилъ винтовку въ бойницѣ, а самъ нагнулся и мигомъ стащилъ ихъ. Измученныя ноги коснулись холоднаго пола; онъ вздрогнулъ отъ этого ледяного прикосновенія и поскорѣе зарылъ обѣ ноги въ грязь. Пріятное чувство облегченія наполнило его душу. Онъ взялъ въ руки сапоги и началъ съ прежней гордостью ими любоваться. Чудные сапоги, великолѣпные сапоги! Сшиты на славу, крѣпко, прочно, какъ броненосцы! На вѣкъ бы ихъ хватило! За все время войны у него не было такихъ хорошихъ сапогъ. Да и врядъ ли другой разъ въ жизни попадутся такіе. А на войнѣ сапоги цѣнятся больше чѣмъ на вѣсъ золота. Правда, онъ зналъ, что нога у умершаго офицера была меньше его ноги, но ради такихъ сапогъ можно было и пострадать немножко. И они ему такъ нравились, что онъ готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ позволить кому-нибудь взять ихъ у себя.

Но вдругъ онъ выпустилъ изъ рукъ свою драгоцѣнность и весь прильнулъ

къ стѣнѣ траншеи. Съ дикимъ ревомъ, какъ мчащійся на всѣхъ парахъ трамвай, что-то неслось прямо на траншею. Ударило, сбивая загражденія и расшыривая мѣшки и въ открывшееся отверстіе ворвался человѣкъ. Раздался оглушительный трескъ, какъ будто здѣсь вдребезги разлетѣлась посуда со всего свѣта. Губертъ перекувырнулся черезъ свои сапоги. И его и ихъ залило потокомъ грязи. Вправо отъ него, изъ огромной новой дырки въ неимовѣрномъ количествѣ валили дымъ и огонь, какъ будто бы тамъ открылся ходъ прямо въ адъ. Губертъ не былъ раненъ. Онъ быстро вскочилъ, проклиная всѣхъ «Джэкъ-Джонсоновъ» [1]) и сейчасъ же сталъ искать свои сапоги.

Неподалеку отъ него открылся новый вулканъ огня и дыма; передъ нимъ опять раздался взрывъ.

«Проклятье! Ловко же они насъ закопали! Скорѣе надо найти сапоги. Если эти мерзавцы и дальше будутъ такъ палить, то, пожалуй, придется удирать!» А Губертъ твердо рѣшилъ ни за что на свѣтѣ не оставлять своихъ сапогъ въ добычу нѣмцамъ.

Люди дрогнули, и это колебаніе какъ электрическій токъ пронеслось по всей линіи. Молоденькій офицеръ безчисленное количество разъ повторялъ все одно и то же: «Держись, держись, держись!» Сержанты тоже твердили свое и наивно воображали, что голоса ихъ звучатъ спокойно и твердо: «Часто начинай по цѣпи!»

Саперы пробѣжали съ лопатами откапывать засыпанныхъ солдатъ. Все заволоклось дымомъ; когда люди пробѣгали, дымъ цѣплялся за нихъ и тянулся за ними полосами. Раздавались острые свистки, которые холодными, серебряными струйками прорѣзали весь этотъ дикій хаосъ. Страшная сила дисциплины приподняла Губерта и бросила его къ винтовкѣ, пригнула его палецъ и спустила курокъ.

Въ свое маленькое отверстіе Губертъ увидѣлъ цѣлый десятокъ людей, которые бѣжали впередъ, нагнувшись и странно выбрасывая ногами. Въ нихъ-то и выпустилъ онъ свой первый зарядъ.

Онъ не зналъ, попадалъ ли онъ, и сколькихъ онъ сразилъ. Онъ выбиралъ прыгающія сѣрыя человѣческія фигуры и стрѣлялъ, стрѣлялъ безъ передышки.

Онъ ясно сознавалъ одно: если онъ не будетъ достаточно мѣтко и часто стрѣлять, кто-нибудь изъ этихъ людей ворвется въ траншею и тогда, конечно, пиши пропало сапогамъ. Онъ стрѣлялъ и стрѣлялъ. Десять человѣкъ исчезли. Передъ нимъ было пустое пространство. Не во что было больше стрѣлять.

Губертъ обернулся, чтобы снова поискать въ грязи свои сапоги. Но вдругъ, съ коварной ехидностью, кучи сѣрыхъ людей выросли, какъ изъ земли. Теперь ихъ было уже больше десяти. Они шли густыми рядами, прямо на него и были уже совсѣмъ близко. Съ проклятіемъ онъ схватилъ патроны и съ яростной поспѣшностью зарядилъ винтовку.

Теперь онъ попадалъ вѣрно, безъ промаха. Но это не помогало. Едва укладывалъ онъ одного, на его мѣсто выростало двое. Губерта приводило въ ярость это непонятное явленіе. Безостановочно рука его подносила новые заряды, онъ безостановочно стрѣлялъ.

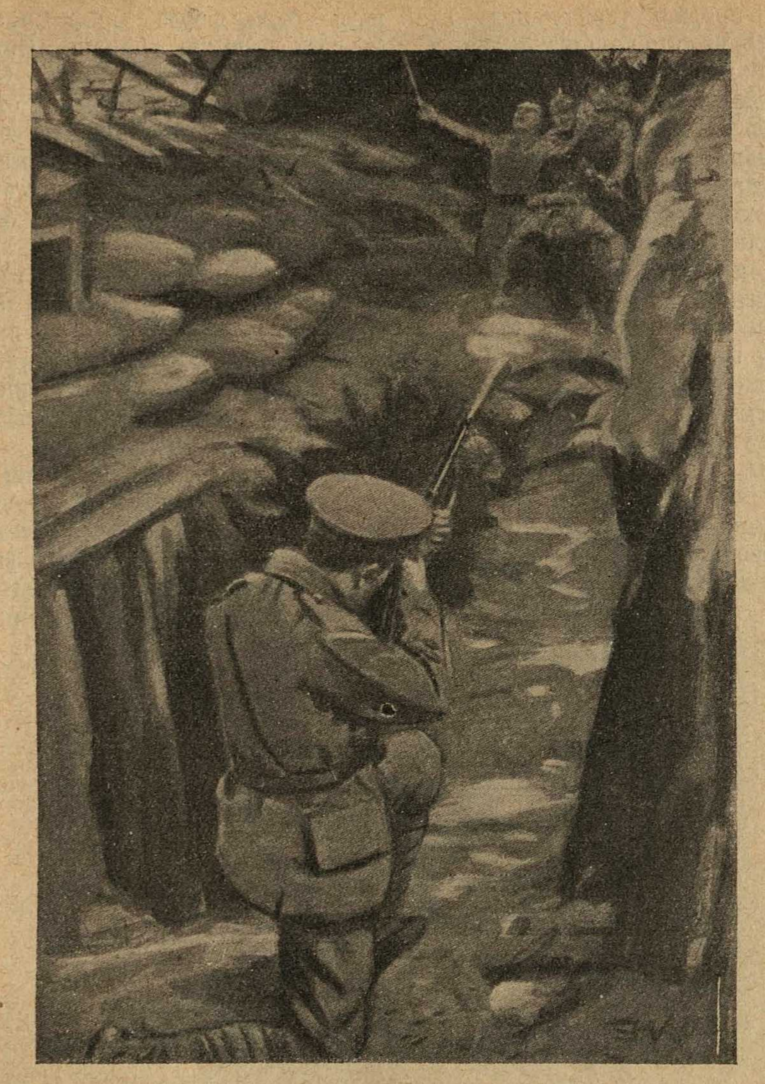
Траншея была наполнена вихрями крутящихся звуковъ. Люди метались во всѣ стороны. Налѣво вдругъ раздался дикій ревъ; поднялась суматоха, послышались крики команды... Люди промчались мимо него къ мѣсту тревоги. Раздалась близко сильная ружейная трескотня. Люди, только что пробѣжавшіе туда, возвращались обратно, но ихъ осталась только половина. Остановились, повернулись, дали залпъ обратно по траншеѣ и снова побѣжали. Губертъ смотрѣлъ на нихъ съ возмущеніемъ. Хоть бы одинъ изъ нихъ подумалъ о томъ, что у его ногъ въ грязи... Кто-то замѣтилъ его и крикнулъ:

— Вылѣзай! Заснулъ ты, что ли? Прорвались нѣмцы... Бѣги, коли жизнь дорога!

— Сюда! Черти, сюда! Я долженъ сперва найти свои сапоги!..

Но никто его не слушалъ. Люди промчались, и траншея моментально опу-

[1]) Всемірно извѣстный черный боксеръ. Такъ называютъ англичане германскіе снаряды.

Губертъ едва успѣвалъ заряжать винтовку и съ неимовѣрной быстротой выпускалъ зарядъ за зарядомъ.

стѣла. Только дымъ остался въ ней, да Губертъ. Одной рукой онъ схватилъ винтовку, другой сталъ шарить по землѣ. Какая-нибудь минута оставалась въ его распоряженіи, не больше!

Два сѣрыхъ солдата ворвались въ окопы.

— Собаки! Не даютъ человѣку покоя! — проскрежеталъ зубами Губертъ; онъ выстрѣлилъ и первый изъ двухъ солдатъ какъ бы споткнулся, полетѣлъ и, падая, схватился руками за второго. Раздался другой выстрѣлъ и этотъ тоже упалъ, и оба загородили проходъ своими тѣлами. Едва успѣлъ Губертъ справиться съ этими, какъ цѣлый потокъ сѣрыхъ шинелей обрушился на него. Онъ едва успѣвалъ заряжать винтовку и съ не-

имовѣрной быстротой выпускалъ зарядъ за зарядомъ. Люди вертѣлись и извивались, стараясь продвинуться впередъ. Губерту казалось, что это копошатся черви.

Больше и больше людей напирало на него. Но это даже облегчало его задачу. Онъ стрѣлялъ въ живую мишень. Груды тѣлъ накоплялись съ поражающей быстротой. Многіе, падая, далеко отбрасывали винтовку, обдавая его грязью. Пули свистѣли вокругъ него. Но онъ оставался спокойнымъ и съ ледянымъ хладнокровіемъ методично стрѣлялъ, заряжалъ, снова стрѣлялъ...

«Не одному изъ проклятыхъ швабовъ не оставлю своихъ сапогъ!» думалъ онъ съ озлобленіемъ.

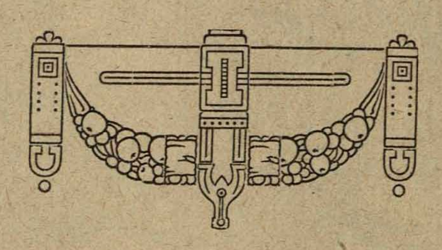
Нѣмцы отступили и хотѣли взять хитростью. Стали подползать поодиночкѣ, перелѣзая черезъ мертвыхъ. Но какъ только показывалась чья-нибудь каска, Губертъ моментально сражалъ врага. Мертвые положительно спасали его. Они загромоздили весь проходъ.

Но вотъ счастливая мысль осѣнила нѣмцевъ. Какой-то герой выступилъ впередъ—былъ убитъ, но все-таки успѣлъ бросить ручную гранату. Она разорвалась далеко отъ Губерта. Онъ остался невредимъ, но взвылъ отъ ярости. Онъ долженъ былъ бороться съ такой низостью. Онъ наполнилъ карманы патронами и рѣшилъ итти на нихъ въ атаку. Разорвалась вторая бомба и его вышвырнуло вонъ.

Ему такъ и не пришлось итти въ атаку. Потокъ стали и хаки влился въ траншеи, перевалилъ черезъ трупы людей и разрушенныя загражденія, пронесся впередъ и заполнилъ окопы: подоспѣло подкрѣпленіе. Нѣмцы были выбиты. Позиція была возвращена.

— Ну, братъ, выручилъ ты насъ! Будешь представленъ къ наградѣ: спасъ траншею, одинъ отбилъ атаку, молодецъ!—обратился къ нему офицеръ.

— Радъ стараться!.. Теперь помогли бы мнѣ только отыскать мои сапоги...

Наши доблестные казаки на бивуакѣ.

Охота за пиратами въ дальнихъ моряхъ.

Какъ только началась война, первой заботой морскихъ силъ союзниковъ было обезпечить безопасность морскихъ путей, чтобы, во-первыхъ, перевозка войскъ, боевыхъ припасовъ и предметовъ снаряженія могла производиться безпрепятственно, а во-вторыхъ, чтобы не пострадала морская торговля.

Эта задача оказалась чрезвычайно обширной. Для успѣшнаго выполненія ея, дѣйствія союзнаго флота должны были охватить чуть не весь земной шаръ. Но союзный флотъ успѣшно справился съ задачей. Войска перевозились въ Европу изъ Алжира, изъ Австраліи, изъ Канады и Новой Зеландіи, и ни одинъ транспортъ не погибъ въ пути. То же самое и съ боевыми припасами и всевозможными предметами снаряженія: за все время войны они не переставали безпрепятственно доставляться въ Англію и Францію. И торговое мореплаваніе тоже продолжалось все время, вначалѣ съ нѣкоторымъ рискомъ, а за послѣдніе мѣсяцы съ полной безопасностью.

Цѣлью союзниковъ было совершенно освободить дальнія моря отъ всѣхъ враговъ коммерческаго флота въ лицѣ германскихъ военныхъ кораблей. Но первоначально надо было ограничиться болѣе скромной задачей: обезопасить главные морскіе пути и организовать по возможности болѣе полную охрану ихъ. Прежде всего организовали такую охрану на главномъ пути изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу. Весь путь раздѣлили на участки, каждый изъ которыхъ былъ порученъ одному или двумъ крейсерамъ. И охрана оказалась настолько дѣйствительной, что на этомъ пути не погибъ ни одинъ торговый пароходъ союзниковъ. Затѣмъ подобная же охрана была организована и на другихъ важныхъ морскихъ путяхъ, и благодаря этой мѣрѣ (въ соединеніи съ мѣрами предосторожности, предписанными самимъ пароходамъ) союзный коммерческій флотъ понесъ сравнительно очень небольшія потери.

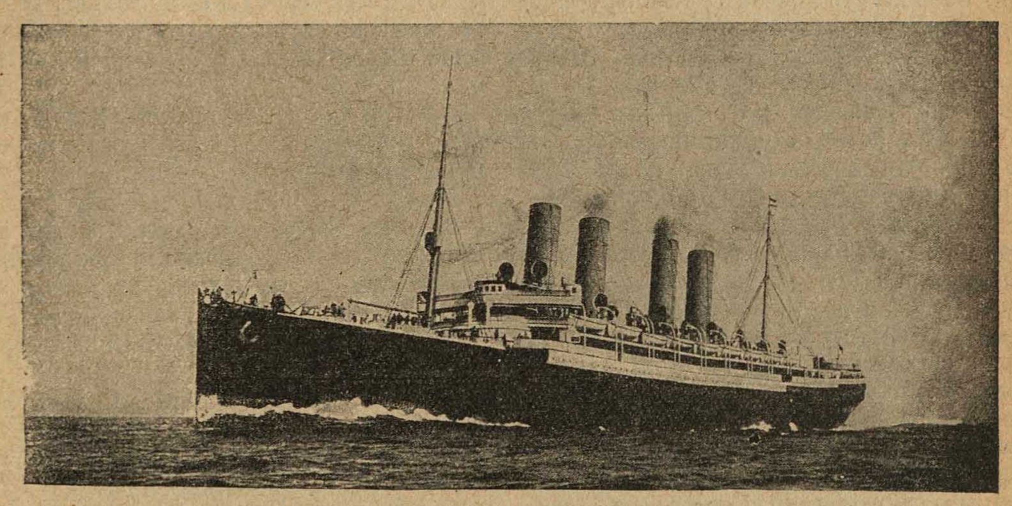
А между тѣмъ его враги были чрезвычайно многочисленны, болѣе многочисленны, чѣмъ можно было бы предполагать. Къ моменту объявленія войны во всѣхъ дальнихъ моряхъ на предусмотрительно выбранныхъ стратегическихъ пунктахъ стояли германскіе крейсеры, готовые начать съ торговымъ флотомъ безпощадную войну, а кромѣ того много пароходовъ было готово выйти въ любую минуту въ море въ качествѣ вспомогательныхъ крейсеровъ. Эти пароходы имѣли наготовѣ собственное вооруженіе и снаряженіе, какъ напримѣръ «Императоръ Вильгельмъ Великій», который въ началѣ августа совершилъ свою метаморфозу въ открытомъ морѣ.

Соотвѣтственно опубликованнымъ документамъ, слѣдующіе германскіе пакетботы могли выполнять и выполняли роль вспомогательныхъ крейсеровъ: «Кронпринцесса Цецилія», «Императоръ Вильгельмъ II», «Императоръ Вильгельмъ Великій», «Джорджъ Вашингтонъ», «Принцъ Фридрихъ Вильгельмъ», «Берлинъ» и «Императоръ».

Однако дѣло не ограничивалось этими восемью пакетботами. Число германскихъ вспомогательныхъ крейсеровъ было гораздо больше. Одинъ изъ нихъ, «Блюхеръ», былъ разоруженъ въ Бразиліи. Другой, «Капъ Трафальгаръ», былъ потопленъ британскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Караманія». «Фатерландъ» и нѣсколько другихъ интерниро-

ваны въ Нью-Йоркѣ. Нѣсколько «Вэрмановъ» было захвачено у береговъ Камеруна. А «Принцъ Эйтель-Фридрихъ» и «Кронпринцъ Вильгельмъ» послѣ долгаго корсарства интернированы, наконецъ, въ Ньюпортъ - Ньюзѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ.

Изъ сказаннаго видно, что Германія сильно разсчитывала въ борьбѣ съ торговымъ флотомъ союзниковъ на помощь своего собственнаго коммерческаго флота. При этомъ она предусмотрительно позаботилась заранѣе и о томъ, чтобы какъ ея военные корабли въ дальнихъ моряхъ, такъ и эти новоиспеченные вспомогательные крейсеры не терпѣли недостатка ни въ углѣ, ни въ припасахъ, ни во всемъ прочемъ необходимомъ. Германія, колоніальныя владѣнія которой и до войны были невелики, но честолюбіе которой въ области морской торговли было неимовѣрно, давно предвидѣла войну съ коммерческимъ флотомъ враговъ и подготовилась къ этой войнѣ. Она заручилась въ нейтральныхъ портахъ агентами, помощь которыхъ обезпечивала снабженіе ея крейсеровъ припасами, и создала цѣлую систему снабженія ихъ углемъ въ открытомъ морѣ. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также превосходнымъ качествамъ ея легкихъ крейсеровъ, оперирующихъ въ дальнихъ моряхъ, борьба съ ними была чрезвычайно затруднительна, что еще увеличиваетъ заслугу союзниковъ, которые въ концѣ концовъ совершенно очистили отъ нихъ дальнія воды.

Германскій вспомогательный крейсеръ «Императоръ Вильгельмъ Великій.

Въ моментъ объявленія войны въ китайскихъ водахъ находилось пять германскихъ крейсеровъ, изъ коихъ два броненосца новѣйшаго типа. Эта группа представляла могущественную дивизію, такъ какъ въ этихъ моряхъ у нихъ не было противниковъ, которые могли бы равняться съ ними по быстроходности, а огромное протяженіе Тихаго океана и наличность многочисленныхъ острововъ, могущихъ служить укрытіемъ, чрезвычайно затрудняли поиски и уничтоженіе этихъ крейсеровъ.

Эта группа, въ которую входили: «Шарнгорстъ», «Гнейзенау» «Лейпцигъ», «Нюрнбергъ» и «Эмденъ», не вела вначалѣ активной войны съ торговымъ флотомъ союзниковъ (по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о «Шарнгорстѣ» и «Гнейзенау»). Тѣмъ не менѣе она представляла большую опасность, такъ какъ могла причинить серьезный вредъ англійскимъ колоніямъ и вообще вызвать всякія осложненія. Поэтому противъ нея были предприняты въ обширныхъ размѣрахъ морскія операціи, кругъ которыхъ постепенно суживался, пока дѣло не дошло до сраженія, рѣшившаго судьбу этой группы крейсеровъ.

Ея операціонной базой была первоначально китайская колонія Германіи—Циньдао. Но эта морская крѣпость вскорѣ была осаждена англо-японскими силами, и, чтобы не оказаться запертыми въ Циньдао, всѣ пять крейсеровъ вышли въ море и раздѣлились: маленькіе крейсеры отдѣлились отъ крупныхъ, чтобы вновь соединиться съ ними лишь позже, за исключеніемъ «Эмдена», который началъ дѣйствовать совершенно самостоятельно и остановилъ и потопилъ въ Индійскомъ океанѣ великое множество торговыхъ судовъ.

Оба броненосныхъ крейсера, «Шарнгорстъ» и «Гнейзенау», направились къ островамъ Океаніи. За ними начинается охота, въ которой принимаютъ участіе и японскія военныя суда, не занятыя операціями противъ Циньдао.

Англійская эскадра, къ которой присоединились французскіе крейсеры «Монкальмъ» и «Дюплей», а также крейсеры молодого австралійскаго флота, охраняя торговые пути, въ то же время прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы изловить и уничтожить ушедшіе изъ Циньдао германскія боевыя суда, крейсеровавшія въ открытомъ морѣ. Нѣсколько британскихъ крейсеровъ покинуло англійскія воды, чтобы черезъ мысъ Горнъ пройти въ Тихій океанъ и пересѣчь путь германскимъ крейсерамъ.

22-го сентября «Шарнгорстъ» и «Гнейзенау» появились передъ городомъ Папете, столицей французской колоніи на Таити. Въ гавани, какъ гласитъ офиціальное сообщеніе, находилась въ это время канонерка «Зэлэ», разоруженная уже съ 14-го сентября, т.-е. безъ орудій, которыя свезли на берегъ, и безъ экипажа. Германскіе крейсеры пустили ее ко дну. «Зэлэ» была канонерка въ 647 тоннъ водоизмѣщеніемъ, безъ всякой брони. «Чтобы увѣнчать этотъ подвигъ,—добавляетъ офиціальное сообщеніе,—германскіе крейсеры бомбардировали и разрушили Папете, городъ открытый и незащищенный. Послѣ этого они удалились». Одновременно съ «Зэлэ» они потопили свой же нѣмецкій коммерческій пароходъ «Валькирію».

Послѣ 22-го сентября ихъ слѣдъ теряется. Въ концѣ октября телеграмма изъ Сиднея передала, что по упорнымъ слухамъ, оба крейсера захвачены вслѣдствіе недостатка угля. Но эта телеграмма была только германской военной хитростью, потому что въ это самое время «Шарнгорстъ» и «Гнейзенау» находились вовсе не вблизи Австраліи и Сиднея, а у береговъ Чили, гдѣ они вскорѣ и встрѣтились съ частью англійской эскадры. Вотъ текстъ англійскаго офиціальнаго сообщенія объ этомъ сраженіи:

«Въ воскресенье 1-го ноября «Монмутъ», «Гудъ-Хопъ» и «Глазго» встрѣтили въ чилійскихъ водахъ германскіе крейсеры «Шарнгорстъ», «Гнейзенау», «Лейпцигъ» и «Дрезденъ».

Обѣ эскадры держали курсъ на югъ, при сильномъ вѣтрѣ и неспокойномъ морѣ.

Германская эскадра уклонялась отъ боя до самаго заката солнца, когда яркій свѣтъ далъ ей важное преимущество.

Бой длился около часу.

Почти въ самомъ началѣ на «Гудъ-Хопѣ» и «Монмутѣ» вспыхнули пожары, однако они продолжали сражаться до наступленія темноты, когда «Гудъ-Хопъ» затонулъ вслѣдствіе взрыва. «Монмутъ» съ наступленіемъ темноты началъ удаляться, имѣя большую пробоину. Его эскортировалъ «Глазго», который въ продолженіе всего боя сражался съ «Лейпцигомъ» и «Дрезденомъ».

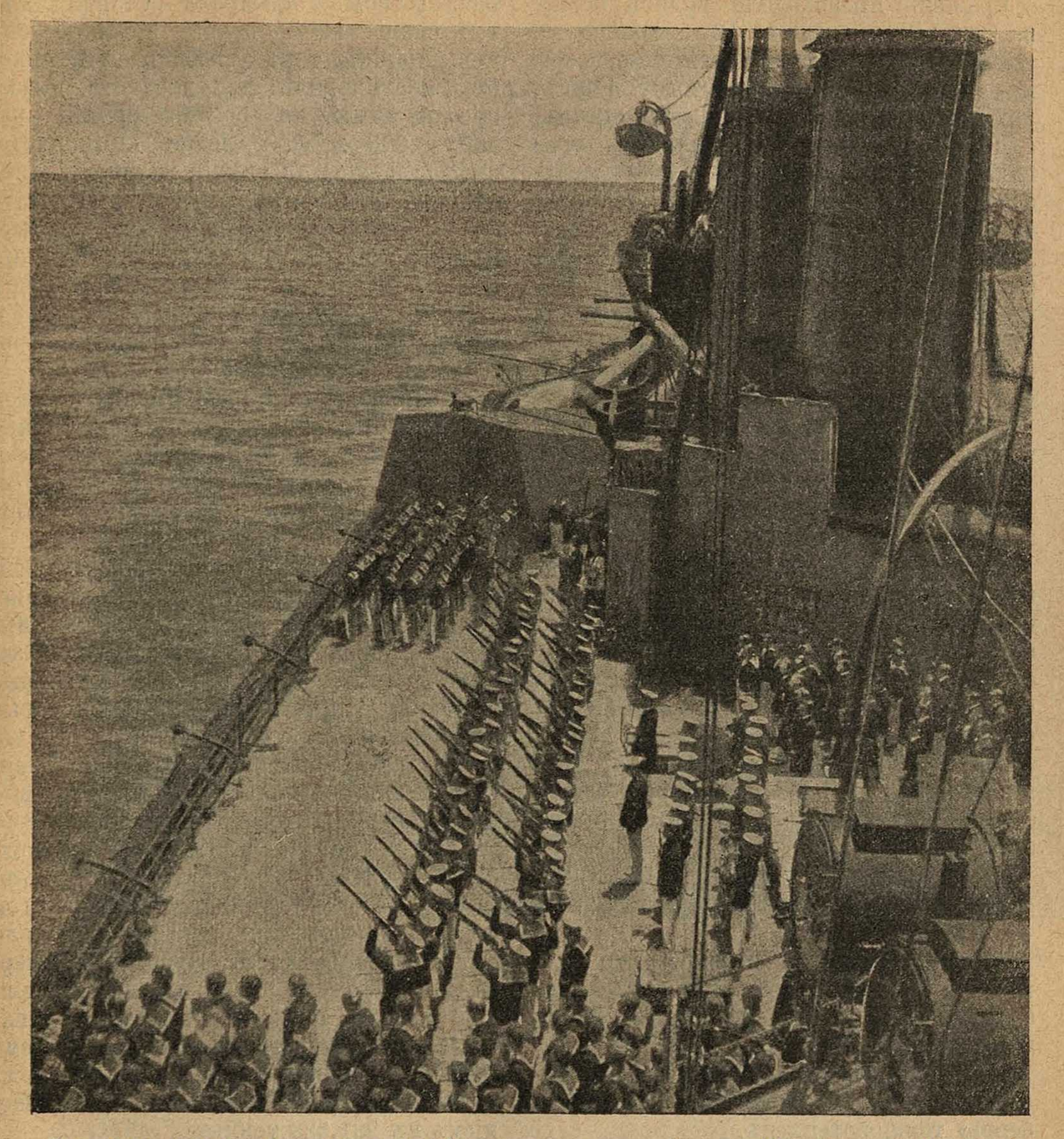
Увидя, что германцы приближаются къ «Монмуту», «Глазго», который тоже находился подъ огнемъ вражескихъ броненосныхъ крейсеровъ, отошелъ. Германцы тогда атаковали «Монмутъ». Результаты этого новаго сраженія неизвѣстны.

«Глазго» понесъ незначительныя потери и мало пострадалъ.

Ни «Отранто», ни «Канопусъ» въ сраженіи не участвовали.

Сообщаютъ, что на чилійскомъ побережьѣ выбросилось на берегъ одно изъ воюющихъ судовъ. Еще неизвѣстно, «Монмутъ» ли это.»

Позже выяснилось, что «Монмутъ» затонулъ, какъ и «Гудъ-Хопъ». Эти два броненосныхъ крейсера составляли (подъ командой контръ-адмирала Крaддока) главное ядро морской дивизіи, въ которую еще входили «Глазго», «Канопусъ», крейсеръ стараго типа и

Салютъ въ честь погибшихъ моряковъ британскихъ военныхъ судовъ «Гудъ-Хопъ» и «Монмутъ».

вспомогательный крейсеръ «Отранто». Находись дивизія адмирала Краддока въ полномъ составѣ, исходъ боя былъ бы, навѣрно, иной. Но при данныхъ условіяхъ британская дивизія была значительно слабѣе германской, какъ по числу боевыхъ единицъ, такъ и главнымъ образомъ, въ отношеніи артиллеріи. На «Гудъ-Хопѣ» находились двѣ пушки калибра 234 м/м. уже устарѣлаго образца и шестнадцать орудій калибра 152 м/м., а артиллерія «Монмута» состояла только изъ четырнадцати орудій въ 152 м/м. Между тѣмъ какъ германскіе броненосцы, находившіеся подъ командой контръ-адмирала фонъ Шпее, имѣли каждый восемь орудій въ 210 м/м. и шесть орудій въ 150. Залпъ обоихъ британскихъ крейсеровъ вмѣстѣ составлялъ всего 1105 килограммовъ противъ 1776 килограммовъ германскихъ крейсеровъ. Превосходство огня этихъ послѣднихъ было безспорно.

Сраженіе происходило вблизи острова Санта-Марія южнѣе Вальпарайсо.

Послѣ сраженія германскіе крейсеры медленно спустились къ мысу Горнъ, чтобы выйти въ Атлантическій океанъ, гдѣ они разсчитывали завладѣть принадлежавшими англичанамъ Фалклендскими островами, угольной станціей британскаго флота. Эти острова оказались бы для нихъ великолѣпной операціонной базой при выходѣ изъ Магелланова пролива. Они и явились туда 8-го декабря, но нашли тамъ британскія морскія силы, посланныя противъ нихъ и готовыя къ бою.

Произошло сраженіе, и на этотъ разъ побѣда осталась на сторонѣ англичанъ, побѣда, о которой британское адмиралтейство извѣщаетъ слѣдующимъ лаконическимъ сообщеніемъ.

«8-го декабря въ 7 ч. 30 м. утра англійская эскадра, находившаяся подъ командой вице-адмирала сэра Фредерика Стэрди, замѣтила вблизи Фалклендскихъ островокъ германскіе крейсера «Шарнгорстъ», «Гнейзенау» «Нюренбергъ», «Лейпцигъ» и «Дрезденъ». Завязался бой, во время котораго «Шарнгорстъ», носившій флагъ адмирала графа фонъ-Шпее, «Гнейзенау» и «Лейпцигъ» были потоплены.

«Дрезденъ» и «Нюренбергъ» *ушли во время* сраженія и преслѣдуются. Захвачены два угольщика».

Вице-адмиралъ доноситъ, что англійскія потери весьма незначительны. Спасено нѣсколько человѣкъ съ «Гнейзенау» и «Лейпцига».

На слѣдующій день телеграмма адмирала Стэрди извѣстила, что и «Нюренбергъ» тоже потопленъ.

Германское адмиралтейство выпустило въ свою очередь сообщеніе, въ которомъ оно дословно повторяетъ британское сообщеніе и добавляетъ къ нему:

«Наши потери были очень велики въ виду подавляющаго превосходства непріятеля, потери котораго, судя по полученнымъ извѣстіямъ, очень незначительны. Въ телеграммахъ о нихъ ничего не говорится».

Только позже узнали составъ англійской эскадры, объединившейся подъ начальствомъ адмирала Стэрди для той спеціальной миссіи, которую она и выполнила такъ успѣшно. А именно, въ нее входили: два дредноута, имѣющіе каждый по восемь орудій калибра 305 м/м., крейсеръ «Канопусъ», имѣющій четыре орудія въ 305 и двѣнадцать въ 152 м/м., крейсеръ «Крентъ» и «Корнуэль», имѣющіе по четырнадцать орудій въ 152, и «Карнарвонъ», имѣющій четырнадцать орудій въ 190 и шесть въ 152 м/м., и наконецъ, два легкихъ крейсера «Бристоль» и «Глазго».

Превосходство артиллеріи британской эскадры было дѣйствительно подавляющее. Британскія суда имѣли въ совокупности 20 орудій калибра 305 м/м. противъ германскихъ 16 орудій калибра 216 м/м.

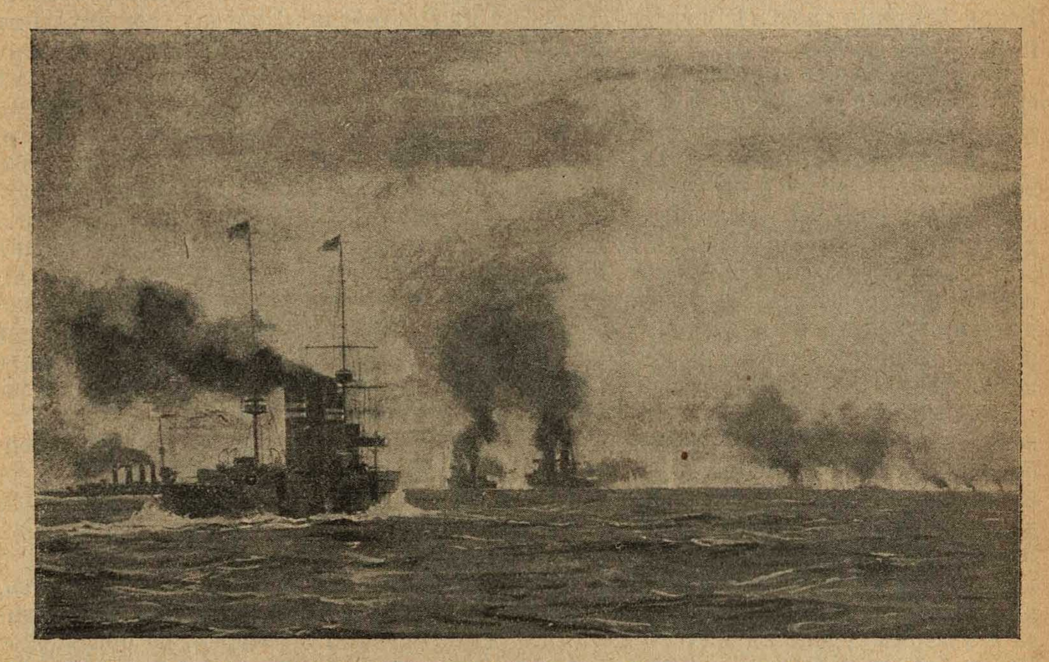
Оба германскихъ броненосныхъ крейсера, находившихся въ Тихомъ океанѣ, были такимъ образомъ уничтожены; однако корсарская война, которой занимались маленькіе и вспомогательные крейсеры, продолжалась. Нѣкоторые изъ послѣднихъ уже пали, а за остальными охотились съ неослабной энергіей, и можно было предвидѣть, что дѣло кончится полнымъ исчезновеніемъ германскихъ корсаровъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что дѣйствія этихъ корсаровъ не имѣли никакого значенія и что ихъ преслѣдованіе не представляло особыхъ трудностей. Первый коммерческій пароходъ былъ потопленъ ими 7-го августа; послѣднее пиратское нападеніе произошло въ мартѣ. И за эти семь мѣсяцевъ они потопили въ общей сложности 60 судовъ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 281.583 тонны.

Одиссея каждаго изъ этихъ корсаровъ стоитъ того, чтобы о ней разсказать отдѣльно.

Наибольшую активность, а также—отдадимъ ему справедливость—и наибольшую корректность во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявилъ «Эмденъ», который отдѣлился отъ группы «Шарнгорстъ-Гнейзенау» и началъ воевать самостоятельно. Онъ покинулъ Циньдао во второй половинѣ августа. Въ началѣ сентября онъ появляется въ Бенгальскомъ заливѣ, гдѣ потопилъ семь пароходовъ. Оттуда

онъ направляется къ берегу и 22-го сентября бомбардируетъ Мадрасъ, угрожаетъ Пондишери, огибаетъ Цейлонъ, захватываетъ съ 27-го до 28 сентября пять пароходовъ, опять беретъ курсъ на западъ, и съ 20 до 22 октября останавливаетъ шесть пароходовъ, которые топитъ.

Начиная съ этого времени, онъ вступаетъ въ періодъ особенно интенсивной

Картина боя между британской и германской эскадрами. «Шарнгорстъ» и «Гнейзенау» приняли бой, а «Нюренбергъ», «Лейпцигъ» и «Дрезденъ» обратились въ бѣгство.

войны. Онъ возвращается на востокъ, появляется 28 октября у Пуло-Пенанга на полуостровѣ Малаккѣ, входитъ въ гавань, гдѣ стояло нѣсколько союзныхъ судовъ, и топитъ небольшой русскій крейсеръ «Жемчугъ», а также французскій миноносецъ «Мушку», который онъ встрѣчаетъ при выходѣ изъ гавани.

Вотъ текстъ сообщенія французскаго морского министра:

«28-го октября днемъ германскій крейсеръ «Эмденъ», предварительно перекрасившись, вошелъ въ англійскую гавань Пуло-Пенангъ на полуостровѣ Малаккѣ. Онъ атаковалъ и потопилъ орудійнымъ огнемъ и миной русскій крейсеръ «Жемчугъ», который стоялъ тамъ на якорѣ. При выходѣ изъ гавани онъ былъ атакованъ миноносцемъ французской эскадры, который стоялъ на брандвахтѣ и поспѣшилъ на звукъ канонады. Но борьба была слишкомъ неравная между крейсеромъ и нашимъ миноносцемъ, и послѣдній былъ потопленъ. Подобравъ уцѣлѣвшихъ изъ его команды, «Эмденъ» ушелъ. Эти спасенные въ числѣ 36 были высажены на берегъ въ заливѣ Сабанъ (на Суматрѣ) англійскимъ судномъ, которое «Эмденъ» захватилъ въ плѣнъ».

Хотѣлъ ли «Эмденъ» найти и атаковать транспорты, перевозившіе войска изъ Австраліи и Новой Зеландіи? Это возможно, потому что, направившись къ югу и пройдя между Суматрой и Явой, онъ появился 9-го ноября у Кокосоваго острова, на которомъ находилась чрезвычайно важная телеграфная станція. Тамъ онъ послалъ на берегъ десантъ, чтобы завладѣть островомъ, но служащіе станціи успѣли во-время послать радіотелеграмму съ призывомъ о помощи.

Немедленно противъ «Эмдена» былъ отправленъ австралійскій крейсеръ «Сидней», входившій въ составъ морскихъ силъ,

конвоировавшихъ австралійскіе транспорты, и онъ настигъ «Эмдена» и принудилъ его къ бою. «Сидней» потерялъ въ этомъ сраженіи трехъ человѣкъ убитыми и пятнадцать были ранены, «Эмденъ» же выбросился на берегъ и сгорѣлъ. Всѣ находившіеся на немъ были взяты въ плѣнъ. Командиру «Эмдена», капитану фонъ-Мюллеру, оставили его саблю, а командѣ оказали воинскія почести. Такъ Великобританія хотѣла почтить храбрость честнаго врага.

«Эмденъ» лишилъ англійскій коммерческій флотъ не болѣе, не менѣе какъ 19 судовъ водоизмѣщеніемъ въ 83.975 тоннъ.

Изъ остальныхъ крейсеровъ «Нюренбергъ» и «Лейпцигъ» были, какъ уже сказано, потоплены въ сраженіи у Фалклендскихъ острововъ. Первый, который почти все время сопровождалъ «Шарнгорстъ» и «Гнейзенау», не проявилъ себя никакими нападеніями на торговые пароходы. Второй же захватилъ два судна водоизмѣщеніемъ въ 10.305 тоннъ.

Въ сраженіи у Фалклендскихъ острововъ, какъ и въ предыдущемъ бою у береговъ Чили, участвовалъ еще одинъ небольшой крейсеръ, вышедшій невредимымъ изъ обоихъ этихъ сраженій. Этотъ крейсеръ—«Дрезденъ», который при началѣ военныхъ дѣйствій находился въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ занимался захватомъ судовъ въ августѣ мѣсяцѣ. Въ ноябрѣ онъ сражался въ Тихомъ океанѣ, въ декабрѣ—въ Атлантическомъ. Послѣ битвы у Фалклендскихъ острововъ онъ опять вернулся въ Тихій океанъ, гдѣ и былъ потопленъ 14-го марта у острова Хуанъ-Фернандецъ тремя англійскими судами, въ томъ числѣ и «Глазго», отъ котораго онъ благополучно ушелъ при сраженіи у Фалклендскихъ острововъ.

За время своего корсарства «Дрезденъ» потопилъ пять пароходовъ и парусныхъ судовъ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 16.080 тоннъ.

Не всѣмъ германскимъ крейсерамъ такъ везло. Когда «Эмденъ» появился въ Индійскомъ океанѣ, другой крейсеръ, «Кенигсбергъ», уже находился тамъ въ районѣ Восточной Африки. 15-го августа онъ захватилъ англійскій пароходъ «Сити-офъ-Винчестеръ» въ 6601 тонну водоизмѣщеніемъ, что само по себѣ было солидной добычей. Но онъ пошелъ еще дальше: 20-го сентября напалъ въ портѣ Занзибаръ на маленькій британскій крейсеръ «Пегасъ», убивъ на немъ 25 человѣкъ и ранивъ 52. Но, начавъ бои съ крейсерами, онъ не могъ продолжать своихъ операцій противъ торговаго флота, и въ томъ же самомъ офиціальномъ сообщеніи, которое извѣстило о гибели «Эмдена», мы находимъ извѣстіе, что «Кенигсбергъ» найденъ маленькимъ британскимъ крейсеромъ «Чатамъ» въ рѣкѣ Руфиджи, въ германской Восточной Африкѣ миляхъ въ шести отъ устья, и что «Чатамъ», не имѣя возможности подойти къ «Кенигсбергу» вслѣдствіе своего глубокаго сидѣнія въ водѣ, заперъ его въ рѣкѣ, затопивъ нѣсколько угольщиковъ поперекъ единственнаго судоходнаго фарватера, по которому «Кенигсбергъ» могъ бы выйти изъ рѣки. 14-го декабря «Кенигсбергъ» былъ снова атакованъ и погибъ все въ той же рѣкѣ Руфиджи.

Что касается еще одного легкаго крейсера, «Карлсруэ», который успѣшно соперничалъ съ «Эмденомъ» и захватилъ почти столько же добычи (17 судовъ водоизмѣщеніемъ въ 75.638 тоннъ), то судьба его загадочна. Многіе увѣряютъ, что мѣсяца 2—3 тому назадъ его видѣли вблизи Нью-Йорка, но британское адмиралтейство утверждаетъ, что онъ, вѣроятно, погибъ въ началѣ ноября, ибо съ этого времени о немъ ничего не слышно и онъ во всякомъ случаѣ не заявлялъ о себѣ никакими новыми подвигами со времени первыхъ чиселъ ноября, когда ему приписываютъ захватъ нѣсколькихъ крупныхъ добычъ—въ томъ числѣ парохода «Ванъ-Дейкъ» водоизмѣщеніемъ въ 10.328 тоннъ.

Такимъ образомъ въ дальнихъ моряхъ всѣ германскіе крейсеры исчезли со сцены. То же самое произошло и съ вспомогательными крейсерами, изъ которыхъ нѣкоторые отличались не менѣе своихъ военныхъ сотоварищей, у другихъ же карьера была не столь долга и успѣшна. Нѣкоторые, какъ ужъ сказано, задержаны въ Нью-Йоркѣ, «Блюхеръ» интернированъ въ Бразиліи, «Капъ-Трафальгаръ», въ 9854 тонны во-

Гибель Эмдена, выбросившагося на берегъ и сгорѣвшаго.

доизмѣщеніемъ, былъ потопленъ 14-го сентября англійскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Караманія», «Императоръ Вильгельмъ Великій», который раньше всѣхъ другихъ началъ враждебныя дѣйствія противъ коммерческаго флота союзниковъ, выпустивъ первый выстрѣлъ въ пароходъ «Таубалъ-Кэнъ» въ 227 тоннъ водоизмѣщеніемъ, былъ застигнутъ врасплохъ легкимъ британскимъ крейсеромъ «Хайфлайеръ» въ водахъ Ріо-дель-Око, у западныхъ береговъ Африки, и потопленъ орудійнымъ огнемъ, о каковомъ подвигѣ «Хайфлайера» Черчиль, первый лордъ британскаго адмиралтейства, въ тотъ же день доложилъ палатѣ общинъ. «Императоръ Вильгельмъ Великій» потопилъ три парохода, общимъ водоизмѣщеніемъ въ 10.685 тоннъ.

Послѣдніе два германскихъ вспомогательныхъ крейсера въ настоящее время интернированы въ Ньюпортъ-Ньюзѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Это: «Принцъ Эйтель-Фридрихъ» и «Кронпринцъ Вильгельмъ». Они укрылись тамъ, истощивъ всѣ свои запасы. Первый уничтожилъ въ общемъ 10 судовъ, имѣющихъ въ совокупности 28.267 тоннъ водоизмѣщенія, а второй уничтожилъ 12 судовъ, въ 49.492 тонны водоизмѣщеніемъ. Ни тотъ ни другой не имѣютъ права выйти изъ порта, гдѣ они находятся сейчасъ, если же имъ даже удалось бы хитростью выйти снова въ море, они скоро очутились бы подъ огнемъ военныхъ судовъ союзниковъ, несущихъ полицейскую службу въ морѣ.

Въ настоящее время дальнія моря вполнѣ безопасны для плаванія, такъ какъ они совершенно очищены отъ всѣхъ вооруженныхъ судовъ, кромѣ судовъ союзниковъ.

Необходимо подчеркнуть особый характеръ, который носила эта каперская война, возрожденная и модернизированная германцами. Прежніе корсары гонялись за добычей, и въ ихъ интересахъ было причинять насколько возможно меньше вреда захваченному торговому судну, которое они затѣмъ продавали. Современные же германскіе корсары выбрали самый варварскій видъ войны, заключающійся въ томъ, чтобы причинять врагу какъ можно больше вреда. Уничтожать ради уничтоженія, вотъ ихъ единственная цѣль. Надо отдать имъ справедливость, что эти пиратствующіе крейсеры спасали пассажировъ тѣхъ судовъ, которыя они топили; но самыя суда, потопленныя ими—69 числомъ—погибли безвозвратно, и гибель такого количества коммерческихъ судовъ не могла не почувствоваться болѣзненно всѣмъ человѣчествомъ.

Военно-морскія операціи во внѣ-европейскихъ водахъ не ограничивались однимъ уничтоженіемъ пиратствующихъ германскихъ крейсеровъ. Происходили также дѣйствія противъ нѣмецкихъ колоній.

Почти въ самомъ началѣ войны къ союзу Англіи, Россіи и Франціи примкнула Японія. Съ ея помощью начались военныя дѣйствія противъ Кіао-Чао, нѣмецкой колоніи на китайской территоріи, и былъ осажденъ главный городъ этой колоніи, Циньдао, сильная крѣпость, твердыня германскаго вліянія на Востокѣ, и важный торговый портъ.

Присоединеніе къ морскимъ силамъ союзниковъ японскаго военнаго флота имѣло большое значеніе, ибо этотъ флотъ не только велъ операціи противъ Циньдао, но и оказалъ существенную помощь при преслѣдованіи «Шарнгорста», «Гнейзенау» и другихъ нѣмецкихъ крейсеровъ, равно какъ и помогалъ конвоировать транспортъ войскъ изъ Австраліи и Новой Зеландіи. Хотя надо замѣтить, что его дѣйствія ограничивались предѣлами Тихаго океана.

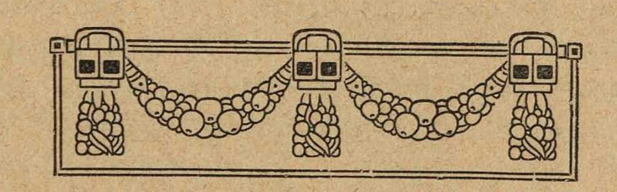
Операціи въ Кіао-Чао и вокругъ Циньдао велись весьма энергично. 23-го августа Японія объявила Германіи войну, въ тотъ же день началась бомбардировка Циньдао, а 28 сентября портъ былъ совершенно заблокированъ, между тѣмъ какъ японцы понемногу занимали извѣстные пункты территоріи германской колоніи. Разрушеніе фортификацій велось методически. Соотвѣтственно официальному сообщенію, 14-го октября форты Ильтисъ и Кайзеръ уже были отчасти разрушены; вскорѣ затѣмъ была захвачена гора Принца Генриха, господствующая надъ городомъ, а 31 ок-

тября начался общій штурмъ съ суши и съ моря.

Четырьмя днями позже форты были уже не въ состояніи отвѣчать, при чемъ англійскій крейсеръ «Тріумфъ» четырьмя выстрѣлами привелъ къ молчанію фортъ Бисмарка. А 4-го ноября японцы начали штурмъ форта Ильтиса, наиболѣе сильно укрѣпленнаго. Въ этотъ же день взорвалъ самъ себя на рейдѣ австрійскій крейсеръ «Кайзеринъ-Елизабетъ», укрывшійся въ Циньдао. А 7-го ноября лаконическая телеграмма изъ Токіо офиціально извѣстила: «Циньдао капитулировалъ».

Для Германіи Циньдао имѣлъ огромное значеніе не только какъ операціонная база для германскаго флота, но и по своему торговому положенію. Еще недавно—бѣдная рыбацкая деревушка, Цинь-дао въ короткое время сталъ центромъ торговыхъ сношеній Германіи съ внутреннимъ Китаемъ и въ то же время обѣщалъ стать главнымъ портомъ Сѣвернаго Китая. Въ то время какъ въ 1899 году цифра торговыхъ оборотовъ Циньдао составляла только 2 милліона таэлей, въ 1905 году эта цифра дошла до 22 милліоновъ, а въ 1911—до 47 милліоновъ.

Капитуляція Циньдао означала конецъ германскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

